

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ
НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ
II-2018

ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

**Материалы Всероссийской научной конференции
«Теория судебной власти: проблемы и пути их решения»
(Курск, РОСИ, 1-2 июня 2018 г.)**

№ 2 (8)

2018

Курск

2018. №2 (8)
Научный журнал

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

Основан в 2015 г.

Выходит два раза в год

Учредитель: ЧОУ ВО
«Региональный открытый
социальный институт»

ISSN 2411-0736

Редакционный совет:

Председатель: В.Н. Петров, канд. ист. наук,
доцент, ректор РОСИ

Члены редакционного совета:

Акперов И.Г., д-р экон. наук, ректор ИУБиП (Ростов-на-Дону), Апанасенок А.В., д-р ист. наук, доцент, проректор по науке и международным связям РОСИ (Курск) (заместитель председателя), Ващенко А.А., д-р экон. наук, профессор, ректор ВИБ (Волгоград), Воронина Н.Ю., канд. филос. наук, профессор, ректор СаГА (Самара), Закс Л.А., д-р филос. наук, профессор, ректор ГУ (Екатеринбург), Зернов В.А., д-р тех. наук, профессор, ректор РосНОУ (Москва), Иванов В.С., д-р экон. наук, профессор, президент МУБиНТ (Ярославль), Карпов Е.Б., д-р психол. наук, профессор, ректор ТИЭИ (Тула), Козлова Т.И., канд. юр. наук, профессор, ректор ИПиП (Санкт-Петербург), Львович Я.Е., д-р тех. наук, профессор, президент ВИБТ (Воронеж), Мажар Н.Е., д-р пед. наук, профессор, ректор СГУ (Смоленск), Миннибаев Е.К., д-р ист. наук, профессор, ректор ВЭГУ (Уфа), Мухаметзянов И.Ш., д-р мед. наук, профессор, ректор КСЮИ (Казань), Никулин В.А., д-р тех. наук, профессор, ректор КИТ (Ижевск), Тарасова Е.Е., д-р экон. наук, профессор, первый проректор БУКЭП (Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	4
МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТЕОРИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»	
<i>Б.М. Ашавский</i> Судебный прецедент – источник международного права?	5
<i>П.А. Гук</i> Нормотворческая функция судебной власти России	8
<i>Е.М. Дерябина</i> Прецедентный характер решений Европейского суда справедливости	11
<i>А.А. Кривоухов, А.М. Черкашина</i> Транспарентность органов судебной власти как фактор повышения доверия граждан	16
<i>М. Н. Марченко</i> К вопросу о понятии и внутреннем строении судебной системы Европейского Союза	20
<i>Л.А. Морозова</i> Судебные акты и их роль в правообразовании	27
<i>С.Б. Поляков</i> Судейская логика	34
<i>Т.К. Рябинина</i> Судебная власть: понятие и сущность (взгляд процессуалиста)	42
<i>М.А. Салихова</i> Проблемы теории и практики судебной власти	50
<i>М.А. Салихова, Н.И. Снегирева, Д.Е. Снегирева, П.Е. Снегирева</i> О социальной сущности судебной власти	55
<i>О.П. Сауляк, Ш.А. Зейналов</i> Судебная власть и проблемы обеспечения правопорядка в современной России	60
<i>В.М. Сырых</i> Объективная истина – основополагающий и общеобязательный принцип правосудия	69
<i>Э.Э. Хащина</i> Роль дьячества в развитии судебной власти Московского государства	73
<i>А.И. Хорошильцев</i> Об источниках судебной власти	77

Редакционная коллегия:*Главный редактор –*

В.Н. Петров, канд.ист. наук, доцент

Зам. главного редактора –

А.В. Апанасенок, д-р ист. наук, доцент

*Члены редколлегии:*Гребенщикова Е.Г., д-р филос. наук,
доцент

Должиков А.А., канд. тех. наук, доцент

Касаткин В.В., д-р тех наук, профессор

Кликунов Н.Д., канд. экон. наук, доцент

Лагутин И.Б., д-р юр. наук, доцент

Мягкова Е.Ю., д-р филол. наук, профессор

Сафонов В.Н., д-р юр. наук, доцент

Терновский Д.С., д-р экон. наук, доцент

Ходусов А.Н., д-р пед. наук, профессор

Отв. секретарь –

Кравченко С.А., канд. пед. наук

Адрес редакции:

305009, г. Курск, ул. Маяковского, 85.

Телефон: (4712) 34-38-48

Факс: (4712) 34-38-48

E-mail: nio@rosi-edu.ru

Макет обложки: В.В. Ситников

Верстка: А.А. Бескровный

Подписано в печать: 12.11.18

Формат 60×84/8.

Отпечатано: «Деловая полиграфия»,

305029, г. Курск, ул. К. Маркса, 61 Б

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12.

Тираж 300 экз. Заказ № 320 Цена свободная.

Опубликованные в номере статьи отражают позицию авторов, выраженные в них мнения могут не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Ответственность за соблюдение законодательства Российской Федерации об авторском праве несут авторы статей.

© Региональный открытый социальный институт

СОБЫТИЯ.....77

Заседание Президиума Ассоциации юридических вузов в РОСИ
(Курск, РОСИ, 1 июня 2018 г.) 77

Всероссийская научная конференция «Теория судебной власти:
проблемы и пути их решения» (Курск, РОСИ, 1-2 июня 2018 г.) 86

Презентация научных проектов ЧОУ ВО «РОСИ»
на VII Среднерусском экономическом форуме
(Курск, 8 июня 2018 г.) 89

По-прежнему среди лидеров: новая победа РОСИ
в конкурсе Erasmus+ (август 2018 г.) 92

«Растем! Открываем! Совершенствуемся! Изобретаем!»:
участие РОСИ в VIII Всероссийском Фестивале науки
(Курск, 12 октября 2018 г.) 93

К сведению авторов 114

От главного редактора

Уважаемые читатели!

Редакционная коллегия «Провинциальных научных записок» предлагает Вашему вниманию восьмой выпуск журнала. Он существенно отличается от предыдущих мультидисциплинарных номеров, так как посвящен исключительно вопросам теории судебной власти. Отступление от сложившейся традиции обусловлено не сменой концепции нашего издания (последующие выпуски открыты для представителей разных наук), а важным научным событием, которое имело место в Региональном открытом социальном институте в первые летние дни 2018 года. 1-2 июня здесь прошла Всероссийская научная конференция на тему «Теория судебной власти: проблемы и пути их решения». Совпав хронологически с проведением в РОСИ другого важного мероприятия – заседания Президиума Ассоциации юридических вузов – конференция собрала весьма солидный состав, в который

вошли как известные ученые-юристы из столичных вузов, так и правоведаы из российских регионов. На мероприятии был представлен ряд весьма интересных, глубоких докладов, отнюдь не «провинциальных» с точки зрения своей теоретической значимости. Между прочим, в ходе их обсуждения стало понятно, что теория судебной власти – хорошо разработанная в свое время область знания – нуждается в обновлении, как нуждается в переосмыслении и классическая теория разделения властей вообще. Информационное общество и постмодерн постепенно меняют наши представления о природе власти, заставляют по-новому смотреть на ее структуру, источники и функционал. В материалах, переданных участниками конференции, оказалось немало идей, ценных с точки зрения такого рода переосмысления. Эти обстоятельства привели редколлегию к мысли о том, что публикация данных материалов на страницах журнала окажется весьма полезной с научной точки зрения.

Думается, что предложенные материалы окажутся интересны не только специалистам в области теории государства и права, но и философам, историкам, социологам, политологам. Также редакционная коллегия надеется, что представленные в данном выпуске статьи вызовут полемику и тем самым позволят углубить понимание затронутых в них проблем.

*Ректор РОСИ,
кандидат исторических наук,
Почетный работник высшей школы
В.Н. Петров*

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТЕОРИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»

(Курск, РОССИ, 1-2 июня 2018 г.)

УДК 340.1

Б.М. Ашавский, канд. юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва) (ilaw@dipacademy.ru)

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ – ИСТОЧНИК МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА?

В статье анализируется понятие «источники международного права» и предпринимается попытка ответить на вопрос – является ли одним из них судебный прецедент.

Ключевые слова: *источники международного права, судебный прецедент, судейский активизм.*

В последние годы наряду с адекватной оценкой той роли, которую играют в современной межгосударственной системе судебные органы, существует и гипертрофирование их роли, продвижение т.н. «судейского активизма», судебных прецедентов как источника международного права. Для того, чтобы определить их реальную роль прежде всего остановимся на понятии «источники международного права».

В Словаре международного права это понятие (в юридическом смысле) определяется как «формы, в которых существуют нормы международного права, созданные в результате согласования воли (точнее – волеизъявлений – Б.А.) его субъектов» [5, с.129]. Они «едины по своей юридической природе: в их основе лежит соглашение субъектов» [5, с.129]. Основными из них «являются международный договор и обычай международно-правовой» [5, с.129].

В Словаре содержится также связанный с предыдущим термин «источники международного права вспомогательные». Среди этих источников называются: «резолуции международных организаций, решения международных судов и арбитражей, внутригосударственные законы, решения национальных судов, доктрина международного права». Не являясь, как правило, собственно источниками международного права, они «либо выступают определенными стадиями в процессе образования международно-правовых норм, либо оказывают влияние на ход этого процесса и его содержание, либо помогают установить существование или содержание нормы международного права» [5, с.130].

Профессор Г.И. Тункин говорил не об источниках международного права, а о двух формах образования и изменения норм общего международного права, о двух прямых путях установления его норм: договоре и обычае [6, с.142]. Говоря о других способах создания норм международного права, он пишет: «Путаница в значительной мере проистекает из того, что термин «источники» даже в том случае, когда он употребляется в так называемом формальном смысле (выражение весьма неудачное), является, как указывает Кельсен, весьма неопределенным [6, с. 143]. В категорию источников обычно включают не только процесс образования норм международного права и его результаты, но также различные факторы, влияющие на этот процесс» [6, с. 143].

В этом случае Г.И. Тункин говорит не о вспомогательных источниках международного права, а о вспомогательных процессах образования норм международного права [6, с.142].

Профессор С.В. Черниченко считает, что «источниками международного права являются формы, в которых оно воплощается, существует. Они представляют собой внешнюю фиксацию результатов правотворческого процесса в международной сфере и отражают специфику этого процесса. В них выражаются результаты волеизъявлений, исходящих от двух и более участников межгосударственных отношений, а не от единственной власти, одного государства. В том или ином виде они фиксируют соглашения, достигнутые участниками межгосударственных отношений» [3, с.70-73].

Проанализировав зарубежную международно-правовую доктрину по вопросу о значении решений международных судов и арбитражей, профессор Г.И. Тункин выделил две противоположные точки зрения [6, с. 159].

Первая точка зрения, которой придерживаются авторы из стран «общего права» (Common Law), преувеличивает роль решений Международного Суда. Среди них Лаутерпахт, который в монографии «Развитие международного права Международным Судом» писал в отношении этих решений: «Они являются свидетельством существования нормы права. Это не означает, что они не являются фактически источниками международного права» [6, с. 159].

Что касается т.н. вспомогательных источников международного права, которые не могут рассматриваться в качестве источников, а фактически являются вспомогательными средствами для определения международно-правовых норм, то они необходимы для выявления существования или уточнения содержания обычных норм международного права.

В подпункте «d» пункта 1 статьи 38 Статута Международного суда к вспомогательным средствам для определения правовых норм отнесены, с оговоркой, указанной в статье 59 Статута, судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций. Согласно статье 59 «Решение Суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу».

Дж. Фитцморис, отметив отсутствие в международных отношениях законодательного органа, писал: «Международное сообщество находится поэтому, в особой зависимости от международных судов в деле развития и уточнения права и придания ему более основательной силы» [6, с.159].

У. Дженкс заявил, что «в отношении все более широкого круга вопросов Суд все чаще использует судебный прецедент вместо бесформенного и спорного обычая» [6, с. 160].

Изложенная точка зрения противоречит нормам, содержащимся в Статусе Международного Суда. Уже упоминавшаяся статья 38 Статуса гласит, что Суд обязан решать переданные ему споры на основании международного права. Решения международных судов и арбитражей являются актами применения международно-правовых норм к конкретным ситуациям и не обладают правотворческим характером (см. ст. 59 Статуса).

Другая точка зрения, высказанная в зарубежной международно-правовой литера-

туре в отношении судебных решений, заключается в том, что они не являются источниками международного права. Так, профессор А.Фердросс, объединяя судебные решения и доктрину, заявил, что «судебная практика и доктрина не являются самостоятельными источниками международного права, они являются лишь вспомогательными источниками права, служащими для уяснения сомнительных положений права» [7, с. 164-165].

По мнению Г. Кельсена «решения Суда не могут иметь характера прецедента» [6, с.161].

Л. Оппенгейм считал, что «решения международных судов не являются прямыми источниками права в международном судопроизводстве» [6, с.161].

Г. Шварценбергер полагал, что «решения международных судов и трибуналов не имеют силы прецедентов в техническом смысле английского права» [6, с. 161-162].

Воззрения Я. Броунли в целом находятся в русле английской доктрины международного права, для которой характерен подход к международному праву с позиций англо-американского прецедентного права (commonlaw). Однако при анализе судебных решений и, в частности, роли судебного прецедента в практике суда, он подчеркнул, что «строго говоря, суд не руководствуется доктриной прецедента, но тем не менее он стремится обеспечить последовательность судебной практики» [1, с.50].

Большинство представителей отечественной доктрины международного права придерживается мнения, что решения Международного Суда и международных арбитражей не являются средством создания или изменения его норм, а относятся к числу вспомогательных источников (средств).

Решения Международного Суда входят в процесс нормообразования как часть международной практики в том, что касается констатации наличия норм международного права или их толкования. «Правда, – как отмечал Г.И. Тункин, – эту практику нельзя ставить на одну доску с практикой государств, так как Международный Суд не состоит из представителей государств» [6, с.163].

В конце прошлого – начале нынешнего века стал особенно отчетливо проявляться международный судебный (судейский) активизм. Вначале это было связано с созданием и деятельностью Международного трибунала по бывшей Югославии, а затем «приняло обваль- ный характер в связи с массовым созданием

все новых и новых международных уголовных судов и трибуналов» [4, с. 203].

Активное участие в попытках изменения действующего международного права принимал и Международный уголовный Суд, вынесший в декабре 2011 года примечательное решение в плане судебного активизма. А.Б. Мезяев оценил это решение как граничащее с откровенной махинацией, а судебный активизм как откровенную махинацию [2, с. 206].

Суть заключается в том, что «международные» судьи сами себе разрешили продавливать англо-американскую концепцию судебного прецедента как одного из основных источников права в международные суды. Последовательность действий здесь такова: вначале принять важное решение в малозначительном деле, а затем, применив концепцию судебного прецедента, использовать его в более важном. Так было в деле Милошевича, а также в деле против двух африканских государств [2, с. 206-208].

В заключение необходимо сказать, что вывод о том, что судьи осуществляют правотворческие функции, представляется безосновательным. Как минимум преждевременным является утверждение о том, что судебный прецедент является источником международного права. Использование в этом качестве судебного прецедента отдельными судебными органами (МТБЮ, МТР, МУС, ЕСПЧ, ОРС, ВТО) не дают достаточных оснований для общего вывода.

B.M. Ashavsky, Cand. of Law, Professor, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow) (ilaw@dipacademy.ru)

IS THE TRIAL PRECEDENT A SOURCE OF INTERNATIONAL LAW?

The article analyzes the notion of «the sources of international law». The author undertakes to answer the question: is a judicial precedent source of international law.

Keywords: *sources of international law, a judicial precedent, judges' initiative.*

Список литературы и источников:

1. Броунли Я. Международное право (в двух книгах). Книга первая. – М.: Прогресс, 1977. – 535 с.
2. Мезяев А.Б. Международный судебный активизм как способ коренного изменения современного международного права // Материалы международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию профессора Фельдмана Давида Исааковича (11-12 октября 2012 г., г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет). – М.: Статут, 2014. – 528 с.
3. Международное право: Учебник / Отв. ред., д.ю.н., проф. С.А. Егоров. – М.: Статут, 2016. – 1087 с.
4. Международные суды: позиция России // Материалы «круглого стола» в Дипломатической академии МИД России. Под ред. Б.М. Ашавского и Е.В. Ананьевой // Международная жизнь. – 2010, – № 9. – С. 157-180.
5. Словарь международного права. 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 495 с.
6. Тункин Г.И. Теория международного права. Под общей ред. проф. Л.Н. Шестакова. – М. Зерцало, 2006. – 416 с.
7. Фердросс А. Международное право. – М.: Иностр. Лит., 1959. – 652 с.

УДК 340

П.А. Гук., д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (Пенза) (e-mail: gukpola@mail.ru)

НОРМОТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ

Рассматривается проблемный аспект в деятельности судебной власти, ее нормотворческая функция. Раскрываются направления нормотворческой деятельности высших органов судебной власти. Вносятся предложения о законодательном закреплении нормотворческой функции судебной власти.
Ключевые слова: *высшие органы судебной власти, судебное нормотворчество, судебная практика, толкование норм права, пробел в праве, функции судебной власти*

Проблема судебного нормотворчества имеет полярные взгляды и до настоящего времени остается актуальной для правовой системы России. В литературе отсутствует единое мнение о судебной практике как источнике права и нормотворческой функции высших судебных органов. В связи с этим потребность в развитии гражданского общества и институтов его защиты требует дальнейшего исследования данного правового явления с учетом различных научных подходов.

Так, в юридической науке сложились две точки зрения по вопросу судебной практики как источника права и судебного нормотворчества. Одни, с учетом всех положительных факторов, признают судебное нормотворчество и судебную практику источником права, считают, что суд может формулировать нормы для преодоления пробелов в правовом регулировании (Марченко М.Н., Лазарев В.В. и др.). Тогда как другие не относят судебную практику к источнику права, поскольку у судебных органов нет правотворческих функций, их основная задача применять закон, а не создавать его (Нерсесянц В.С., Кутафин О.Е. и др.).

В теории судебного нормотворчества можно выделить следующие направления в осуществлении высшими судебными органами нормотворческой функции. Первое, связано непосредственно с реализацией высшими судебными органами, в соответствии со ст. 104 Конституции РФ, права законодательной инициативы. Второе, позволяет Верховному суду РФ в соответствии со статьей 126 Конституции РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики, а также выработать правовые позиции (судебные нормы). Если первое и отчасти второе направление имеют законодательное закрепление, то выработка, формулирование и придание правовым позициям нормативного характера законодательного признания не имеют и реализуются в практической деятельности высшими судебными

инстанциями при осуществлении правосудия, которые опосредованно включаются в нормотворческую деятельность, с целью урегулировать спорные отношения.

По нашему мнению, нормотворческая функция высших судебных органов начинает действовать тогда, когда это связано с проблемами в нормативно-правовом регулировании общественных отношений, коллизиями между нормативными актами, отсутствием единообразного толкования принципов и норм права, отсутствием новой нормы права после признания прежней не соответствующей нормативному акту с большей юридической силой.

Нормотворческую функцию высших судебных органов следует рассматривать непосредственно через их деятельность, в общей системе функций судебной власти [7]. В теории не дается точного понимания нормотворческой функции высших судебных органов.

Исследуя деятельность Федерального Конституционного суда Германии и Конституционного Суда России, Вересова Н.А. отмечает, что под нормотворческой функцией данных судов понимается их деятельность, результатом которой является принятие в порядке конституционного судопроизводства судебных актов в определенной форме, составной частью которых является нормативное положение, содержащее толкование основных законов [2, с. 8].

Мы полагаем, что нормотворческая функция представляет собой целенаправленные действия высших органов судебной власти, в определенном виде судопроизводства, по выработке правовых позиций (судебных норм), толкованию принципов и норм права, формированию единой судебной практики, с закреплением результатов в судебном акте.

По своему предназначению функции судебных органов и судебной практики могут, как совпадать, так и иметь различие, но в большинстве своем они являются производными от деятельности высших судебных

органов. Функции судебных органов в основном закреплены в нормативных актах, определяют компетенцию суда в той или иной сфере правоотношений, направлены на реализацию установленной государственной воли, имеют достаточно широкий диапазон воздействия [8].

При этом следует отличать функции судебной практики от функции судебных органов, формирующих судебную практику. Функции судебных органов направлены на реализацию и защиту конституционных прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, посредством конституционного, гражданского, уголовного, арбитражного и административного судопроизводства. Судебная практика является продуктом, результатом такой судебной деятельности, в которой содержится судебно-нормативная материя, выполняющая соответствующие функции [3, с. 14].

Также в литературе часто используется такой вид функции судебной практики, как нормотворческий. По нашему мнению, эта функция относится к деятельности высших судебных органов по выработке правовых позиций, толкованию принципов и норм права, формированию единой судебной практики, а вот по отношению к судебной практике будет правильнее говорить о правообразующей или нормообразующей её функции.

Нормообразующая функция судебной практики формируется судебными органами в результате судебной деятельности в силу целенаправленного стремления к реализации той или иной юридической нормы или основополагающего правового принципа [1, с. 29-31].

Нормотворческую функцию высших судебных органов в правовой сфере воспринимают не однозначно и связано такое отношение с отсутствием законодательного признания. Но то, что не закреплено в законе не значит, что фактически не существует в природе, как раз наоборот нормообразующая (правообразующая) функция содержится в отдельных постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ (упраздненного в августе 2014г., но отдельные постановления Пленума не утратили своего действия), постановлениях и определениях Конституционного Суда РФ. Поэтому если высшие судебные органы формируют судебную практику, создают правовые позиции, дают толкование принципам и нормам права, которые обладают нормообразующей функцией, следовательно, эти судебные органы непосредственно реализуют нормотворческую функцию, хотя и не закрепленную в нормативно-правовом акте.

Соглашаясь в принципе с мнением о том, что только законодатель, а не суд может

отменить или изменить нормативный правовой акт, не соответствующий Конституции или обычному закону, М.Н. Марченко не разделяет мнение, согласно которому это законодательно закрепленное положение может быть использовано в качестве аргумента в пользу тезиса об отсутствии у Конституционного Суда или любого иного Суда в лице высших органов, правотворческих возможностей [5, с. 411].

В настоящее время, Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ не обладая законодательно закрепленной нормотворческой функцией, фактически её выполняют, и эта деятельность ни в коей мере не ущемляет права и свободы граждан, юридических лиц, не нарушает их интересы, а наоборот защищает их нарушенные права, свободы и законные интересы в случаях пробела, дефекта в законе, признания нормативного акта (нормы) не соответствующего Конституции РФ.

Так, в январе 2018 года Президент России В.В. Путин выступая на юбилее Верховного Суда РФ отметил, что «обобщая судебную практику, Верховный Суд обеспечивает единообразное понимание и применение правовых норм, фактически осуществляет официальное толкование нормативных актов. Благодаря этому реализуются конституционные принципы верховенства закона и равенства перед законом и судом.

Большое значение имеет правотворческая деятельность Верховного Суда. Она позволяет восполнять пробелы в законодательстве, устранять противоречия, придаёт многим нормам большую чёткость и ясность. Важно, чтобы эта работа отвечала запросам граждан, экономики страны, современным тенденциям, которые диктует время, эпоха бурных технологических изменений. Нужно всегда помнить, что право формируется самой жизнью» [6].

Эволюционное развитие правовой системы, и в частности судебных органов, позволило выявить нормотворческую функцию судебной власти. Судебная власть как одна из ветвей государственной власти осуществляет не только функцию правосудия, но и функцию своеобразного судебного нормотворчества в форме судебного прецедента и судебной практики [4].

Для разрешения проблемы судебного нормотворчества в российской правовой системе, по нашему мнению, следует закрепить в нормативном акте функцию судебного нормотворчества за высшими судебными органами, определив их полномочия, пределы, форму, механизмы реализации, время действия. Лучше иметь нормотворчество в рамках закона, чем его игнорировать вооб-

ще. Этот процесс не скорый, нужно найти те оптимальные процедуры, которые позволили бы высшим судебным органам в пределах своих полномочий осуществлять нормотворческую функцию.

На наш взгляд, с учетом сложившейся практики, функцию судебного нормотворчества следует признать и закрепить: за Конституционным Судом РФ в форме постановлений и определений, содержащих правовые позиции нормативного характера, толкование принципов и норм права, норм Конституции РФ; за Верховным Судом РФ в форме постановлений Пленума, содержащих правовые позиции, разъяснения о применении норм права, их конкретизацию, толкование принципов и норм права; в форме постановлений Президиума Верховного Суда РФ, содержащих толкование принципов и норм права.

В соответствии с иерархичностью судебной системы, высшую силу должны иметь судебные акты Конституционного Суда РФ, затем постановления Пленума и постановления Президиума. Выработанные ими судебно-нормативные положения действуют до принятия соответствующего нормативного акта.

В настоящее время в правовой жизни России идет выработка механизма судебного нормотворчества применительно к национальной правовой системе, наши предложения не являются идеалом модели механизма судебного нормотворчества и также требуют обсуждения, доработки для создания единой процедуры в осуществлении высшими судебными органами нормотворческой функции. В этом и будет, по нашему мнению, заключаться особая роль высших органов судебной власти со своей процедурой судебного нормотворчества и формой её выражения, отличающаяся от законодательной и исполни-

тельной власти, что позволит оптимизировать развитие судебной власти в движении вперед к правовому государству.

Список литературы и источников:

1. Боботов С. В. Нормообразующая функция судебной практики / С. В. Боботов // Судебная система России. – М., 2000. – 336 с.
2. Вересова Н.А. Нормотворческая функция Федеративного Конституционного Суда ФРГ и Конституционного Суда РФ (сравнительно правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Вересова Н. А. – СПб., 2008. – 20 с.
3. Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук / Гук П.А. – М., 2012. – 52 с.
4. Лазарев В.В. Прецедент: реалии и перспективы в российском праве / В. В. Лазарев // Российское правосудие. – 2012. – № 4. – С. 6–15.
5. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право / М. Н. Марченко. – М., 2007. – 512 с.
6. Путин В.В. Выступление на торжественном заседании, посвященном 95-летию Верховному суду России, 23 января 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688> (дата обращения: 10.03.2018 г.).
7. О функциях судебной власти см., например: Терехин В.А., Герасимова А.А. Функции судебной власти в механизме российского государства. – М., 2015. – 296 с.
8. О функциях судебных органов см., например: Анишина, В.И. Функции судов как самостоятельной ветви государственной власти в Российской Федерации / В. И. Анишина // Российский судья. – 2006. – № 10. – С. 14-17.

P.A. Guk, Doctor of juridical sciences, Professor, Penza State University (Penza) (e-mail: gukpola@mail.ru)

THE NORM-SETTING FUNCTION OF THE JUDICIARY OF RUSSIA

This article discusses the problematic aspect in the activities of the judicial power and her norm-setting function, as well as reveals the direction of norm-setting activities of the Senior judiciary. The author of the article made proposals on legislative regulation of norm-setting functions of the judiciary.

Keywords: *higher judiciary judicial law-making, judicial practice, the interpretation of the law, a gap in the law, the functions of the judiciary*

УДК 340.1

Е.М. Дерябина, канд. ист. наук, доцент, ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет» (Москва) (emazhuga@mpsu.ru)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Предметом обсуждения данной статьи являются возможности правотворчества судебных органов в рамках романо-германского права на примере деятельности Европейского суда справедливости. Рассматриваются различные точки зрения относительно юридической природы и характера решений Европейского суда. Анализируются некоторые особенности самих прецедентов, создаваемых Европейским судом, процесс их возникновения и формы проявления; их юридический характер и сила как производные от роли и статуса Суда в правовой системе.

Ключевые слова: Европейское право, Европейский суд, Судебный прецедент, национальное право, принципы права, правовая система, толкование права.

Вопрос о юридической природе и характере решений Европейского суда справедливости является частью более общего вопроса о возможности и допустимости правотворчества судебных органов за пределами системы общего права, в частности в рамках романо-германского права – о возможности существования в ней прецедента в качестве источника права. Проблема является далеко не новой. Европейское право, стремится интегрировать в себя элементы различных правовых систем и семей, идет незримая борьба устоявшихся тенденций и традиций романо-германского (континентального) и англосаксонского (общего) права.

В западной, а отчасти и в отечественной юридической литературе, касающейся данной тематики, в целом наметилось несколько, значительно отличающихся друг от друга, подходов к определению юридической природы и характера решений Европейского суда.

Первый подход ассоциируется с категорическим отрицанием правотворческой функции судебного органа – основного носителя судебной власти Европейского союза, т.к., в противном случае, его правотворческая функция, якобы, может нарушить принцип разделения властей.

Суть второго подхода к определению юридической природы и характера решений Европейского суда справедливости сводится к прямо противоположному заключению авторов по сравнению с взглядами сторонников первого подхода [3, с.17-21]. Разделяя мнение о прецедентном характере решений главного суда Европейского союза и о необходимости рассмотрения их не иначе как в качестве актов, содержащих общие

нормы права, сторонники этой точки зрения относят их, наряду с учредительными Договорами, породившими и закрепившими Европейское сообщество, и другими актами, в число источников европейского права.

Наконец, третья группа ученых, рассматривая вопрос о юридической природе и характере решений Европейского суда справедливости, ограничивается простой констатацией – утверждением того неоспоримого, с их точки зрения, факта, что Суд, хотя и весьма осмотрительно, но все же выполняет правотворческие функции. В своей повседневной деятельности он создает прецеденты и, соответственно, формирует прецедентное право.

Не касаясь сути продолжающихся споров и анализа различных точек зрения, высказанных авторами по вопросу о юридической природе и характере решений Европейского суда справедливости, следует отметить, что второй подход к разрешению данной проблемы является не только более распространенным в научной юридической литературе, но и представляется более адекватно отражающим реальную действительность, сложившуюся практику и поэтому более приемлем.

Говоря о прецедентном характере решений Европейского суда справедливости, не следует воспринимать создаваемый Судом прецедент, равно как и само возникающее на его основе прецедентное право, в виде некоего варианта «классического» прецедента, существующего в системе общего права.

Авторы, занимающиеся исследованием данной материи, совершенно правы, когда утверждают, что в системе европейского права прецедент, и в особенности формируемый им правовой массив,

существует не под своим традиционным названием общего права, а выступает в несколько ином виде и под другим названием, а именно – «под рубрикой «общие принципы права», доктрина которых возникает и развивается благодаря креативной юриспруденции Европейского суда» [7, р. 242].

Особенности прецедента, порожденного Европейским судом справедливости, обусловлены следующими обстоятельствами.

Во-первых, отсутствием строгой, официально признанной иерархии в строении отношений между Европейским судом справедливости и национальными судами.

Иерархическая система связей судебных органов, как предпосылка и обязательное условие возникновения и применения прецедента как источника права на общеевропейском уровне, существует лишь между Европейским судом справедливости и так называемым Судом первой инстанции.

Что же касается отношений Европейского суда справедливости с национальными судами государств – членов Европейского союза, то здесь официально признанной и законодательно закрепленной иерархической связи между ними нет. Несмотря на то, что в научной литературе национальные суды причисляют иногда к общеевропейской системе судебных органов, их правовой статус и юрисдикция от этого нисколько не меняются. Они сохраняют свою полную административную, организационную, юрисдикционную и иную самостоятельность. Их отношения с Европейским судом справедливости по поводу осуществляемого им толкования права Европейского союза, его применения национальными судами являются, по мнению ряда экспертов, «скорее кооперативными по своей природе и характеру, нежели иерархическими» [9, р.145].

Во-вторых, особенности прецедентного характера решений Европейского суда справедливости, равно как и особенности самого прецедента, порожденного данным институтом, обусловлены тем, что прецедент, будучи сформированным Судом только на основе и в рамках общеевропейского права, распространяет тем не менее свое влияние как на правовую систему Европейского союза, так и на национальное право.

Подобная ситуация складывается в силу того, что Суд, имея дело только с вопросами, касающимися исключительно общеевропейского права, которое очень тесно

связано с национальным правом, в ряде случаев вынужден в силу сложившихся объективных обстоятельств «вторгаться» в сферу интегрированного национального права.

Европейский суд справедливости при этом имеет дело, как особо констатируется в научной литературе, «только с вопросами, касающимися общеевропейского», в том числе и интегрированного права, а именно с вопросами его толкования; осуществления судебного контроля за соответствием текущего законодательства конституции Европейского союза, под которой понимается «серия учредительных международных договоров», – судебного контроля в области правотворчества, а также – в процессе правоприменения.

В-третьих, особенность прецедента, порожденного Европейским судом справедливости, по сравнению с «классическим» прецедентом, существующим в системе общего права, заключается в том, что он, в силу отсутствия иерархии судебных органов в Европейском союзе, не имеет жесткой связи и обязательности национальных судов следовать решениям Европейского суда [5].

В-четвертых, особенность решения Европейского суда справедливости, рассматриваемого в качестве прецедента, заключается в том, что по вопросам, касающимся европейского права, оно имеет окончательный характер, «не подлежит сомнению, обжалованию и пересмотру».

Данная особенность решений Европейского суда обусловлена тем, что в пределах Европейского союза отсутствие иерархии судов в значительной степени «компенсируется» иерархией правовых систем. Согласно законодательно закрепленным положениям правовой теории и сложившейся практике, несмотря на то, что общеевропейское право применяется и «в принудительном порядке осуществляется через национальные суды и трибуналы государств – членов Европейского союза», оно имеет безусловный приоритет перед национальным правом.

Из этого следует логический и вполне обоснованный вывод о том, что приоритет одной правовой системы над другой, с неизбежностью предопределяет и приоритетный характер взаимоотношений их отдельных составных частей, в том числе решений Европейского суда справедливости, касающихся вопросов общеевропейского права.

Помимо названных особенностей решений Европейского суда, имеющих прецедентный характер, необходимо отметить особенности процесса возникновения прецедента и формы его проявления.

Какие акты, исходящие от Европейского суда справедливости, следует рассматривать в качестве прецедента, в чем проявляется их прецедентный характер как источников права?

Отвечая на вторую часть данного вопроса, следует заметить, что прецедентный характер решений Европейского суда справедливости, равно как и любого иного судебного или административного акта, именуемого прецедентом, заключается в том, что он содержит в себе общую норму или положение (принцип) общего характера, которое учитывается (должно учитываться) всеми иными судебными органами при рассмотрении всех последующих, в той или иной степени связанных с решением Европейского суда дел.

По общему правилу, сложившемуся в правовой теории и многократно подтвержденному юридической практикой, прецедент как источник права (в данном случае это решение Суда) по аналогии с требованиями, которые предъявляются к любому источнику права, в частности к нормативному правовому акту, должен быть рассчитан на многократность применения и относиться к неопределенному кругу аналогичных случаев.

В качестве такого рода актов, исходящих от Европейского суда справедливости и обладающих прецедентным характером, следует признать прежде всего акты толкования и судебного контроля за соответствием решений, принимаемых различными институтами Европейского союза и государств – членом Союза, тем положениям, которые содержатся в учредительных договорных актах и в сформированном на их основе общеевропейском законодательстве.

Придавая данной стороне деятельности Суда и принимаемым им актам огромное и юридическое, и социально-политическое значение, исследователи европейского права особо подчеркивают, что Суд в процессе осуществления контроля за законностью актов, издаваемых различными институтами Европейского союза, «защищает права всех тех, кто является субъектом права Европейского сообщества», а также следит за тем, чтобы «деятельность

институтов Сообщества оставалась в рамках границ, установленных учредительными договорными актами, и чтобы эти институты сохраняли баланс властей, существующий в пределах Сообщества».

Что касается сугубо юридической оценки деятельности Суда, связанной с осуществлением контроля за конституционностью решений, принимаемых различными институтами Сообщества, то здесь возникают два традиционных вопроса.

Первый из них касается роли и статуса Суда в правовой системе и, соответственно, в зависимости от этого – юридического характера и юридической силы принимаемого им акта.

Применительно к Европейскому суду справедливости можно с полной уверенностью сказать, исходя из анализа его повседневной деятельности, что он выступает одновременно «в трех лицах» и что исходящие от него акты толкования в силу своего нормативного и строго обязательного для всех институтов характера, являются не только актами «толкователя» этого права, но и актами законодателя.

Второй вопрос, довольно традиционный и вместе с тем весьма актуальный для правовой системы Европейского союза, касается юридической силы актов толкования Европейского суда имеющих прецедентный характер и их обязательность не только для институтов Европейского союза и национальных институтов государств – членом Союза, но и для самого Суда.

Господствующая в правовой системе Евросоюза доктрина и сложившаяся практика со всей очевидностью свидетельствуют о том, что насколько однозначно решен данный вопрос в отношении других общеевропейских и национальных институтов, включая национальные суды, настолько же он остается неопределенным в отношении самого Суда. Однозначность решений вопроса, касающегося юридической силы актов толкования Суда для других общеевропейских и национальных институтов, в том числе и национальных судов, заключается, как было отмечено, в их императивном характере, неоспоримости и обязательности. Это обусловлено, с одной стороны, несомненным приоритетом права Европейского союза перед национальным правом государств – членом Союзав случае возникновения правовых коллизий, а с другой – полной монополией Суда на право давать окончательное толкование конституционных, в смысле основополагающих, актов Европей-

ского союза и соответственно решать вопрос о юридической состоятельности (конституционности) принимаемых различными институтами этого Сообщества решений.

Пользуясь монополией в данной области, Суд в продолжение своей миссии ориентирует и национальные суды действовать в направлении принятия мер для единообразного понимания и применения права Европейского союза различными институтами государств – членом этого Союза.

Согласно сложившейся практике в тех случаях, когда отсутствует толкование Европейского суда справедливости в отношении того или иного общеевропейского акта, применяемого в рамках юрисдикции национального суда, и упущена возможность предварительного обращения к Европейскому суду с просьбой дать такое толкование, национальные суды, в случае необходимости «должны объявлять юридически несостоятельными действия национальных институтов, применяющих общеевропейский акт, который, как предполагается, не имеет юридической силы», т. е. не является конституционным.

Наряду с названными актами Европейского суда справедливости, имеющими прецедентный характер, в качестве других его аналогичных актов следует указать также на «предварительные (прелиминарные) заключения» которые он выносит по поводу юридической состоятельности того или иного общеевропейского акта, или же соответствия актов, исходящих от национальных институтов государств – членом Европейского союза, общеевропейскому законодательству [8].

По своей юридической сути «прелиминарные заключения» – это не что иное, как акты толкования, точнее – их разновидность, которая дается Европейским судом по предварительному обращению к нему со стороны того или иного национального суда.

В силу того, что в соответствии с действующим законодательством и сложившейся практикой «каждый национальный суд рассматривается одновременно и как часть общеевропейского суда», все национальные суды от самой низкой судебной инстанции до самой высокой – Конституционный суд, наделяются полномочиями обращаться в Европейский суд справедливости за дачей прелиминарного заключения во всех тех случаях, когда при рассмотрении конкретного дела, связанного с применением норм общеевропейского права, возникают сомнения

в конституционности того или иного общеевропейского акта или необходимость его толкования.

Поскольку национальные суды в силу своего статуса, складывающегося из элементов сугубо национального и общеевропейского свойства, выступают в качестве институтов, трансформирующих нормы и принципы общеевропейского права, включая принцип верховенства, прямого действия, «принцип прецедента», в «конкретные правила поведения», то по логике вещей, подтвержденной судебной практикой, прелиминарные акты Европейского суда справедливости не могут не оказывать «связующего эффекта» по отношению к национальным судам.

Вопрос, однако, заключается в том, каков по своему характеру будет этот «связующий эффект», какова его степень воздействия на национальные суды и в чем он выражается?

Анализируя сложившуюся практику взаимоотношений Европейского суда и национальных судов по вопросам, касающимся прелиминарных заключений, нельзя не обратить внимание на то, что «связующий эффект» имеет не односторонний, а двусторонний характер. Он касается не только национальных судов, которые сочли необходимым обратиться к Суду с просьбой дать прелиминарное заключение по тому или иному нормативно-правовому акту, но и самого Суда.

При этом речь идет не только об относительной связанности Суда своими собственными решениями, но и о его прямой обязанности в случае обращения к нему национального суда по данному вопросу дать соответствующее заключение [4].

Согласно действующему законодательству такого рода заключение имеет юридическую силу не только для обратившегося суда, но и для судов других государств, рассматривающих аналогичные дела. Данный акт, именуемый прелиминарным заключением, рассчитан не на однократность, а многократность применения. К тому же он относится не только к конкретному суду или рассматриваемому им делу, но и ко всем иным национальным судам и всем последующим рассматриваемым ими аналогичным делам. Прелиминарные заключения, таким образом, так же как и все иные, «обычные» акты толкования Суда, носят не индивидуальный, а нормативно-правовой характер.

Однако, говоря об этом, равно как и о «связанности» национальных судов прелиминарными заключениями Европейского суда, следует иметь в виду, что эта обязанность Суда следовать своим собственным решениям, носит не абсолютный, а относительный характер.

Свое конкретное проявление это находит, в частности, в том, что, согласно правовой позиции Европейского суда, национальный суд, не удовлетворившись одним прелиминарным заключением может вновь обратиться к Суду. Разумеется, для этого необходимы весомые основания, т.к. национальный суд, будучи, в соответствии с европейским законодательством, довольно жестко связанным положениями, содержащимися в прелиминарных заключениях, не может их не учитывать при рассмотрении того или иного конкретного дела, а тем более сознательно их игнорировать [6, p.378].

Поэтому решение национального суда не следовать первому прелиминарному заключению, а «искать» у Европейского суда другое заключение по исковому вопросу – это не механический, а тем более не произвольный шаг, а, как правило, весьма продуманное, базирующееся на новой аргументации информации и действие.

Реализуя свое право на повторное обращение к Европейскому суду по поводу прелиминарного заключения, национальные суды учитывают, с одной стороны, тот факт, что Суд не связан жесткими обязательствами, касающимися первых прелиминарных заключений, и что он «может, при необходимости, модифицировать их». А с другой стороны, национальные суды исходят из того, что «при любом раскладе сил», т. е.

при любом характере и содержании прелиминарного заключения, окончательное решение по конкретному делу остается за ними.

Таким образом, рассматривая прелиминарные заключения Европейского суда справедливости в качестве акта, имеющего прецедентный характер, следует иметь ввиду, что данная форма прецедента, равно как и другие его формы, порожаемые Судом, в значительной мере отличаются от «классического» прецедента, существующего в системе общего права и содержащего в себе, в отличие от них, не «относительные» по своей «связующей» юридической силе, а скорее «абсолютные», императивные нормы и принципы.

Список литературы и источников:

1. Европейское право / рук. авт. колл. отв. ред. Л.М.Энтин. – М., 2004.
2. Право Европейского союза / под ред. С.Ю. Кашкина. – М., 2004.
3. Топорнин Б.Н. Европейское право. – М., 1998.
4. Alder J. General principles of Constitutional and Administrative Law. – L., 2004.
5. Arnull A. The European Union and its Court of Justice.– Oxford, 1999.
6. Broun L., Kennedy T. The Court of Justice of the European Communities. – L., 2000.
7. Hartley F. Federalism, Courts and Legal Systems: The Emerging Constitution of the European Community // The American Journal of Comparative Law. 1986. Vol.34.
8. Shaw J. Law of European Union. –L., 2000.
9. Waytt D., Dashwood A. European Community Law. –L., 1993.

Е.М. Deryabina, Cand. of History, Associate Professor, Moscow Psychological and Social University (Moscow)

PRECEDENT CHARACTER OF SOLUTIONS OF THE EUROPEAN COURT OF JUSTICE

The subject of this work is the possibilities of the law-making of the judiciary in the framework of the Roman-Germanic Law on the example of the activities of the European Court of Justice. Different points of view are considered regarding the legal nature and nature of the decisions of the European Court. The author analyses some features of the precedents created by the European Court, the process of their occurrence and the form of manifestation, their legal nature and strength as derived from the role and status of the Court in the legal system.

Keywords: *European law, European Court, Judicial precedent, national law, principles of law, legal system, interpretation of law.*

УДК 342.56

А.А. Кривоухов, канд. юрид. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И.И. Иванова» (Курск) (e-mail: anatka@rambler.ru)

А.М. Черкашина, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: cherkashinaalla@mail.ru)

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ОРГАНОВ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН

В данной статье рассмотрен вопрос использования информации в качестве источника повышения доверия граждан к органам государственной власти. Актуальность темы связана со статистикой отношения общества к аппарату государственного управления, в частности к судебной системе. В период проведения судебной реформы большой проблемой стало формирование правосознания граждан, направленное на объективное построение отношений общества и государства в лице его органов. Выявлены основные проблемы, связанные с коэффициентом доверия к суду.

Ключевые слова: судебные органы, государственная власть, доверие граждан, информация, доступ к информации.

Развитие правового государства крепкими цепями связано с доверием граждан к органам государственной власти. Российская Федерация провозглашена правовым государством Конституцией РФ 1993 года, исходя из чего, Россия признает человека, его права и свободы высшей ценностью и обязуется соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Коэффициент доверия населения к государственным органам отражает степень эффективности функционирования государства как такового. Отдельную нишу в ряду органов государственной власти занимает суд. Роль суда в жизни общества сложно переоценить. Судебные органы являются сдерживающей силой в отношении человека, его прав и свобод и органов государственной власти (в частности это касается органов исполнительной власти). Неудовлетворенность в судебной защите и подрыв доверия к суду становится актуальным вопросом в нашей стране в период судебной реформы и в настоящий момент. Восстановление доверия, признание судебной власти в обществе, определение ее роли в правовом государстве возможно через прозрачность осуществления правосудия, обеспечения доступа к информации о деятельности судов в РФ.

Судебная реформа отмечалась принятием различных нормативных правовых актов, но основные ее направления были выражены в Концепции судебной реформы 1991 года. Исходя из данного документа, одной из основных задач является именно обеспечение достоверности и повышение доступности информации о деятельности правоохранительных

органов, судебно-правовой статистики. Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» 2012 года выделяет существенное улучшение доступа к информации о деятельности государственных органов в отдельную проблему. В свою очередь именно с этим связано значение информации в деятельности судебных органов при повышении доверия граждан к правосудию.

Социологическая компания Фонд «Общественное мнение» в своем исследовании «О судах и судьях» установил, что в январе 2017 года при ответе на вопрос «Как вы в целом оцениваете деятельность российских судов и судей: положительно или отрицательно?» статистика ответов такова: 40% отвечали «отрицательно», только 24% – «положительно», при 36% «затруднившихся ответить». Показатели данного исследования объясняют важность решения проблемы информирования граждан о деятельности судов, повышения роли судебной власти.

Теперь непосредственно рассмотрим роль информации в современном обществе как определенного фактора повышения доверия граждан к государственным органам, в частности к судебной системе.

Трудно представить современный мир без такого важного элемента как информация. Она пронизывает все сферы жизни общества. Всем известно высказывание: кто владеет информацией, тот владеет миром. Развитые коммуникации превращают нашу планету в шар, окутанный сетью пересекающихся линий – сведений о явлениях и предметах.

Коммуникативные процессы приобрели большое значение и касаются всех сфер деятельности человека. Государство, анализируя роль информации в жизни общества, регулирует основные вопросы, связанные с использованием информации. Значение такого явления как информация можно выделить из того, что источником первоначального определения ее правового значения является Конституция РФ 1993 года, которая в статье 29 часть 4 устанавливает, что каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Различают массовую информацию, информацию о частной жизни, информацию с ограниченным доступом (государственная тайна и конфиденциальная информация), общедоступную информацию и прочую. Каждому виду информации присущи свои особенности, такие как ее распространение, хранение, получение, производство и поиск.

Нормативное закрепление категорий информации выражено Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данный закон определяет правила пользования информацией, степень доступности сведений, а также субъектный состав отношений, возникающих при реализации права на информацию. Так, обладателем информации может быть гражданин (физическое лицо), юридическое лицо, Российская Федерация, субъект Российской Федерации, муниципальное образование. В связи с развитием сети «Интернет» законодатель регулирует отношения, связанные с нахождением информации в данной системе. В статье 8 закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливается перечень информации, доступ к которой не может быть ограничен, а именно сюда вошли нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также устанавливающие правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления; информации о состоянии окружающей среды; информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну); иной информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлена федеральными законами.

Анализирую данную статью закона, можно сделать вывод о том, что определение законодательного регулирования открытости деятельности государственных органов, доступ к информации о функционировании системы органов власти, в частности судов, обуславливает важность получения такой информации, а далее и степень доверия граждан к суду и собственно ко всему аппарату государственного управления.

Также разъясняется, что государственные органы обязаны обеспечивать доступ, используя информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сети «Интернет». Аналогично уточняется следующее – информация о деятельности государственных органов, размещенная такими органами в информационно-телекоммуникационных сетях предоставляется бесплатно. Ограничение доступа к информации объясняется целесообразностью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

При всей необходимости открытости деятельности судопроизводства и судебной деятельности существуют определенные отношения, которые не подлежат огласке. Данные предварительного расследования не подлежат разглашению, но могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым. Разглашение данных о частной жизни участников судопроизводства без их согласия не допускается. Данное положение устанавливается статьей 24 Конституции РФ, констатирующей, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается.

Под влияние повышенной роли информационных процессов в обществе сформировалась наука «Информационное право», которая в предмет своего изучения включила общественные отношения, возникающие по поводу поиска, получения, передачи, производства и распространения информации, к ней так же тесно примыкают иные группы отношений, возникающих по поводу информации. Например, отношения, связанные с созданием, преобразованием и потреблением информации; отношения, возникающие при создании и использовании информационных технологий, информационном обмене, а также отношения, складывающиеся по поводу управления информационными процессами, информатизацией и обеспечением информационной безопасности.

Принципы, лежащие в основе формирования дисциплины, применимы к использованию информации в любой сфере деятельности. Принцип приоритетности прав личности непосредственно связывает ценность прав и свобод человека и гражданина с функционированием государственных органов. Так как через выполнение ими своих обязанностей обеспечивается правовая и конституционная безопасность общества. Принцип свободного производства и распространения любой информации, не ограниченной федеральным законом, свободного доступа (открытости) информации, или принцип гласности, позволяет сфокусироваться на масштабах используемой информации. В то же время существует принцип, который запрещает производство и распространение информации, вредной и опасной для развития личности, общества, государства. Важным для правового поля принципом является принцип законности, подразумевающий строгое соблюдение законодательства РФ.

На основе необходимости создания условий для открытой деятельности судебных органов, для обеспечения достоверности и повышения доступности информации о деятельности суда был принят Федеральный закон от 22 декабря 2008 года №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». К основным принципам обеспечения доступа к информации о деятельности судов относятся: открытость и доступность информации о деятельности судов, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации; достоверность информации о деятельности судов и своевременность ее предоставления; свобода поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности судов любым законным способом; соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту их чести и деловой репутации, права организаций на защиту их деловой репутации.

Так же закон указывает способы получения информации, а именно присутствие граждан, представителей организаций, общественных объединений и иных субъектов, в открытом судебном заседании; обнародование (опубликование) информации о деятельности судов в СМИ; размещение информации о деятельности судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; размещение информации о деятельности судов в занимаемых судами, Судебным департаментом, органами судейского сообщества помещениях; ознакомление пользователей с информацией о деятельности судов, находящейся

в архивных фондах; предоставление пользователям по их запросу информации о деятельности судов. Информация о деятельности судов может предоставляться в устной форме и в виде документированной информации.

В отношении данной информации пользователь имеет определенные права. Одним из таких прав и является право на получение достоверной информации о деятельности судов. Аналогично закреплено право пользователя не обосновывать необходимость получения запрашиваемой информации о деятельности судов, доступ к которой не ограничен. Так же в ранг прав возведено обжалование в установленном законом порядке действия (бездействия) должностных лиц, нарушающих право на доступ к информации о деятельности судов и установленный порядок его реализации. Пользователь вправе требовать в установленном законом порядке возмещения вреда, причиненного нарушением его права на доступ к информации о деятельности судов.

Организация доступа к информации о деятельности суда подвержена регламентированию. Доступ к информации о деятельности судов обеспечивается в пределах своих полномочий судами, Судебным департаментом, органами Судебного департамента, органами судейского сообщества.

Проанализировав закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», можно сделать вывод о том, что законодатель стремится решить задачи, связанные с открытостью и прозрачностью правосудия, через нормативное правовое регулирование. Но, несмотря на мнение руководителей судебной власти, констатировать окончание судебной реформы не представляется возможным, об этом свидетельствуют результаты исследования общественного мнения по вопросу отношения к органам судебной власти. Граждане должны осознать значение судебной системы, у них должно быть сформировано определенное правовое сознание. Осознание защищенности своих прав приведет к повышению доверия в отношении государственных органов. Отсутствие доверия ведет к правовому нигилизму и это является острой социальной проблемой для правового государства.

Таким образом, информация в современном обществе является связующим элементом во всех сферах жизнедеятельности человека, фактором повышения доверия к органам государственной власти. В конечном итоге, информация поможет сформировать представление о суде как о гаранте соблюдения и защиты прав человека и гражданина.

Список литературы и источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства РФ», 03.03.2014, № 9, ст. 851.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» //

«Собрание законодательства РФ», 31.06.2006, № 31, ст. 3448.

3. Федеральный закон от 22 декабря 2008 года №262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, № 52, ст. 6217.

4. Официальный сайт Фонда общественного мнения (ФМО): <http://fom.ru/>.

A.A. Krivoukhov, Candidate of Sciences, Docent, Kursk State Agricultural Academy named I.I. Ivanov (Kursk) (e-mail: anatka@rambler.ru)

A.M. Cherkashina, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail cherkashinaalla@mail.ru)

TRANSPARENCY OF THE JUDICIARY AS A FACTOR IN INCREASING THE CONFIDENCE OF CITIZENS

This article discusses the use of information as a source of increasing citizens' confidence in public authorities. The relevance of the topic is related to the statistics of the attitude of society to the apparatus of public administration, in particular to the judicial system. During the period of judicial reform, a big problem was the formation of legal awareness of citizens, aimed at the objective construction of relations between society and the state in the face of its bodies. The main problems associated with the coefficient of confidence in the court.

Keywords: *judicial bodies, state power, citizens' trust, information, access to information*

УДК 340.1

М.Н. Марченко, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (Москва) (theory.law.msu@gmail.com)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ВНУТРЕННЕМ СТРОЕНИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье раскрывается понятие и показывается строение судебной системы Европейского Союза, которая, по мнению автора, в равной мере использует как нормативно-правовой акт – основной источник романо-германского права, так и прецедент – доминирующий источник системы общего, англо-саксонского права.

Ключевые слова: *судебная система Европейского Союза, судебная власть, общеевропейская судебная власть, Европейский суд справедливости, Суд первой инстанции европейских сообществ (The Court of First Instance of the European Communities), суды специальной юрисдикции, судебные палаты, Комиссия Евросоюза, Суд аудиторов (A Court of Auditors).*

В общепринятом смысле судебная система, как известно, представляет собой систему государственных органов, осуществляющих правосудие на территории того или иного государства или государственного (надгосударственного, международного) образования и реализующих судебную власть [4,8,9].

По аналогии с судебной властью в Российской Федерации, которая, согласно Закону, “осуществляется только судами” и, будучи (по крайней мере, в формально-юридическом плане) самостоятельной, “действует независимо от законодательной и исполнительной властей” [1], судебная власть и правосудие в Европейском Союзе осуществляются, соответственно, только судебными органами, формирующими его судебную систему.

Являясь неотъемлемой составной частью общеевропейского правопорядка, складывающегося на основе правовой системы Евросоюза и правовых систем государств – его членов [25, р. 398-400], судебная система данного наднационального образования, как и любая иная судебная система, обуславливается целым рядом объективных и, отчасти, субъективных факторов. В том числе таких, которые непосредственно связаны с особенностями “обслуживаемой” судебными органами правовой системы – особенностями её характера, сущности, содержания, внутреннего строения и т.д., а также с особенностями форм организации государственной или надгосударственной власти – форм правления и форм государственного (надгосударственного) устройства.

В научной литературе в связи с этим верно отмечалось применительно к судебной системе Евросоюза, что в её организации и

деятельности, с одной стороны, отчётливо просматриваются подходы, выработанные в процессе реализации идей правового государства в странах – участницах европейских сообществ, хотя “Суд европейских сообществ отнюдь не повторяет полностью традиционный национальный суд”. А, с другой стороны, “Суд европейских сообществ носит многие черты суда международной организации, который действует в условиях сохранения за вошедшими в её состав государствами их суверенитета” [10, с. 397-398].

Несомненный *отпечаток правовой системы Евросоюза*, сочетающей в себе черты романо-германского и англо-саксонского права, *на характере деятельности его судебной системы* проявляется, в частности, в том, что в процессе своего существования и функционирования она в равной мере опирается и использует как нормативно-правовой акт – основной источник романо-германского права, так и создаваемый ею же прецедент – доминирующий источник системы общего, англо-саксонского права [12, 14, 30].

Будучи сформированной на основе международных по природе учредительных договорных актов судебная система Европейского союза в то же время осуществляет правосудие и реализует судебную власть в рамках правопорядка, создаваемого и поддерживаемого с помощью национальных по своей природе правовых средств в виде правовых норм, принципов, правовых доктрин и др., свойственных с одной стороны, континентальному, романо-германскому праву, а, с другой – общему, англо-саксонскому праву.

Наряду с правовой системой Евросоюза и другими факторами, заметное влияние на

его судебную систему оказывают также обстоятельства, непосредственно связанные, с формой организации надгосударственной, публичной по своей власти Европейского Союза и с юридическим статусом данного надгосударственного объединения.

В настоящее время, как известно, нет определённости в решении данных вопросов. В зависимости от того, под каким углом зрения рассматривается форма организации публичной власти Евросоюза – в одних случаях он, с определёнными оговорками и изъятиями, приравнивается к *федерации*. В других – к *конфедерации*, а в третьих случаях данный надгосударственный феномен рассматривается в своём первоначальном виде как *международная, межправительственная*, а точнее – как межгосударственная организация.

Ни учредительные договоры 50-60-х годов XX века, на основе которых изначально были созданы европейские сообщества, ни Договор об образовании в 1992 году Европейского союза, ни все последующие за ними договоры, касающиеся Евросоюза, тем не менее, не проводят чёткой грани между правом данного надгосударственного объединения и международным публичным правом, а, следовательно, – между Европейским Союзом как институтом с признаками федерации и конфедерации, с одной стороны, и международной организацией – с другой [16, р. 240]

Отсутствие чёткой грани между различными формами организации публичной власти Евросоюза, а вместе с тем неопределённость его правового статуса порождает известную двусмысленность как в самой внутренней организации, структуре его судебной системы, так и в повседневной деятельности последней. Своеобразный “плюрализм” форм организации и проявления публичной власти Евросоюза самым непосредственным образом отражается, если не сказать – порождает аналогичный по своему характеру “плюрализм” судебной власти и, соответственно, – судебной системы [16, р. 245-247].

Наиболее наглядным проявлением такого рода плюрализма судебной власти и её носителя – судебной системы, может служить, как представляется, многоликость последней, и, прежде всего – её главного звена – Европейского суда справедливости, выступающего в зависимости от тех или иных (международно-правовых или внутрисоюзных) отношений, в которых находится Евросоюз в целом или его отдельные сообщества, а также от характера рассматриваемых им дел – в самых разных ипостасях. А именно: в роли международного

суда, конституционного и административного суда, в виде суда, обладающего определённой уголовно-правовой и гражданско-правовой юрисдикцией, а также отчасти – арбитражного суда, имея ввиду, в частности, статью 238 Договора учреждающего Европейское сообщество (раньше – Европейское экономическое сообщество), в соответствии с которой Европейский суд справедливости «обладает юрисдикцией по принятию решений на основе арбитражной оговорки, содержащейся в контракте, заключённом на основе публичного или частного права Сообществом ли от его имени» [3, с. 666].

2. Обращаясь к внутреннему строению, структуре судебной системы Европейского Союза и входящих в него европейских сообществ – Европейского объединения по атомной энергии и Европейского сообщества, следует заметить, что она с момента своего возникновения и вплоть до настоящего времени не оставалась неизменной, а *периодически изменялась и совершенствовалась как в институциональном, так и в функциональном плане*. По мере развития европейских сообществ, ставших в 90-е годы фундаментом и одновременно строительным материалом, использовавшимся для возведения сооружения под названием Европейский союз, появлялись новые судебные органы, видоизменялись их некоторые функции, более чётко определялась их юрисдикция.

В настоящее время судебная система Евросоюза состоит из трёх взаимосвязанных между собой и взаимодействующих друг с другом звеньев. Это – прежде всего *Европейский суд справедливости* (European Court of Justice), как он нередко именуется в научной литературе, или *Суд справедливости* (Court of Justice), как он обозначается в Договоре о Европейском союзе, в Статуте о нём и в других соответствующих документах. Данный институт является главным звеном в судебной системе Евросоюза, и неизменно сохраняет в ней своё ведущее положение. Важным назначением его, согласно ст.220 (бывшая ст.164) Договора, учреждающего Европейское сообщество, является обеспечение применения права Сообщества посредством единообразного толкования и применения данного Договора [3, с. 659]. Речь идёт также и о других, формирующих первичное право Евросоюза, учредительных договорах.

В соответствии с Договором о Евросоюзе (ст.35, бывшая ст. К-7), Европейский суд справедливости обладает также, при соблюдении определённых условий, наряду с другими

– полномочиями выносить решения в преюдициальном порядке по вопросам, касающимся обоснованности и толкования “рамочных решений и решений толкования конвенций”, заключённых в соответствии с разделом VI – “Положение о сотрудничестве полиции и судов в уголовно-правовой сфере» настоящего Договора, а также относительно обоснованности и толкования мер, вводимых с целью их выполнения” [2, с. 542].

Следующим звеном в судебной системе Европейского союза после Суда справедливости является *Суд первой инстанции европейских сообществ* (The Court of First Instance of the European Communities), как он именуется полностью в официальных материалах [24, р. 108] или сокращённо – Суд первой инстанции (The Court of First Instance). В научной литературе его иногда называют Трибуналом первой инстанции [6, с. 332].

Данный судебный орган был учреждён «с подачи» и «в помощь» Европейскому суду справедливости, который с образованием Суда первой инстанции “приобрёл” новую для себя функцию – выступать в качестве апелляционной инстанции по отношению к данному, вновь образованному суду.

Закрепляя факт формирования рассматриваемого судебного органа, Договор, учреждающий Европейское сообщество, гласит в ст.225 (бывшей ст.168-А), что Европейскому суду справедливости “придаётся Суд, наделённый юрисдикцией суда первой инстанции”. И далее: “Он рассматривает определённые категории исков в соответствии с условиями, определёнными в параграфе 2 настоящей статьи, и при условии их обжалования в Европейский суд справедливости” [3].

В соответствии с параграфом 2 ст.225 категории исков, рассматриваемых Судом первой инстанции, определяются “по просьбе Европейского суда справедливости и после консультаций с Европейским парламентом и Комиссией” единогласным решением Совета Европейского Союза, который уполномочен также решать ряд других вопросов, касающихся организации и деятельности данного судебного органа.

Обобщая судебную практику и характер рассматриваемых в Суде первой инстанции дел, исследователи заключают, что в подавляющем своём большинстве это, прежде всего “дела служащих Евросоюза”, связанные с рассмотрением исков их друг к другу, к различным институтам Евросоюза и др. [15, р. 75].

Третье звено судебной системы Евросоюза составляют *суды специальной юрисдикции*, или – *судебные палаты*, предназначенные для рассмотрения отдельных видов правовых споров, возникающих в сфере интеллектуальной собственности, а также в других сферах деятельности институтов и учреждений Евросоюза [13, р. 9-118].

Законодательством предусматривается, что решения судов специальной юрисдикции могут быть в кассационном порядке обжалованы в Суд первой инстанции, точно так же, как решения Суда первой инстанции в таком же порядке могут быть обжалованы в Европейский суд справедливости.

Несмотря на потенциальную многочисленность и разнообразие данных судебных органов, создаваемых Советом Евросоюза для рассмотрения определённых категорий гражданских или административных дел, [16, р. 240-245] все их решения, также как и решения других судебных инстанций Европейского союза являются, в соответствии с действующим законодательством, безусловно обязательными для всех тех субъектов права Евросоюза – в лице государств – членов, их органов, институтов и учреждений Европейского Союза, юридических и физических лиц, – кому они адресованы. Никакому обжалованию или опротестованию в любые иные инстанции Евросоюза они не подлежат [6, с.304-305,334-335].

Обязательность решений судебных органов Евросоюза, также как и решение судебных инстанций многих других государственных объединений и стран, обусловлена, с одной стороны, целым рядом социальных (например, совпадение интересов сторон), моральных и иных факторов, а, с другой – не подлежащей сомнению *легитимностью судебных инстанций*, рассматривающих те или иные споры и принимающих соответствующие решения, их *незыблемой правовой основой*.

Рассматривая последнюю применительно к каждому судебному органу – тому или иному звену судебной системы Евросоюза, нельзя не заметить, что она состоит из *двух органически связанных между собой уровней*, формируемых, соответственно, конституционными и текущими (обычными) правовыми актами.

Конституционный уровень правовой основы каждого в отдельности звена и судебной системы в целом выступает в виде совокупности правовых норм, содержащихся в учредительных договорных актах, положив-

ших начало образованию и деятельности того или иного судебного органа.

Так, *изначальной конституционной основой Европейского Суда справедливости* был Парижский договор 1951 г., на базе которого было создано Европейское объединение угля и стали, а в 1952 г. был учреждён Суд, которому предписывалось (в ст.31) обеспечение «соблюдения закона в процессе толкования и применения» данного Договора, а также – актов, принятых с целью его выполнения.

Значительный шаг в развитии и укреплении конституционной основы Европейского суда справедливости был сделан Римскими договорами 1957 г. о создании Европейского экономического сообщества и Европейского объединения по атомной энергии.

На основе опыта функционирования Суда в рамках Европейского объединения угля и стали в первоначальных вариантах Римских договоров мыслилось создание судебных органов в каждом из трёх Европейских сообществ. Но в конечном итоге был создан единый Суд, обслуживающий все три сообщества.

Дальнейшее развитие конституционная основа Европейского суда справедливости получила во всех последующих договорных актах, включая Договор о Европейском союзе, в которых содержались положения, касающиеся процесса формирования и развития общеевропейской, судебной системы [18, р. 116-119; 21, р. 128-136].

Непосредственной конституционной основой Суда первой инстанции, учреждённого в 1989 г., стал Единый европейский акт, в котором, наряду с положениями, касающимися дальнейшего развития внутриевропейского рынка, усиления роли социального партнёрства и др., содержались положения, “предусматривающие значительные дополнения к институциональной структуре Евросоюза в виде Суда первой инстанции, который должен был быть придан (attached) Европейскому суду справедливости” [25, р.58].

Изначальную конституционную основу судов специальной юрисдикции составляют соответствующие нормы, статьи и принципы Ниццкого договора 2001 г., который впервые предусматривал создание данных судебных учреждений.

Выделение в качестве *изначальной или непосредственной конституционной основы образования и функционирования отдельных звеньев судебной системы Евросоюза* того или иного Договора вовсе не означает игнорирования соответствующих положений относительно отдельных звеньев или судебной системы в

целом, содержащихся в других европейских договорах.

Что же касается другого, неразрывно связанного с ним, *нижнего уровня правовой основы судебной системы*, то он формируется с помощью норм, принципов и отдельных положений, содержащихся в актах, принимаемых на базе и во исполнение учредительных договоров различными органами Евросоюза, а также разрабатываемых самими судебными учреждениями в виде Статута, или регламента [24, р. 108; 26, р. 1-5].

3. Рассматривая судебную систему Евросоюза под углом зрения её правовых основ, внутренней структуры и понятия, необходимо обратить внимание на то, что вполне естественное и понятное стремление к дальнейшему развитию и совершенствованию судебной системы и её различных звеньев, как об этом свидетельствуют официальные источники и научные исследования [14, р. 639-667; 29, р. 303-309; 30, р. 157-161], является в Евросоюзе делом не только прошлого или настоящего, но и будущего.

Об этом говорит, в частности, то, что в рамках Европейского союза в течение всего периода его существования и функционирования создавалась не одна комиссия, целью которой была выработка предложений не только по “разгрузке” Европейского суда справедливости, но и по повышению эффективности работы судебной системы в будущем [18, р.207-215].

Об этом же свидетельствуют и такие «опережающие время» документы, как проект несостоявшейся *Конституции Европейского союза* – предполагавшейся федерации, в которой определённое внимание уделялось будущему судебной системы [27], а также временно «забуксовавший» в Ирландии в 2008 г. с принятием на референдуме проект аналога Конституции Евросоюза – *Лиссабонский договор 2007 г.*

Объективности ради следует заметить, что последний, полностью именуемый как «Лиссабонский договор, изменяющий договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества» сравнительно мало внимания уделяет судебной системе. Предполагаемые в нём изменения в судебной системе Евросоюза носят, по сравнению с рядом предшествующих реформ, довольно робкий и ограниченный характер.

Они касаются в основном: а) изменения названия судебных инстанций – Суд справедливости Европейского Союза (The Court of Justice of the European Union), Суд справедливости (The Court of Justice), Суд общего характера (the General Court) и Суды специальной

юрисдикции (Specialised Courts); б) использования названия и понятия «Суд справедливости Европейского союза» в качестве собирательного понятия, обозначающего фактически всю систему судебных учреждений Европейского союза; в) увеличение численности особой категории судебных работников под названием генеральных адвокатов; в) учреждения специального комитета (своего рода квалификационной коллегии) из числа бывших членов судов Евросоюза, высших судебных инстанций государств-членов и других специалистов в области права с целью профессионального подбора кандидатов на судейские должности Европейского союза; г) некоторого расширения юрисдикции действующих судов Евросоюза, распространяющуюся не только на, так называемую, первую «опору», включающую в себя сферу деятельности Европейских сообществ, но и, за исключением ряда изъятий, на другие сферы функционирования Европейского Союза – «опоры»; д) расширения прав юридических и физических лиц, связанных с их обращением в Европейский суд справедливости за защитой; и е) предоставления Европейскому суду справедливости дополнительного права на наложение штрафных санкций на государства – члены не только в случаях неисполнения ими его решений, но и в других случаях.

Незначительные изменения судебной системы Евросоюза, вносимые в неё Лиссабонским договором, обусловлены, по мнению исследователей, с одной стороны, «здоровым консерватизмом авторов Лиссабонского договора, их нежеланием разрушать сложившийся механизм наднационального правосудия ЕС», который функционирует уже более полувека без серьёзных сбоев. А, с другой – не исчерпанностью до конца потенциала ранее проводимых в судебной сфере реформ, в частности, – реформы судебной системы Евросоюза, связанной с поправками Ниццкого договора 2001 года, создавшего правовую базу для формирования судов специальной компетенции, и с принятием вместе с ним нового «Статуса Суда» [5, с.138-142].

Однако, несмотря на ограниченный характер предлагаемых Лиссабонским договором изменений в судебной системе Евросоюза [11], они тем не менее свидетельствуют о том, что данная система вместе с Евросоюзом и его правом непрерывно развивается и совершенствуется, отражая в себе в процессе своей повседневной деятельности реалии не только настоящего, но и в определённой мере учреждает вызовы будущего.

4. Разумеется, процесс становления, развития и совершенствования судебной системы Европейского союза, включая выработку представления о ней самой как о явлении и отражающем его понятии, не проходил, да и не мог проходить, в силу сложности, многогранности и внутренней противоречивости этой системы, безболезненно и бесспорно. Аналогичная ситуация складывается и по сей день.

Весьма спорным в западной литературе, посвящённой исследованию судебной системы Евросоюза, всегда был и остаётся, в частности, вопрос о возможности выражения и защиты системой правосудия данного наднационального объединения одновременно наднациональных и национальных интересов, имея ввиду, что в повседневной жизни те и другие зачастую не совпадают друг с другом [22, р. 319-320].

Специалистов в данной области постоянно преследуют вопросы типа: Каковой должна быть позиция Суда во всех тех случаях, когда защищая наднациональный интерес он, в силу сложившихся обстоятельств, не может сделать это не нарушая национального интереса, или наоборот? Могут ли суды Европейского Союза «навязывать свои решения государствам-членам вопреки их воли и правительственному большинству»? Не будет ли это означать «начало конца их национального суверенитета» или, наоборот, – превращения европейской наднациональной судебной системы в некое подобие «домашней» (domestic) национальной системы? [17, р. 4].

Однозначного ответа на эти и другие им подобные вопросы нет и, по-видимому, не может быть. Основная причина этого заключается не только в различных академических взглядах на одну и ту же проблему – с точки зрения усиления европейской интеграции или сохранения национальной идентичности, но и порою в весьма разных, не совместимых друг с другом, разделяемых сторонами ценностях и выражаемых ими интересах [19, р.149-176].

Наряду с проблемами совмещения в процессе функционирования судебной системы Евросоюза наднациональных интересов с национальными в научных исследованиях западных авторов-теоретиков и практиков широко обсуждаются также вопросы, касающиеся *содержания самой внутренней структуры данной системы* и, соответственно, – *логического объёма её понятия*.

Суть вопросов и рассуждений по этому поводу сводится в основном к тому, что существующая судебная система Европейского союза, состоящая из «традиционных» надгосу-

дарственных судебных органов, не охватывает собой всех сторон осуществляемого в рамках Евросоюза правосудия. Это – во-первых. А, во-вторых, через эти органы не полностью реализуется *общеевропейская судебная власть*.

Последняя на наднациональном уровне, по мнению исследователей, реализуется также через *Палату аудиторов*, именуемую в Договоре о Европейском союзе «Судом аудиторов» (A Court of Auditors) [28] и через *Комиссию Евросоюза*.

Еврокомиссия, не будучи «в строгом смысле слова судом как таковым» и, соответственно, не выполняя «в прямом смысле судебные функции», а занимаясь в основном вопросами, касающимися «политики свободной конкуренции и государственной помощи» в рамках Европейского союза, тем не менее, осуществляет по выражению некоторых авторов, «околосудебные» функции [20, p.179].

Суть этих функций сводится, в конечном счете, к тому, что Европейская комиссия в ряде случаев, а именно – в случаях нарушения правил свободной конкуренции и рассмотрения соответствующих дел в национальных судах, обладает и реализует предоставленные ей широкие возможности влияния и разрешения в них подобного рода спорных вопросов [20, p.179].

Что же касается *Палаты аудиторов* (Счётная палата), то хотя она и называется официально Судом, но в повседневной жизни к судебной деятельности никакого отношения не имеет. Согласно действующему законодательству Палата аудиторов выполняет функции, связанные с «обеспечением ревизионной проверки счетов» [3]. В соответствии со ст.248 Договора, учреждающего Европейское сообщество, она «проверяет счета обо всех доходах и расходах Сообщества», а также – «всех организаций, учреждённых Сообществом, при условии, что соответствующий учредительный акт не исключает такую проверку» [3].

Кроме наднациональных «околосудебных» органов судебная власть в Европейском союзе, с точки зрения ряда экспертов в данной области, осуществляется также *национальными судами* – судами государств-членов Союза.

В качестве аргументов при этом используется, прежде всего, тот факт, что национальные суды, по мнению авторов, разделяющих данную позицию, «применяя право Европейского союза», уже в силу этого могут и должны рассматриваться как «суды общей юрисдикции в системе всех европейских

судов», как неотъемлемая составная часть этой системы [20, p. 78; 25, p.398-399].

Важное преимущество права Европейского союза по сравнению с другими наднациональными системами, подчёркивают исследователи, заключается именно в том, что оно применяется не только наднациональным, но и национальными судебными органами в соответствии со своими процедурными и иными правилами [22, p. 134].

Наряду с данным аргументом, приводимым в пользу того, чтобы рассматривать национальные суды в качестве составных частей судебной системы Евросоюза, авторами – сторонниками такого рода данной институциональной модели используются и другие аргументы. В частности, особое внимание обращается, на то, что национальные суды вместе с наднациональными существуют и функционируют в рамках *одного и того же правопорядка*, решают многие общие по своему характеру задачи, направляют определённую часть своих усилий на достижение *обще-европейских интегративных целей* [23, p. 197-199].

Давая довольно широкую трактовку понятия «суда» и «трибунала», как «органа, выступающего представителем судебной власти» в пределах государств-членов и Евросоюза в целом [25, p.419], некоторые специалисты в области европейского права предлагают как «компромиссный» вариант считать любые национальные институты, включая судебные органы, применяющие европейское право, одновременно как национальными, так и наднациональными институтами [13, p. 90].

Помимо названных, в западной научной литературе приводятся и другие аргументы в пользу расширения судебной системы Европейского союза за счёт включения в неё национальных судебных органов, а вместе с тем и других, «околосудебных» институтов.

Независимо от того, воспринимаются ли они или не воспринимаются, несомненным остаётся то, что каждый из них заслуживает, вместе с другими спорными положениями, особого внимания и рассмотрения, ибо помогает глубже понять не только структуру, но и другие стороны судебной системы Европейского союза.

Список литературы и источников:

1. Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации». Ст.1. (Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. №1. Ст.1; 2001.№51. Ст.4825).

2. Договор о Европейском союзе. Ст.35(бывшая ст. К-7). – В кн.: Европейское право/ Рук. авт. колл. и отв. ред. Энтин Л.М. – М., 2004.
3. Договор, учреждающий Европейское сообщество. Ст.238 (бывшая ст.181). – В кн.: Европейское право /Рук. авт. колл. и отв. ред. Энтин Л.М. – М., 2004.
4. Гаврикова Л.Н. Судебная власть России в обеспечении прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис...канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – 25 с.
5. Европейский Союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 698 с.
6. Право Европейского союза/ Под ред. Кашкина С.Ю. – М.: Юристь, 2004. – 925 с.
7. Европейское право/ Рук. авт. колл. и отв. ред. Энтин Л.М. – М., 2004.
8. Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации/ Под ред. Ершова В.В. – М.: Юристь, 200. – 493 с.
9. Судебная власть/ Под. ред. Петрухина И.Л. – М., Проспект, 2003. – 720 с.
10. Топорнин Б.Н. Европейское право: Учебник. – М.: Юристь, 1998. – 456 с.
11. Amendments to the Treaty on European Union and to the Treaty Establishing the European Community. – Official journal of the European Union. Of 17 December 2007.
12. Andenas M. and Roth W. Services and Free Movement in EU Law. Oxford. 2002.
13. Andenas M. and Usher J. The Treaty of Nice and Beyond. 2003.
14. Arnall A. The European Union and its Court of Justice. Oxford. 2006.
15. Brown L., Kennedy The Court of Justice of the European Communities. L., 2000.
16. Casanova O. Unity and Pluralist in Public international Law. N.Y., 2003.
17. Conant L. Justice contained. Law and Politics in the European union. L., 2002.
18. Dashwood A. and Johnson A. (Eds.). The Future of the Judicial system of the European Union. Oxford. 2001.
19. Garrett G., Kelemen D. and Heiner Sch. The European Court of Justice, National Governments and Legal Integration in the European Union. – international organization. 1998. №52.
20. Grainne De Burca, Weiler J. (Eds.). The European court of Justice. Oxford. 2001.
21. Peterson J. and Shackleton M. The institutions of the European Union. Oxford. 2002.
22. Prechal S. Directives in EC Law. Oxford. 2005.
23. Raworth Ph. Introduction to the Legal System of the European Union. N.Y., 2001.
24. Rules of Procedure of the Court of First instance of the European Communities. – OJL 127 of 29.04.2004.
25. Shaw J. Law of the European Union. N.Y., 2000.
26. Statute of the Court of Justice. – OJL 132 of 29 April 2004.
27. The Constitution, Brussels. 2004. Art.1-29.
28. Treaty of European Union. Art.4 – in: Official Journal. 29 July 1992.
29. Vesterdorf B. The Community Court System. Tenyears From now and Beyond: Challenges and Possibilities. – European Law Review. 2003. Vol.28.№33.
30. Ward A. Judicial Review and the Rights of Private Parties in EC Law. Oxford. 2003.

M.N. Marchenko, Dr. of Law, Professor, Moscow State University (Moscow) (theory.law.msu@gmail.com)

TO THE PROBLEM OF THE CONCEPT AND THE INTERNAL STRUCTURE OF THE COURT SYSTEM OF THE EUROPEAN UNION

The work reveals the concept of the judicial system of the European Union and shows its structure, which, in the author's opinion, equally uses both the legal act – the main source of Romano-German law, and the precedent – the dominant source of the common, Anglo-Saxon law system.

Keywords: *judicial system of the European Union, judicial authority, pan-European judicial authority, European justice court, The Court of First European Community, courts of special jurisdiction, judicial chambers, European Commission, and Court of Auditors.*

УДК 340.1

Л.А. Морозова, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Москва) (tgp@rsuj.ru)

СУДЕБНЫЕ АКТЫ И ИХ РОЛЬ В ПРАВООБРАЗОВАНИИ

В статье на примере Разъяснений Верховного Суда РФ, предусмотренных ст. 126 Конституции РФ, раскрывается правовая природа судебных актов. Автор поставил перед собой следующие вопросы: 1) являются ли названные разъяснения источником права, т.е. фактором правообразования; 2) насколько они обязательны для нижестоящих судов; 3) можно ли отнести их к прецеденту толкования.

На все поставленные вопросы формулируются развернутые и достаточно обоснованные ответы. В результате делаются следующие выводы о природе судебных актов: 1) они обладают регулирующей и ценностно-ориентирующей значимостью для российских судов; 2) выступают фактором правообразования; 3) выражают официальную позицию по вопросам судебной практики высшего судебного органа страны; 4) посредством интерпретационной и праворазъяснительной функции конкретизируют действующее законодательство.

Выступая против полномочий судебного правотворчества, автор полагает, что Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ способны создать и реально формируют судебную доктрину правового содержания, которая может выступать непосредственным источником права.

Ключевые слова: акты судебной власти, фактор правообразования, скрытая аналогия, разрешительный тип праворегулирования, выработка противоположений, прецедент толкования, судебный надзор, детализация норм права, судебная доктрина.

Практически все разновидности правовых актов – нормативные правовые, правоприменительные, официального толкования достаточно подробно исследованы в отечественной юридической литературе. Что касается судебных актов, то они разработаны не так тщательно. Между тем они играют значительную роль в механизме правового регулирования, в процессах правообразования, в том числе в качестве источников права, а также как результативный итог деятельности судебных органов, осуществляющих правосудие и судебный контроль.

Правовая природа судебных актов определяется прежде всего юридической природой и характером судебной власти, которая будучи составной частью государственной власти, обладает свойственными только ей функциями, назначением и рядом других специфических черт, не присущими двум иным ветвям государственной власти – законодательной и исполнительной. К специфическим чертам судебной власти принято относить:

1) ее самостоятельность и независимость от других ветвей власти: она не подлжит контролю со стороны других ветвей власти, сама же вправе проверять конституционность и законность актов других ветвей власти;

2) представляет собой публично-правовое образование, составляющее систему специальных государственных органов – судов, обладающих властными полномочиями;

3) присущими только ей формами и принципами организации и деятельности;

4) ей принадлежит исключительное право осуществлять правосудие и судебный нормоконтроль за правовыми актами правотворческих и исполнительных органов власти;

5) процессуальный характер деятельности, строгое следование установленной законом процедуре;

6) подзаконность, подчинение Конституции и общегосударственным законам.

Исходя из специфики судебной власти, можно выделить особенности и черты судебных актов.

Во-первых, судебный акт принимается только органами судебной власти в пределах законодательно установленной компетенции.

Во-вторых, имеет определенную форму и структуру, установленные правилами юридической техники и соответствующие его содержанию.

В-третьих, представляет собой властное волеизъявление органа судебной власти, которое принимается от имени государства.

В-четвертых, носит правовой характер, т.е. основан на действующем материальном и процессуальном праве.

В-пятых, предполагает окончательность и стабильность акта, возможность его пересмотра только при наличии веских оснований, например, для исправления судебных ошибок и обеспечения единства судебной практики.

В-шестых, обязателен для исполнения всеми органами государства, органами местного самоуправления, общественными организациями, физическими и юридическими лицами. Исполнение обеспечивается мерами государственного принуждения.

Судебные акты неоднородны по своему содержанию, целям, формам выражения, функциям. Вместе с тем, в юридической литературе выделяют **общие функции**, присущие всем судебным актам. К ним чаще всего относят:

регулятивную функцию, которая состоит в индивидуальном регулировании общественных отношений;

информационную функцию, посредством которой заинтересованным субъектам сообщается государственная воля;

воспитательную (превентивную) функцию, с помощью которой осуществляется воздействие на участников судебного процесса в целях формирования у них правомерного варианта поведения. На других субъектов оказывается воспитательное воздействие путем информирования их о возможных юридических последствиях того или иного деяния;

правообеспечительную функцию, которая ориентирует участников спора на правовые средства его разрешения и подключает действие юридических гарантий осуществления права, в том числе средства правовой защиты субъективных прав и законных интересов.

Отмечая неоднородность судебных актов, следует обратить внимание на то, что они разнообразны и по своим формам. Это могут быть приговоры по уголовным делам, решения и заочные решения по гражданским делам, постановления, определения, судебные приказы, протоколы судебных заседаний, судебные повестки, извещения, заявления о самоотводе и др. Такое разнообразие дало основание некоторым исследователям внести предложение во избежание расхождений «использовать единый термин «судебный акт» и определить с единым пониманием его содержания» [3, с. 38].

Представляется, однако, что вряд ли это предложение можно считать приемлемым, поскольку по своему содержанию, целям, назначению и роли в качестве результата деятельности судебных органов – приговор или решение суда и судебная повестка не равноценны, хотя каждый из этих судебных актов играет строго определенную роль в судопроизводстве и обладает юридической значимостью.

Вместе с тем, представляется, что вряд ли правильно рассматривать судебные акты исключительно как правоприменительные, так как это акты именно **судебной власти**, которой только одной принадлежит право осуществлять правосудие. Кроме того, суды согласно ч.2 ст.120 Конституции РФ приобрели новую функцию оценки законов и других нормативных правовых актов. Существенно расширены полномочия судов по контролю за оперативно-розыскной и следственной деятельностью, наделены функцией нормоконтроля за содержанием законов и иных нормативных правовых актов, а Конституционному Суду РФ принадлежит исключительное право официального толкования конституционных норм.

Повышение роли судебной власти в постсоветской России, а также в ряде стран, принадлежащих романо-германской правовой семье, дало основание многим исследователям утверждать **о правотворческом характере** актов судов высших инстанций, в частности Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Есть и противники данной позиции, полагающие, что признание за судебной властью правотворческих полномочий противоречит исходным началам принципа разделения властей. Спор этот давний, но продолжается в той или иной форме до настоящего времени.

Здесь необходимо обратить внимание на два момента. **Во-первых**, Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ согласно ст.104 Конституции РФ участвуют в законодательном процессе, так как им принадлежит право законодательной инициативы с оговоркой «по вопросам их ведения». **Во-вторых**, в последние годы судебная практика все больше утверждается как источник права. Однако такое признание не означает наделения высших судебных органов правотворческими полномочиями. Судебная практика информирует законодательный орган страны о насущных проблемах, о неурегулированности правом ряда отношений, которые требуют такой регламентации. Сами же судебные органы такого рода регламентацией не занимаются.

Судебная практика служит исключительно **фактором правообразования**, на ее основе формируются новые нормы права.

Возникает вопрос, как должны поступать суды, в частности нижестоящие, если обнаруживается пробел в действующем законодательстве, например, в уголовном, где на применение института аналогии наложен прямой запрет (ст.3 УК РФ).

Среди ученых – специалистов в области уголовного права и уголовного процесса утвердилась позиция, согласно которой в подобных случаях суды прибегают к так называемой скрытой аналогии. Применение аналогии в уголовном процессе также является спорным. Как известно, действующий УПК РФ не содержит в отличие от УК РФ прямого запрета на использование института аналогии. Это дает основание некоторым процессуалистам считать возможным ее применение. Более того, разработаны даже определенные условия, позволяющие применять аналогию в уголовном процессе. К их числу отнесены:

- 1) аналогия должна способствовать реализации правильного назначения уголовного судопроизводства;
- 2) не ущемлять прав и законных интересов личности;
- 3) не противоречить принципам уголовного судопроизводства;
- 4) не исказить существа того или иного процессуального правила.

Сторонники применения аналогии в уголовном процессе считают, что она не требует внесения в нормативное содержание правовой системы каких-либо новых элементов, которые восполняли бы или изменяли нормативную основу регулирования. Она целиком замкнута на решении конкретной ситуации и не выходит за рамки того, что образует применение норм права. Кроме того, использование аналогии позволит сохранить целостность, единство и устойчивость системы нормативного правового регулирования [5, 7, 11, 12].

В науке теории государства и права утвердилось мнение, что применение аналогии в уголовном праве и уголовном судопроизводстве не имеет правовых оснований. Для уголовного процесса характерен так называемый **разрешительный тип** правового регулирования. Это означает допустимость только тех действий, которые прямо разрешены законом и могут совершаться лишь в том порядке, который установлен законом. Поскольку применение аналогии уголовным процессуальным законодательством не предусмотрен,

использовать его нельзя. Для легализации института аналогии в уголовном праве и в уголовно-процессуальном праве необходимо внесение соответствующих изменений в действующее законодательство.

Как же поступать нижестоящим судам в подобных случаях?

Думается, что реальным выходом из создавшегося и иных подобных положений могут служить Разъяснения Верховного Суда РФ, предусмотренные ст.126 Конституции РФ. Данные Разъяснения составляют **особую группу** судебных актов и относительно них возникает несколько проблем. Первая: являются ли указанные акты источником права, т.е. фактором правообразования. Вторая: обладают ли они свойством обязательности для нижестоящих судов. Третья: можно ли их отнести к прецеденту толкования.

При решении первой проблемы следует сослаться на мнение проф. В.Ф. Яковлева, который утверждал: «Разъяснения Пленума представляют собой его **официальную позицию** (выделено мной – Л.М.) по тому или иному вопросу судебной практики» [13, с.7]. Следует отметить, что эти слова относились к Пленуму Высшего Арбитражного Суда РФ, который в то время существовал, а В.Ф. Яковлев был его Председателем. Думается, однако, что такая оценка применима и к Разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, за которым на конституционном уровне закреплено право давать разъяснения по вопросам судебной практики. Таким образом, разъяснения облачаются в форму актов государственного органа. Дача таких разъяснений составляет специальное направление деятельности Верховного Суда РФ, можно также сказать, что является специальной функцией высшего судебного органа страны. Данное направление деятельности Верховного Суда РФ функционально и процессуально отделено от рассмотрения конкретных дел, а судебный акт – Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ служит эффективным средством упорядочения судебной практики. Следовательно, Разъяснения обладают самостоятельной правовой природой, вытекающей из конституционного статуса Верховного Суда РФ как высшего звена судебной системы России.

Разъяснения относятся к категории судебных актов общего правового и абстрактного характера, поскольку содержат общие правила и рассчитаны на применение в неограниченном числе случаев. Иначе говоря, Разъяснения не являются индивидуальными актами, которые принимаются в процессе

рассмотрения конкретного юридического дела. В Разъяснениях Верховного Суда РФ обобщается опыт применения тех или иных норм действующего законодательства, вырабатываются правовоположения, имеющие нормативное содержание, в результате Разъяснения представляют собой образец правильного решения дела для нижестоящих судов. В этом плане постановления Пленума Верховного Суда РФ не просто рекомендации нижестоящим судам, а подлежат обязательному применению. Об этом свидетельствует, в частности упоминание разъяснений в тексте Конституции РФ. Сам факт закрепления праворазъяснительной функции Верховного Суда РФ на конституционном уровне означает ее обязательность для всей судебной системы страны. По поводу отнесения актов разъяснения практики Верховным Судом РФ к источникам права также не возникает сомнений у большинства теоретиков государства и права. При условии, если источники права трактовать как итог правообразования, как факторы, творящие право, а не отождествлять процессы правообразования с правотворческой деятельностью.

Потребность в разъяснениях высшего судебного органа страны возникает в связи с неурегулированностью действующим законодательством ряда общественных отношений, требующих правовой регламентации. Поэтому праворазъяснительный акт – это временная мера, до принятия соответствующего закона. Верховный Суд РФ в силу принадлежности ему права законодательной инициативы вправе выступить инициатором внесения в законодательный орган страны соответствующего законопроекта. Следовательно, он не законодательствует и не принимает новых норм права (это не его компетенция), но сигнализирует законодателю о возникшей потребности законодательного урегулирования.

Правильно ли относить акты разъяснения к прецедентам толкования? В чем их отличие от судебных прецедентов? Представляется целесообразным руководствоваться следующими соображениями.

О предмете толкования в юридическом смысле может идти речь лишь в том случае, если толкование применялось в процессе рассмотрения и решения конкретного дела. При этом прецедентная норма создается непосредственно в процессе осуществления правосудия и содержится в судебном решении как нормативная основа его принятия. Прецедентная норма формулируется в мотивировочной части решения, где суд, опираясь на существующие нормы права, создает **дополни-**

тельное новое правило и на его базе делает вывод о способе разрешения конфликта в резолютивной части решения. При этом в странах общего (прецедентного) права существуют специальные технологии вычленения из текста решения этого нового правила (нормы). Важно подчеркнуть, что новая норма права тесно связана с конкретными обстоятельствами дела, в отношении которого она сформулирована. Поэтому при применении новой нормы для разрешения аналогичных дел необходимо доказать (подтвердить), что дело действительно **аналогично**, т.е. сходно по своим обстоятельствам и ряду исходных фактов с тем, на основе которого была создана новая норма права. Отсюда вытекает, что прецедентная норма не имеет универсального, абстрактного характера, она предполагает в качестве **обязательного условия** ее применения установление **сходства** обстоятельств и существенных признаков при рассмотрении каждого конфликта.

Иной характер носят Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. Как уже указывалось, они принимаются не в процессе разрешения конкретного юридического дела, а на основе обобщения сложившейся судебной практики. Кроме того, Разъяснения содержат правила общего и абстрактного характера, подлежат многократному применению. Таким образом, они представляют собой реализацию **специальной интерпретационной** деятельности. Прецедент же толкования в юридическом смысле имеет место тогда, когда толкование осуществляется как способ выведения нового правила или придания норме определенного смысла для решения **конкретного дела**. Этого нет в Разъяснениях. Поэтому данные судебные акты не сводимы к индивидуальным правовым актам. Они самостоятельные юридические акты общего нормативного характера и возникают в результате реализации специальной **праворазъяснительной** функции, которая присуща Верховному Суду РФ.

Можно ли отнести праворазъяснительную деятельность к судебной практике? Думается, что да, поскольку высший судебный орган России обобщает опыт судебной практики в целом. Важно также отметить, что Разъяснения Верховного Суда РФ являются способом судебного надзора и актами руководства судами по различным вопросам судебной практики. Отсюда разнообразие содержания Разъяснений. Они чаще всего обладают интерпретационным характером, нередко содержат организационно-методические указания, в отдельных случаях имеют норматив-

ное содержание и т.д. Следовательно, данным судебным актам присущ **комплексный** характер, что обусловлено сущностью праворазъяснительной функции Верховного Суда РФ.

Итак, на примере Разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики можно сделать следующие выводы о природе судебных актов:

1) они обладают регулирующей и ценностно-ориентирующей значимостью для российских судов, следовательно, могут служить основанием в совокупности с действующим законодательством для разрешения конкретного дела;

2) будучи составной частью судебной практики, выступают фактором правообразования (источником права), образуют основу для принятия правотворческими органами новых норм права и нормативных правовых предписаний;

3) формулируют официальную позицию высшего судебного органа страны по вопросам судебной практики, что способствует обеспечению ее единства;

4) посредством интерпретационной и праворазъяснительной функции конкретизируют, детализируют действующие нормы права и тем самым уточняют механизм их реализации;

5) оказывают непосредственное влияние на развитие правоотношений, как уже состоявшихся, так и тех, которые возникнут в будущем;

6) представляют собой одно из эффективных средств совершенствования законодательства.

Представляется, что выделение перечисленных черт одного из главных видов судебных актов высшей судебной инстанции в нашей стране позволяет несколько сгладить дискуссионные вопросы относительно признания судебного правотворчества в России, в том числе отказаться от поиска в судебных актах новых норм права.

Совершенно очевидно, что Верховный Суд РФ не должен формулировать в своих актах и устанавливать новых норм права: такого рода полномочия ему не принадлежат. Однако в силу своего правового положения как высшего судебного органа страны он на основании ст.126 Конституции РФ осуществляет судебный надзор за деятельностью судов всех уровней, в том числе и посредством принятия судебных актов.

Судебная власть в нашей стране является самостоятельной, но небесконтрольной. Поэтому когда ссылаются на независимость

судей в обоснование того, что Разъяснения Верховного Суда РФ и другие его акты необязательны для нижестоящих судов [8, с.51-53], то это делает излишней его надзорную функцию. Есть большие основания рассматривать акты Верховного Суда РФ в форме Разъяснений по вопросам судебной практики одним из видов судебного надзора за деятельностью судов.

Осуществление надзорных полномочий, как отмечают некоторые исследователи, следствие наделения надзирающего субъекта большим объемом прав, чем у поднадзорного. Поэтому у высшего судебного органа в системе судов общей юрисдикции имеются все предпосылки для принятия общеобязательных правил поведения поднадзорных судов [2, с.177]. Можно также сослаться на Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. «О судебном решении», где указывается: «При установлении противоречий между нормами права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении дела, судам также необходимо **учитывать** (выделено мной – Л.М.) разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации». Правда, проф. В.В. Ершов отмечает, что суды должны не применять, а лишь учитывать Постановления Пленума Верховного Суда РФ [5, с. 15]. Представляется, однако, что такая осторожная в известном смысле формулировка может быть объяснена принципом независимости судей. Но это не исключает ссылок на указанные акты наряду со ссылкой на действующее законодательство, что сообщает решению суда дополнительную обоснованность.

Выступая в принципе против полномочий судебного правотворчества в нашей стране, следует обратить внимание на то, что российские Верховный Суд и Конституционный Суд способны создать и реально формируют **судебную доктрину** правового содержания, которая может выступать непосредственным источником права. Между тем в настоящее время изучение судебной доктрины в таком качестве практически отсутствует. Сам термин «судебная доктрина» также не используется в отечественной юридической науке. Данное понятие сложилось в США и означает принцип, сформированный на основе выводов судебной практики. Судебная доктрина вырабатывается Верховным Судом США на основе прецедентов и выступает эффективным средством обобщения судебной практики. Одновременно судебная доктрина служит типовым подходом к решению однородных судебных

дел. Следовательно, понятие судебной доктрины представляет собой сложное правовое явление – конгломерат правового принципа, созданного в результате интерпретации Верховным Судом США конституционного текста и поправок к Конституции США, и судебных технологий. Содержание доктрины-принципов постоянно обогащается, корректируются границы их приложимости к однородным ситуациям, и это сообщает им определенную гибкость.

Среди такого рода доктрин-принципов наибольшее распространение получила, в частности, доктрина надлежащей процедуры, которая обязана своему возникновению делу Дред Скотта, когда перед судом штата Миссури, где было запрещено рабство, встал вопрос о применении надлежащей процедуры рассмотрения исков чернокожих рабов, переселившихся из южных штатов, о получении свободы. Суд штата отказал в иске заявителю, сославшись на то, что должная процедура рассмотрения подобных дел установлена законодательством южных штатов, а в штате Миссури она отсутствует.

Большое значение доктрины-принципы имеют в сфере налогового права [4, 9]. В этой сфере получила известность доктрина-принцип «буквального толкования», его приоритета над расширительным толкованием. Иными словами, если закон не предусматривает прямого освобождения от налогообложения, значит, такой льготы не существует для конкретного субъекта, а любые сомнения в данном вопросе должны разрешаться в пользу правительства.

В целях борьбы с уклонением от уплаты налогов сформировалась доктрина-принцип «содержание над формой». Она успешно применяется фискальными органами в отношении сделок между лицами, отдавая предпочтение не форме, которая нередко выбирается для уклонения от уплаты налогов или их снижения, а содержанию сделок.

Проф. Г.А. Гаджиевым высказано мнение о возможности использования судебной доктрины в российской правовой системе [10, с.118-122]. С этим мнением следует согласиться, учитывая, что на должности судей Конституционного Суда РФ назначаются лица, обладающие признанной высокой квалификацией в области права, а в Верховном Суде РФ немало судей, имеющих ученые степени и ученые звания в области юриспруденции. Именно посредством выработки правовых позиций Суда и формулирования Разъяснений по вопросам судебной практики возможно сфор-

мировать судебную доктрину (принципы), которые позволят создать типовой подход к судебному решению сходных дел в определенной сфере права и тем самым обеспечить единство судебной практики и через высшие судебные органы страны оказывать влияние на развитие права.

«В американской государственной системе, – пишет один из отечественных исследователей, – суды заняты тремя видами деятельности: они применяют законы, они разрешают конфликты и вырабатывают политику» [1, с.55]. Думается, что именно посредством создания судебной доктрины наши высшие судебные органы смогут определять политику правового развития общества и динамику политического курса в целом. Сама же судебная власть станет активным участником законодательной и кодификационной деятельности, что, безусловно, повысит ее престиж как субъекта осуществления государственной власти в Российской Федерации.

Список литературы и источников:

1. Власихин В. Феномен Верховного суда США. Американский ареопаг в первом доме на Первой улице // Российская юстиция. –2000. –№ 11.
2. Джура В.В. Правовые акты органов судебной власти: дис... канд. юрид. наук. – Иркутск. 2009.
3. Егоров А.М. Судебные акты в правовой системе Российской Федерации: дис...канд. юрид. наук.– М., 2011.
4. Емелин М.Ю. Правовая доктрин в системе источников общего права: на основе правовой системы США: дис...канд. юрид. наук.– Пенза, 2015.
5. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. – М., 2018.
6. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве и способы их устранения: автореф. дис...докт. юрид. наук.– М., 2009;
7. Крутиков Л.Л., Климцева О.Ю. К вопросу о пробелах в уголовном праве и путях их преодоления // Государство и право на рубеже веков (материалы Всероссийской конференции).– М., 2001.
8. Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда России// Государство и право. –2001. –№ 2. –С. 51 -53.
9. Романова Е.В. Судебная доктрина в системе источников налогового права США: дис.... канд. юрид. наук. – М., 2012.
10. Тарибо Е.В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской

Федерации //Право и политика. – 2005. – №2. – С.118 -122.

11.Фидаров В.В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России: автореф. дис...канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009.

12.Хабаров А.В. Уголовное право на стыке тысячелетий /Сб. научных трудов Тюменского юридического института МВД РФ. – Тюмень, 2004.

13.Яковлев В.Ф. Предисловие //Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. –2001. Специальное приложение к №1.

L.A. Morozova, Dr. of Law, Professor, Russian State University of Justice (Moscow) (tgp@rsuj.ru)

JUDICIAL ACTS AND THEIR ROLE IN LAW FORMATION

The work reveals the legal nature of judicial acts on the example of the Explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, provided for by Art. 126 of the Constitution of the Russian Federation. Speaking against the powers of judicial law-making, the author convinces that the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation are able to create and actually form a judicial doctrine of legal content, which can be the direct source of law.

Keywords: *acts of judicial power, the factor of law formation, hidden analogy, permissive type of legal regulation, elaboration of legal provisions, precedent of interpretation, judicial supervision, detalization of legal norms, judicial doctrine.*

УДК 340.1

С.Б. Поляков, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь) (e-mail: psb59@rambler.ru)

СУДЕЙСКАЯ ЛОГИКА

В статье показано, что судебные решения с нарушением элементарных правил логики, которые не исправляются инстанциями судебного контроля, – не следствие низкого уровня мышления судей. Это результат того, что в основания решений судов включаются не только юридические факты применяемых норм, обстоятельства дела, которые должны им соответствовать, и их доказательств, но иные обстоятельства, противные сути судебной власти. Называются причины этого и пути их устранения.

Ключевые слова: судебное решение, правила логики, свойства судебной власти, внутреннее убеждение судьи, бюрократизации судебной власти.

Для начала примеры логики судебных решений.

1. По уголовному делу, возбужденному о хищении имущества государственного предприятия, находящегося в процедуре банкротства, сторона защиты в порядке ст.125 УПК РФ обжаловала постановление следователя о признании потерпевшим по делу Территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Пермском крае (ГУ ФАУГИ), которое осуществляло полномочия собственника Предприятия до процедуры банкротства.

Постановлением Дзержинского райсуда г.Перми от 15.04.2013 жалоба оставлена без удовлетворения. В нём верно указано, что ч.2 ст.126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрено прекращение полномочий собственника имущества должника – унитарного предприятия с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Из этого следует, что при состоявшемся назначении арбитражным судом конкурсного управляющего предприятия прекращены полномочия собственника имущества должника – унитарного предприятия. Однако, суд сделал вывод о том, что после открытия конкурсного производства ГУ ФАУГИ не утрачивает полномочий собственника и правильно признано потерпевшим.

Сторона защиты в порядке ст.80 УПК РФ получила заключение специалиста по логике, в котором было указано, что при посылках:

1) в соответствии с ч.2 ст.126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии

конкурсного производства прекращаются полномочия руководителя должника, иных органов управления должника и собственника имущества должника – унитарного предприятия;

2) Федеральное агентство по управлению государственным имуществом осуществляет полномочия собственника имущества должника в отношении федерального имущества

умозаключение: «Таким образом, доводы заявителя о том, что Территориальное управление Федерального агентства по управлению имуществом в Пермском крае, как собственник имущества ФГУП «Машиностроительный завод имени Ф.Э. Дзержинского» не может являться потерпевшим, суд находит несостоятельным» нарушает правило первой фигуры простого категорического силлогизма. Аксиома силлогизма выглядит так: «все, что утверждается относительно всех предметов данного класса, справедливо для каждого предмета этого класса: Все М суть Р

S суть М

Следовательно, S суть Р.

В данном случае:

Связка: М – лицо, осуществляющее полномочия собственника;

Больший термин: Р – полномочия собственника прекращаются с даты решения арбитражного суда об открытии конкурсного производства;

Меньший термин: S – ГУ ФАУГИ в Пермском крае.

Согласно правилам логического вывода ГУ ФАУГИ в Пермском крае прекращает осуществлять полномочия собственника с даты решения арбитражного суда об открытии конкурсного производства.

Суд второй инстанции (апелляционное определение от 11.06.2013) прямо не подтвердил ошибку мышления суда первой инстанции, но уклонился от проверки по существу доводов апелляционной жалобы (нарушение правил логики для вывода по делу) и оставил ее без удовлетворения.

В постановлении Верховного Суда РФ от 10.10.2016 помимо многих других дефектов приговора было указано на то, что предприятие не признано потерпевшим по делу.

2. Согласно ч.5 ст.193 УПК РФ при невозможности предъявления лица опознание может быть проведено по его фотографии, предъявляемой одновременно с фотографиями других лиц, внешне сходных с опознаваемым лицом. Количество фотографий должно быть не менее трех.

Потерпевшему в больнице сотрудник полиции предъявила без понятий фотографию подозреваемого С. без предъявления фотографий в фототаблице (не в ряду с фотографиями) других лиц и без выполнения других требований ст. 193 УПК РФ. Эти деяния сотрудника полиции были оформлены как оперативно-розыскные действия. «Словесный портрет» потерпевший физически не мог дать, поскольку согласно изложению в приговоре показаний потерпевшего в суде: «После комы, когда он очнулся, сотрудник полиции показывал снимки, но он не мог говорить, так как во рту были трубки». При предъявлении ему в больнице фотографии подозреваемого «никакого протокола не составлялось». Это оперативное мероприятие признано судом недопустимым доказательством, что прямо указано в приговоре Свердловского райсуда г. Перми от 17.10.2016.

После излечения потерпевшему предъявили того же подозреваемого для опознания «вживую» в ряду со статистами с нарушением установленного ч.3 ст.193 УПК РФ запрета проводить повторное опознание. Опознающий опознавал подозреваемого не как лицо, которое он встретил при определенных обстоятельствах, а лицо, которое он видел на ранее незаконно, как признал суд, предъявленной ему фотографии. Однако вместо признания на этом основании недопустимым последующего производного от незаконного действия опознания «вживую» последнее суд признал допустимым доказательством, совершив явную логическую ошибку: ложность оснований, или основное заблуждение [4, с. 179].

Все последующие судебные инстанции, оставившие приговор без изменения, уклонились от оценки доводов жалоб относительно этой логической ошибки и не привели

доводов об ее отсутствии.

3. По этому же делу защита изобличила обвинение в том, что показания свидетельницы о ноже, который она подарила обвиняемому С., не соответствует описанию потерпевшим ножа, которым в отношении него совершалось преступление. Суд сделал вывод относительно этих противоречий: «никакого значения для дела они не имеют, поскольку орудие преступления не установлено, не изъято и не исследовано». Тем не менее, в описательной части приговора написано, что суд установил: «соучастники договорились использовать неустановленный предварительным следствием нож, принадлежавший С.».

Итак, нож не установлен, не изъят и не исследован, но утверждается о принадлежности его обвиняемому С. Почему это не является указанным защитой нарушением закона непротиворечия («Два противоположных суждения не могут быть истинными в одно и то же время и в одном и том же отношении» [4, с. 106]), все последующие судебные инстанции не обосновали.

4. О. осужден за дачу взятки сотрудникам ДПС ГИБДД в сумме 2000 руб. за несоставление протокола об административном правонарушении (ч.1 ст.291.2 УК РФ).

Аудиозаписью переговоров сотрудников полиции, осуществлявшейся на телефон одного из них, зафиксированы намеки О. на дачу взятки. После того, как не зафиксировано согласие двух сторон на взятку, О. пошел снимать тонировочную пленку с автомашины, наличие которой стало поводом для его задержания. Далее аудиозапись и стенограмма ее, имеющаяся в деле, фиксирует доклад полицейского руководству: «Ну у нас если что два девять один будет». «Нет, еще не положил, сейчас еще придет» (этим репликам суды всех инстанций оценку не дали, а филологическое заключение, полученное защитой в порядке ст.80 УПК РФ, немотивированно отклонили). И далее переговоры полицейских в автомашине. Реплик О., тем более о даче взятки, после слов, фиксирующих отсутствие передачи денег, в аудиозаписи нет. Затем О. по предложению сотрудников полиции садится в их служебную автомашину, что фиксируется видеозаписью сотрудников полиции (без сопровождения аудиозаписью) с начала посадки и до выхода О. из автомашины. В течение полминуты О. получает протокол, по видеозаписи видно, что деньги он не закладывал за водительское сиденье. После выхода О. из автомашины полицейские также выходят из нее, закрывают автомашину. Останавливают

прохожих и при них в качестве понятых изымают за водительским сиденьем две тысячные купюры.

В апелляционном постановлении Ленинского райсуда г. Перми от 16.08.2017 сказано, что видеозапись запечатлела поведение О. в салоне автомашины. Сделан вывод, что аудиозапись и видеозапись не зафиксировали момент передачи денег, но, по мнению суда, это «не свидетельствует о непричастности О. к совершению преступления».

Для объяснения того, как за сиденьем служебного автомобиля оказались деньги, суд апелляционной инстанции сделал такое умозаключение: «При этом обстановка в салоне автомобиля, где осуществлялась видеозапись, не позволила детально зафиксировать все действия О., который находился на заднем пассажирском сидении автомобиля. В то же время все действия сотрудников полиции видно достаточно четко, что позволяет исключить факт подброса денег сотрудниками полиции». Однако это умозаключение не исключает, во-первых, отсутствия доказательств закладки денег О. (причастности его к даче денег сотрудникам полиции), во-вторых, того, что деньги сотрудники ДПС заложили за водительское сиденье своей автомашины до того, как они пригласили О. в машину для оформления протокола.

Судом апелляционной инстанции сделано умозаключение из посылки: деньги заложены только тогда, когда в автомашине одновременно находились О. и сотрудники ДПС при отсутствии опровержения истинности противоположной посылки: закладку денег в свою автомашину сотрудники ДПС сделали в отсутствие О. Притом, что закладка денег сотрудниками ДПС в присутствии О. явно абсурдна. Видеозаписи, на которой были бы «все действия сотрудников полиции видны достаточно четко» до того, как О. сел к ним в машину, «что позволяет исключить факт подброса денег сотрудниками полиции», нет.

Объективные доказательства отсутствия передачи (подброса) денег в фиксированных аудиозаписью и видеозаписью действиях О. от начала названного сотрудниками полиции отсутствия этого факта («Нет еще не положил») до выхода его из автомашины, где обнаружены деньги, «опровергаются» умозаключением с логической ошибкой подмены тезиса [4, с. 178]. Последующие судебные инстанции эту ошибку исправлять не стали, как и не стали мотивировать, как приведенное умозаключение суда апелляционной инстанции доказывает «причастность О. к соверше-

нию преступления».

5. Приговором Свердловского райсуда г. Перми от 13.02.2013 В. осужден по ч.2 ст.264 УК РФ. Квалифицирующий признак «управление транспортным средством в состоянии опьянения» обоснован в приговоре лишь показаниями двух лиц, находившихся в момент аварии в автомашине, о том, что В. вместе с ними и другими приятелями пил пиво за два часа до поездки, вскоре приведшей к аварии. Сколько выпил В. они сказать не могли, указали только, что компания из 6-7 человек выпила всего 2 литра пива.

Защита указывала, что для квалификации деяния по ч.2 ст.264 УК РФ следует доказать, что это лицо находилось в состоянии опьянения, а не когда-то употребляло пиво. Через определенное время после употребления алкоголесодержащих напитков (в зависимости от вида и количества таковых, веса и других особенностей человека, употреблявших их) состояние опьянения проходит.

Согласно общедоступным в Интернете таблицам вывода алкоголя из организма, пиво из организма с весом подсудимого при количестве употребления 100 г выводится через немногим более получаса, 300 г. – примерно через два часа. Следовательно, из показаний свидетелей о количестве выпитого пива и о времени с момента его употребления до аварии с машиной, управлявшейся В., состояние его опьянения в любом случае отсутствовало.

Этот довод в приговоре опровергнут следующим образом:

«Суд не соглашается с доводами защиты о том, что в действиях В. отсутствует состав преступления, предусмотренного ч.2 ст.264 УК РФ, поскольку в судебном заседании не установлено количество выпитого В. алкоголя и степень его опьянения, так как согласно Федерального закона от 23.07.2010 г. № 169-ФЗ примечание к ст.27.12 КоАП РФ, определяющего понятие – состояние алкогольного опьянения, как наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови или 0,15 и более миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, утратило силу. Поэтому, в настоящее время, для установления состояния опьянения при квалификации действий виновного по ст.264 ч.2 УК РФ, не требуется установление таких обстоятельств, как количество употребленного алкоголя и степень алкогольного опьянения, а подлежит установлению только факт наличие опьянения, что достоверно установлено в судебном заседании».

Итак, судом рождено суждение: «факт

наличие опьянения не зависит от времени и количества употребленного алкоголя». Это утверждение в силу ст.6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» следует считать истинным, поскольку все последующие судебные инстанции не согласились с тем, что такое суждение основано на ложности оснований, противоречащих биологическим нормам.

Отсюда следует простой категорический силлогизм [4, с. 123-124]:

Все употреблявшие алкоголь (М) находятся в состоянии опьянения независимо от времени и количества употребления (Р)

Некоторые судьи (S) употребляли алкоголь (М)

Некоторые судьи (S) находятся в состоянии опьянения независимо от времени и количества употребления (Р).

Дальше по тем же правилам следует вывод: решения, вынесенные судьями, когда-либо употреблявшими алкоголь, вынесены ими в состоянии опьянения.

Во всех приведенных примерах только первая логическая ошибка была исправлена, но она была далеко не самым существенным дефектом приговора. Во всех остальных случаях логические ошибки реализованы в правовые последствия и выводы об их отсутствии в постановлениях судов апелляционной и кассационной инстанции не содержатся. Поэтому приведенные примеры судебных актов следует рассматривать не как случайные дефекты логики отдельных судей и юридические анекдоты. В них надо увидеть дополнительные основания и причины, включаемые судебной системой в логику вынесения судебного решения по юридическому делу.

Два последних примера – это участие судов в борьбе с коррупцией и с пьянством за рулем. Поэтому в логику судебных решений (в основания для выводов по делу) кроме обстоятельств дела и доказательств включаются показатели привлеченных к юридической ответственности за коррупционные преступления и за управление автотранспортом в состоянии опьянения. Причем эти показатели являются первостепенными. Во имя их можно пренебречь фактическими обстоятельствами дела и их доказательствами. Такая судебная практика не имеет специального свойства судебной власти, названного и охарактеризованного Л.А. Воскобитовой как ситуационный характер [3, с. 117-120].

Первые три примера – это «логика стены»: «Нарушение обычно допускает самый

неквалифицированный и недалекосудный из сотрудников правоохранительных органов. По "логике стены" все остальные, т.е. неразделимая прокурорско-судейская машина, бросаются поддерживать и оправдывать самые глупые фальсификации и самые очевидные нарушения» [2, с. 33-34]. В апелляционном определении судьи Пермского краевого суда от 07.04.2015 по делу № 22-1853, которым оставлено без изменения постановление суда первой инстанции об оставлении без рассмотрения по существу жалобы в порядке ст.125 УПК РФ на неисполнение постановления суда о признании незаконным бездействию следователя, замечательно выражена подчиненная по отношению к следователю роль суда: «вопрос о бездействии следователя по возвращению трудовых книжек на имя К. и В. не может быть рассмотрен в порядке ст.125 УПК РФ, так как в противном случае, и следователь и суд сами бы стали сторонами процессуального конфликта, что является недопустимым».

О вовлеченности российского суда в борьбу с преступностью, о связке между следствием и судом вместо независимости и беспристрастности суда и, соответственно, об обвинительном уклоне судов пишут постоянно. Но это основание в логике судебных приговоров, отсутствующее в законе, продолжает оставаться главным, подчиняющим обстоятельством дела и их доказательства.

В спорте, например, при просмотре эпизода волейбольного матча, было ли нарушение правила касания сетки, если видеопросмотр показывает «no touch» (нет касания), очко отдается команде, заподозренной первоначально в касании сетки. При этом невозможен вывод судьи: «Касания сетки видеоповтор не зафиксировал, но это не означает отсутствия касания сетки, потому что игрок противоположной команды утверждает, что касание было». В российском уголовном судопроизводстве видеофиксация поведения, в котором не обнаружено запрещенное действие, «не свидетельствует о непричастности лица к совершению преступления».

И решение дел по правде, в соответствии с только доказанными фактами зависит не от познания понятия, сущности, источника, генезиса, структуры, функций судебной власти.

Почти полтора века назад А.Ф. Кони назвал «причины к тому, чтобы судья не умел или не мог применить к делу всю полноту внутреннего своего убеждения или дать ему правильный исход»:

- личные свойства судьи: увлечения,

создающие односторонний взгляд на вещи, порождающие ошибки, недосмотры и неверное понимание предметов сложных или необычных, лень ума, отказывающегося проникать вглубь вещей и пробивать себе дорогу среди кажущихся видимостей и поверхностных противоречий;

- приказание, идущее от имущих власть, и возможность удалить судью от его дела или вовсе лишит его привычной деятельности, настойчивые, влиятельные просьбы и внушения, создающие в судье постоянную тревогу за свое положение вообще, опасение последствий своего предстоящего решения и страх по поводу уже состоявшегося;

- мнение окружающей среды [8, с. 40-43].

Эти причины и сегодня порождают решения судов вопреки представлениям людей о должной судебной власти, т.е. независимой, беспристрастной, объективной. Других причин не видно, а потому нет потребности их выдумывать.

Методология юридического познания судебной власти по постановке вопроса обязывает искать характеристики должной судебной власти. Но проблема не в совершенствовании «сказки», а в том, «как сказку сделать былью», т.е. как устранять названные А.Ф. Кони причины.

Можно возразить, ссылаясь на бессилие социальной науки, приводя в пример научный коммунизм. Он начинался с тезиса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [9, с. 4]. Закончился, когда в XX веке не удалось изменить мир до коммунизма.

Но не грозит ли юридической науке такой скептицизм самоубийством? В то время как создатели радио, телевидения, интернета, мобильных телефонов изменяют мир.

Н.А. Колоколов в итоге статьи о проблемах уголовного процесса приводит слова О.Эрлиха, начинавшие его рассуждения о социологии права, о том, что центр тяжести развития права во все времена лежал не в законодательстве, не в правоприменении, а в самом обществе [7, с. 7]. В том же духе, наверно, можно сказать и о развитии судебной власти. Тогда юридической науке надо отдыхать, дожидаясь, когда изменится общество. В ином случае надо искать рецепты того, как сделать так, чтобы в правоприменении суд следовал только логике закона, не включая в основания своих выводов лежащие в самом судье и во внешних обстоятельствах причины,

чтобы судья не умел или не мог применить к делу всю полноту внутреннего своего убеждения или дать ему правильный исход. Образно говоря, как сделать так, чтобы судья футбольного матча не применял правила регби в угоду тем, кто очень силен, но плохо играет в футбол. «Постановляя свой приговор, судья может ошибаться; но если он хочет быть действительно судьей, а не представителем произвола в ту или другую сторону, он должен основывать свое решение на том, что в данное время ему представляется логически неизбежным и нравственно-обязательным» [8, с. 39-40].

Наивно уповать в совершенствовании личных свойств судьи на систему образования, в которой эффективным преподавателем считается тот, у кого успеваемость не менее 95 % независимо от растущей эпидемии «лени ума» студентов, выведенных из тестов ЕГЭ, с сомнительным преподаванием логики во многих юридических вузах. Но сегодня есть сам по себе достаточный инструмент исправления логических ошибок судебных решений – пересмотр дел в апелляционной и кассационной инстанциях. Другое дело, как показывают приведенные примеры, используется ли этот инструмент. Поэтому самостоятельное и ключевое значение имеет причина «приказание, идущее от имущих власть».

Борьба за суд между обладателями исполнительной власти и обществом – это передовая правовой жизни. Общество стремится к тому, чтобы суд был его защитником от произвола «имущих власть». Создание такого института власти как суд – достижение общества. Но «имущие власть» всегда норовят превратить суд в свой ритуальный инструмент. Для этого им не нужно познание сущности судебной власти, а используются механизмы назначения судей, продления и прекращения их полномочий для формирования послушного судейского корпуса. Особое искусство – соблазны для судей отказаться от тяжелого труда правосудия и обратить свои полномочия для создания условий своего комфортного существования.

Пряник – высокие зарплата и пожизненное содержание, которых обществу не жаль за правосудие. Кнут – угроза лишения пряника. Соблазн – побуждение не усердствовать в правосудии и поступаться им в союзе с исполнительной властью, способной в отличие от общества использовать кнут.

Ответственность судьи основана на полной власти над ним председателя суда. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2008 № 3-П подтвердило власть предсе-

дательей судов над судьями. Для реализации административного ресурса воздействие на судей осуществляется через руководство судов [6, с.1; 10, с. 21-25; 11, с. 6-7; 12, с.102; 16, с. 10-12].

Судья оценивается по правильному решению единичного конфликта конкретного дела, но суд, следовательно, его председатель оцениваются по показателям «глобального характера» борьбы с преступностью, коррупцией и т.п., в которую суд вовлекает исполнительная власть, не признавая ситуационный характер судебной власти.

Независимость суда является независимостью от общества председателей судов, зависимых в назначении и продлении своих полномочий от верховной власти, любимое дитя которой власть исполнительная. Для сохранения своего статуса нужно выпячивать свои успехи как в общей для всей власти борьбе, так и свои собственные. В частности показатели стабильности решений.

А.Т. Боннер пишет, что имеющийся в законодательстве термин «законность» заменен «чиновничьим» термином «стабильность». Однако термин «стабильность судебных решений» далеко не всегда означает их законность. «Высокая стабильность решений» во многом достигается за счет массового «засиливания» незаконных и необоснованных решений [1, с. 35-36].

Зависимость судебной власти от верховной власти неминуемо превращает суды в бюрократическую машину. «В процессе бюрократизации властный субъект перестает в своей профессиональной деятельности ориентироваться на ту цель, для которой он создан, и начинает работать на сохранение и упрочение своего статуса, учитывая в первую очередь свои собственные интересы» [15, с. 56].

Поощряемый верховной властью процесс бюрократизации судебной власти проявляется в попытках облегчения работы судей с сохранением и даже увеличением их зарплаты, пожизненного содержания и социальных льгот за счет ограничения прав граждан на правосудие.

Изменениями УПК РФ, внесенными Федеральным законом от 29.12.2010 № 433-ФЗ, осужденные были лишены возможности рассмотрения Верховным Судом РФ их кассационных жалоб на приговор, если постановлениями судей областных и равных им по уровню судов было отказано в передаче кассационных жалоб на вынесенные в отношении них судебные решения для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, а

именно президиумов тех же судов. Конституционный Суд РФ вынес-таки постановление от 25.03.2014 № 8-П о неконституционности такого порядка к счастью для многих незаконно осужденных людей.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 20.10.2015 № 27-П подтверждена конституционность законодательной тенденции к внедрению в гражданское судопроизводство форм судебного разбирательства без проведения слушания с участием сторон (письменное производство), что названо повышением эффективности правосудия и реализацией наиболее рациональным образом права граждан на судебную защиту и права на судебное разбирательство в разумный срок, чтобы не утверждали заявители. Разгрузка судебной системы возведена в публичный интерес граждан, не осознающих своего подлинного интереса.

Пленум Верховного Суда РФ 3 октября 2017 года постановил внести в Государственную Думу РФ проект закона об изменении процессуальных кодексов: ГПК, АПК и КАС. Кроме расширения категорий дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства самостоятельным шагом в усечении объема гарантий правосудия стало предложение отказа от обязательного составления мотивировочной части решения суда.

Эти предложения многими учеными и практикующими юристами расценены как уничтожение статуса судебного решения как акта правосудия [5, с. 256-345; 17, с. 29-33].

Истинное состояние качества судебных актов может определить только внешняя к судебной системе инстанция. Например, специальная коллегия по правонарушениям судебной власти вне системы судов из ученых юристов для проверки наличия в постановлении судьи Верховного Суда РФ мотивированных возражений на все доводы кассационной жалобы и соответствие их закону и актам высших судов, с применением в отсутствие таковых правосоставительных санкций: возложение обязанности на суд надзорной инстанции рассмотреть дело в порядке надзора [17, с. 297-324, 357-368, 381-396]. Это куда менее затратная процедура, чем обустройство районных судов для рассмотрения дел присяжными заседателями ради ритуалов, включающих в логику правосудия не основания закона и доказательства, а «мнение окружающей среды». Профессиональное мнение правоведов о наличии или отсутствии в кассационном постановлении оценки доводов, например, о незаконности проведения опознания лица,

фотография которого до этого была показана опознающему, проверяемо и объективно покажет, что «засиленный» приговор ложно поставлен в положительную статистику стабильности приговоров в угоду статистике органов обвинения.

Но это чревато для верховной власти потерей контроля над судебной властью, которой в свою очередь уютнее под крылом верховной власти.

Науке сегодня остается объективно и проверяемо показывать расхождение между представлениями о должном правосудии и реальной деятельностью судов. Основой для этого является предложенная Л.А. Воскобитовой типология осуществления судебной власти, при которой выделяются три типа: публично-репрессивный, публично-состязательный, публично-контролирующий [3, с. 66-74].

Нами предложены критерии и показатели для оценки судебных постановлений по определенным категориям дел, большая совокупность которых позволяет объективно говорить о том, к какому типу склоняется судебная практика в определенный период времени [14, с. 9-14].

Есть и еще варианты борьбы общества и науки за правосудие, т.е. за то, чтобы в основаниях логически неизбежных и нравственно-обязательных решений судов были только доказанные юридически значимые обстоятельства дела, но не бюрократические показатели исполнительной власти и аппаратов судов. Именно поиск этих вариантов в борьбе с верховной государственной властью является постоянной задачей юридической науки.

Список литературы и источников:

1. Боннер А.Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. –2018. – № 1. Т.8. – С. 22–38.
2. Бубон К.В. О цели уголовного судопроизводства // Адвокат. –2008. –№ 10.– С. 28-35.
3. Воскобитова Л.А. Теоретические основы судебной власти: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 288 с.
4. Гетманова А.Д. Логика для юристов. Со сборником задач: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2012. – 344 с.
5. Коллективное правовое заключение на законопроект Верховного Суда Российской Федерации о внесении изменений в Граждан-

ский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и индивидуальные заключения ученых и практиков/ Д.А. Туманов, Е.Г. Стрельцова, С.В. Моисеев, С.А. Алехина, Л.Н. Бардин, С.С. Казиханова, Е.А. Нахова, И.А. Невский, М.М. Ненашев, Л.А. Прокудина, Е.С. Смагина, А.Р. Султанов, О.П. Чистякова // Вестник гражданского процесса. –2018. –№ 1. Т.8. –С.256-345.

6. Колоколов Н.А. Демократия сроком в пять лет // ЭЖ-Юрист. –2008. –№ 12. – С.1-9.

7. Колоколов Н.А. В поисках модели уголовного процесса: предварительное расследование – «новое», проблемы – «старые» // Уголовное судопроизводство. –2018. –№ 2. –С.3–8.

8. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) / Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. – М.: Юридическая литература, 1967. Т.4. –С. 33–69.

9. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М.: Госполитиздат, 1955. Т.3. –С. 1-5.

10. Михайловская И.Б. Судебная власть: внутрисистемное управление // Государство и право. –2008. –№ 10. –С. 21-25.

11. Никитинский Л. ...И суда нет (интервью с Т.Г. Морщаковой) // Новая газета. –2004. –№ 51. –С.6-7.

12. Погодин С.Б., Терехин В.А. Независимость суда при состязательном построении уголовного процесса // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. –2010. –№ 4. – С.100–105.

13. Поляков С.Б. Юридическая ответственность государства. – М.: Юридический мир, 2007. – 432 с.

14. Поляков С.Б., Кондакова Л.В. Метод определения типа осуществления судебной власти // Мировой судья. –2017. –№ 11. –С.9-14.

15. Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. –2017. –№ 10. –С. 55-61.

16. Савченко А.Н. Принцип независимости судебной власти // Российский судья. –2009. –№ 3. –С.10-12.

17. Султанов А.Р. Является ли немотивированное правосудие правосудием // Российский судья. –2017. –№ 12. –С.29-33.

S.B. Polyakov, Dr. of Law, Professor, Perm State National Research University (Perm) (e-mail: psb59@rambler.ru)

JUDGE'S LOGIC

The article demonstrates that the court decisions which contradict the elementary rules of logic but are not remedied by the court control instances, - are not the result of the poor level of the judges' thinking ability. They are the outcome of the situation when the grounds of the court decisions include not just the juridical facts of the applied norms, the circumstances of the case that have to comply with them, and evidences hereto, but also other circumstances that contradict the essence of the judicial power. The reasons for that are named and the ways are described to eliminate them.

Keywords: *court decision, rules of logic, features of judicial power, judge's belief, bureaucratization of the judicial power.*

УДК 174

Т.К. Рябинина, канд. юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: tatyana.kimovna-r@yandex.ru)

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ (ВЗГЛЯД ПРОЦЕССУАЛИСТА)

В статье автор уделяет внимание сущности и правовой природе судебной власти, рассматривает различные точки зрения по вопросам функций и форм реализации судебной власти, обосновывает собственное мнение о том, что правосудие по уголовным делам как особая функция судебной власти, осуществляемая единственным органом - судом, заключается как в рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, так и в решении иных правовых вопросов, требующих разрешения в судебном порядке.

Ключевые слова: судебная власть, функции судебной власти, правосудие.

Исследуя вопрос о роли суда в обществе, о полномочиях суда в разрешении правовых вопросов и конфликтов, необходимо, прежде всего, обратиться к истокам, основам судебной деятельности в системе государственной власти. Следует выяснить, что предопределяет особое положение суда в государственном механизме управления, почему именно суду доверено разрешать правовые споры, конфликты, вершить судьбами граждан, ограничивать гарантированные Конституцией РФ их права и свободы, «казнить или миловать», восстанавливать справедливость и правопорядок в обществе, наказывать виновных. И началом начал в исследовании данного вопроса является понятие «судебная власть», занимающее верхнюю ступень в иерархии категорий, определяющих сущность и значение любой судебной деятельности.

Прежде всего, необходимо отметить, что судебная власть – одна из трех ветвей государственной власти, в основе которой лежит принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ). Основателем концепции разделения властей принято считать французского философа Шарля Луи Монтескье, который считал, что создание в одном лице или государственном органе всех видов государственной власти может привести к тирании, что нет свободы, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной [30, с. 348].

По мнению разработчиков Концепции судебной реформы в Российской Федерации, в правовом государстве судебная власть получает «возможность блокировать или затруднять действие неразумных законов, угрожать вла-

сти исполнительной ответственностью за несоблюдение воли представительных учреждений, защищать права граждан от тирании политиков и чиновников, быть для других ветвей власти блоком обратной связи» [24, с. 44].

В теории права существует несколько подходов к понятию судебной власти, и один только их перечень, даже без анализа каждого из них, займет достаточное место в рассмотрении этого вопроса [23, с. 115-141; 16, с. 38-67].

Наиболее распространенными являются определения судебной власти через формы ее осуществления. Так, в качестве примера такого подхода можно привести следующее определение: «судебная власть — специфическая независимая ветвь государственной власти, осуществляемая путем гласного, состязательного, как правило, коллегиального рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях споров о праве» [33, с. 284].

Близка к такому подходу концепция сущности судебной власти, сводящаяся к ее пониманию как системы специализированных государственных органов – судов, разрешающих правовой спор в форме, установленной законом [60, с. 295-297; 5, с. 11; 3, с. 115; 37, с. 33; 14, с. 48-49; 42, с. 691-694].

Большая группа авторов определяет судебную власть как некое исключительное полномочие государства по разрешению возникающих в правовой сфере жизни общества социальных конфликтов с использованием установленной законом процедуры, реализуемое в формах конституционного, гражданского, уголовного, административного и арбитражного судопроизводства [37, с. 31-33; 63, с.

192; 58, с. 31; 20, с. 6; 19, с. 26; 18, с. 9; 62, с. 179; 34, с. 9; 36, с. 3; 61, с. 21-23].

Особое место среди взглядов на сущность судебной власти занимает позиция В.А. Лазаревой, сводящаяся к двойственному пониманию судебной власти – через ее организационное и функциональное направления. При этом, как справедливо полагает В.А. Лазарева, судебная власть не тождественна ни судам и судебной системе – они лишь носители определенной части государственной власти, ни деятельности по отправлению правосудия – она есть форма реализации государственной власти. По ее мнению, судебная власть – это принадлежащие судам право и возможность в особой процессуальной форме – «процессуальной процедуре» и особыми методами разрешать возникающие в обществе правовые конфликты [25, с. 12, 45; 27, с. 14; 26, с. 53].

Некоторые правоведы, характеризуя судебную власть как «многофункциональный государственно-правовой феномен», выделяют в качестве ее отличительного признака объем юрисдикции, ее компетенцию, которая реализуется посредством ее функционирования, через ее функции как законодательно оформленные основные направления ее деятельности, в которых выражается сущность и социальное назначение, по обеспечению прав, свобод и законных интересов субъектов права путем разрешения социальных конфликтов, призванного восстанавливать нарушенные или оспариваемые права, свободы и законные интересы субъектов общественных отношений и преодолевать препятствия в реализации их правового статуса [51, с. 42-45].

Близка к такой трактовке позиция И.Б. Михайловской, которая в своем определении судебной власти акцент также делает на основные направления ее деятельности, не отмечая, однако, кто и в какой форме ее осуществляет. По ее мнению, судебную власть следует представлять как «самостоятельную и независимую ветвь государственной власти, созданную для разрешения на основе закона социальных конфликтов между государством и гражданами, самими гражданами, юридическими лицами; контроля за конституционностью законов; защиты прав граждан в их взаимоотношениях с органами исполнительной власти и должностными лицами; контроля за соблюдением прав граждан при расследовании преступлений и проведении оперативно-розыскной деятельности; установления наиболее значимых юридических фактов» [49, с. 17].

Отмеченные выше точки зрения были подвергнуты критике со стороны некоторых

авторов. Например, Н.А. Колоколов и Е.В. Рябцева отмечают, что природа и сущность судебной власти так и не выявлены [23, с. 132; 44, с. 277], а, по мнению В.А. Ржевского и Н.М. Чепурновой, выработка общего понятия «судебная власть» все еще ждет своего решения [43, с. 38]. И хотя эти мысли были высказаны более десяти лет назад, они актуальны и на сегодняшний день.

Неудачные попытки выявить сущность судебной власти и дать некое «универсальное», как пишут А.С. Безнасюк и Х.У. Рустамов [2, с. 29], определение этому понятию обусловлены тем, что эта проблема исследовалась не с позиции понятия власти, а с позиции проблем организации судебной системы, судебной деятельности, судоустройства, принципов деятельности судов, а также с точки зрения функционирования этой системы, сводящегося к деятельности суда по рассмотрению и разрешению в судебных заседаниях споров о праве и процессуальным полномочиям суда. Таким образом, преобладающим направлением в исследовании сущности судебной власти долгое время оставался судоустройственный и процессуальный аспекты, в итоге приведший к их объединению и сутью понятия судебной власти стало лаконичное определение ее как «системы судебных органов государства, осуществляющих правосудие» [47, с. 1279].

Как верно замечает Л.А. Воскобитова, «эти подходы... выделяют прежде всего внешнюю сторону характеристики судебной власти и фиксируют ряд признаков, очевидных для восприятия: кто осуществляет судебную власть (суды); в чем состоит само осуществление (в разрешении конфликтов) и как она осуществляется (в специальной процедуре)» [7, с. 68]. Вместе с тем, обращает внимание И.Б. Михайловская, «...само по себе наличие судов, а также тех или иных правил разрешения возникающих в обществе конфликтов еще не свидетельствует о наличии феномена судебной власти» [49, с.13].

Понимание бесперспективности дальнейшего исследования этой проблемы только лишь в этом направлении в последнее время подвигло российских ученых к стремлению выявить сущность судебной власти через ее внутреннее содержание, что вполне оправданно. В литературе активнее стали изучаться конституционные основы всего механизма осуществления судебной власти [9, с. 511-526; 1, с. 612-659; 43, с. 3]. Все больше акцент стал делаться на изучение судебной власти как одной из самостоятельных ветвей государ-

ственной власти, обеспечивающей, с одной стороны, реализацию важнейших конституционных прав и свобод человека и гражданина, прав коллективов и народа в целом, а с другой — сдерживание и ограничение законодательной и исполнительной ветвей власти, осуществление правового контроля над их деятельностью. Такой подход к пониманию судебной власти обусловлен признанием в Российской Федерации на конституционном уровне принципа разделения властей, предполагающего самостоятельность судебной власти, выражающуюся в возможности влиять в присущих ей формах на законодательную и исполнительную власти, сдерживать их злоупотребления в рамках конституционных требований [4, с. 46].

В рамках принципа разделения властей важно также рассматривать судебную власть через ее социальное предназначение - как средство обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, средство влияния на социальные процессы в различных формах судопроизводства, поэтому судебную власть предлагают рассматривать как форму социального регулирования в соответствующей сфере общественных отношений [2, с. 17-18]; механизм общественного саморегулирования [62, 67]; форму реализации воли народа [2, с. 18; 23, с. 126-127], обладание судом в силу закона правоприменительными полномочиями в правовой сфере жизни общества [50, с. 33] и возможность суда воздействовать на поведение людей и социальные процессы [10, с. 33].

Вместе с тем основополагающим в сути судебной власти остается ее государственно-властный характер, обуславливающий возможность суда разрешать социальные конфликты, используя в необходимых случаях и государственное принуждение. Суд, лишенный свойства государственности, перестает быть средством защиты [7, с. 77]. Поэтому высказанная Е.Б. Мизулиной идея о судебной власти как некоей форме «самоограничения государства», означающей, что суд должен существовать вне государства и даже над государством [29, с. 171], не нашла поддержки среди юристов [7, с. 77; 23, с. 126]. Однако в целом концепция «самоограничения государства» как признание государством самостоятельности судебной власти и необходимости собственного самоограничения в случаях использования судебной власти при разрешении социальных конфликтов [32, с. 49; 41, с. 107; 35, с. 15; 2, с. 23; 49, с. 27-39], отказ от использования суда как инструмента обеспе-

чения своей политики, а признание его средством самоограничения государства правом [6, с. 101; 38, с. 31] заслуженно заняла свое место в ряду различных концепций о сущности судебной власти.

Проанализировав в таком обобщенном виде различные подходы к понятию судебной власти, автор данной работы солидаризируется с теми учеными, которые рассматривают сущность судебной власти посредством изучения общей теории государственной власти, трактующей ее саму как систему особых государственных отношений [48, с. 229; 23, с. 127, 136]. Наиболее отражающим в этом аспекте сущность судебной власти видится определение, данное Л.А. Воскобитовой: «Судебная власть — это реализуемые посредством судопроизводства особые государственно-властные отношения суда и субъектов процесса, возникающие в процессе рассмотрения и разрешения судом правовых конфликтов или иных вопросов, относящихся к его компетенции, с целью защиты и восстановления судом нарушенного права, определения мер ответственности виновного или ограждения от ответственности невинного, обеспечивающие самоограничение государства правом» [38, с. 37-38]. Соответственно, в случае, когда суд разрешает какой-либо правовой спор по уголовному делу, судебная власть предстает «особой формой государственно-властных взаимоотношений суда и субъектов уголовного процесса, возникающих при производстве по уголовному делу» [53, с. 82].

На наш взгляд, судебная власть, являясь одной из ветвей государственной власти, действительно представляет собой такой властно-правовой феномен и такое социальное явление, которое просто не охватывается столь узким пониманием. Конечно, давая определение судебной власти, необходимо рассматривать ее в более широком смысле. Поэтому, на наш взгляд, в обобщенном виде судебную власть следует понимать как социально-правовое явление, выражающееся в государственно-властных взаимоотношениях между судом и любыми субъектами, вовлеченными для защиты своих прав, свобод и законных интересов или публичных интересов в разрешение правового вопроса, в правовой спор или конфликт, требующий судебного разбирательства и принятия соответствующего властного решения в процедуре, специально для этого установленной отраслевым законом, в пределах полномочий, предоставленных суду.

Единственным носителем судебной власти является – суд, который реализует эту

власть посредством осуществления правосудия. В Конституции РФ закреплено: «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом» (ч. 1 ст. 118). В силу Законов РФ «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 1) и «О статусе судей в Российской Федерации» (ст. 1) судебная власть осуществляется судами в лице судей и представителей народа, привлекаемых в установленных законом случаях к осуществлению правосудия. В соответствии с частью 2 ст. 118 Конституции РФ судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Тем самым просматривается тесная взаимосвязь понятий «судебная власть», «правосудие» и «судопроизводство», суть которой долгое время так и остается нераскрытой. Тем не менее, для уяснения сущности судебной деятельности важно уяснить, каким образом соотносятся эти понятия.

Проанализировав различные подходы к пониманию сущности и функций судебной власти, необходимо обратить внимание на то, что преобладающим среди них следует выделить точку зрения, сводящуюся к тому, что правосудие – основная или особая функция судебной власти как особой ветви государственной власти [21, с. 20-21; 62, с. 193; 49, с. 23; 8, с. 22; 51, с. 45; 17, с. 11; 4, с. 60; 37, с. 42]. При этом наиболее обобщенным, типичным является понятие правосудия как деятельности суда (особого вида государственной деятельности) по рассмотрению и разрешению дел, решению правовых конфликтов, вопросов и иных споров, возникающих в процессе правоприменения и т.п. [22, с. 473; 57, с. 63; 11, с. 48, 71; 39, с. 45-46; 4, с. 49; 38, с. 44; 45, с. 5-9; 40, с. 28; 15, с. 11; 46, с. 102-103; 55, с. 62; 54, с. 212; 56, с. 22].

Однако такой подход к пониманию правосудия отождествляет его с судопроизводством. Более того, при такой трактовке правосудие поглощается судопроизводством, предстает как часть судопроизводства, определенный этап, на котором суд осуществляет свои функции, и чаще всего этот этап связывают только с судебными стадиями.

Вместе с тем правосудие – более емкое и глубинное понятие. Правосудие в буквальном смысле – это осуществление права суда, то есть справедливого. Даже с точки зрения русского языка правосудие определяется как право «судить по правде, по закону, по совести» [12, с. 380]. Сущность этого понятия определяет не столько процедура, сколько

справедливое разрешение судом любого правового вопроса, будь то разрешение трудового спора или признание лица виновным или реабилитация невиновного, принятие судом решения о заключении лица под стражу или об изменении меры пресечения и т.п., что прямо закреплено в ст. 4 Федерального конституционного закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»: «Суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

При этом основополагающим в определении сущности и назначения правосудия является обеспечение одной из главных функций государственной власти – защиты прав и свобод человека и гражданина, что закреплено в статьях 2 и 18 Конституции РФ. Как верно пишет Н.Н. Ковтун, именно конституционная функция судебной защиты прав и законных интересов личности, интересов государства и общества составляет сущность и основное направление деятельности судебной власти [21, с. 20-21]. Этим можно объяснить то, что отдельные авторы выделяют наряду с функцией правосудия такую функцию судебной власти как правозащитная [52, с. 103-104], или функцию защиты прав и свобод человека и гражданина [28, с. 12; 26, с. 51; 56, с. 23], что, на наш взгляд, представляется не совсем верным, поскольку именно правозащитный характер правосудия является его главным свойством, назначением, определяющим и его основные функциональные направления (функции суда), и полномочия суда, и формы (процедуры, порядок) разрешения правового конфликта или вопроса, в зависимости от сферы общественной жизни, в которой разрешается конфликт, и от этапа (стадии судопроизводства), на котором, исходя из задач определенной стадии, разрешается данный конфликт, спор или вопрос.

На наш взгляд, правосудие – это основная функция судебной власти, заключающаяся в разрешении судами в рамках предоставленных им властных полномочий путем применения общих норм права к конкретным жизненным ситуациям правовых споров и вопросов, отнесенных Конституцией РФ и федеральным отраслевым законодательством к компетенции суда, требующих вмешательства суда как независимого и самостоятельного органа государства, и направленная на защиту прав и законных интересов личности, интересов государства и общества от любого проти-

воправного посягательства, восстановление нарушенных прав, придание законной силы решениям и действиям органов государственной власти, ограничивающим конституционные права и свободы граждан, требующая в необходимых случаях использование государственного принуждения, в том числе и в целях исполнения властного решения суда, принято им по итогам разрешения правового спора или конфликта.

Каждый из видов правосудия – конституционный, гражданский, административный и уголовный – осуществляется в строго регламентированной своим отраслевым законом процессуальной форме. Проецируя вышеизложенное на сферу уголовной юстиции, отмечаем, что правосудие по уголовным делам осуществляется посредством уголовного судопроизводства, под которым мы понимаем регламентированную уголовно-процессуальным законом деятельность государственных органов и должностных лиц, направленную на реализацию назначения уголовного судопроизводства, а также других участников судопроизводства, отстаивающих свои законные интересы (или представляющих их интересы) или вовлеченных в эту деятельность для оказания содействия в отправлении правосудия, которая осуществляется не иначе как в правовых отношениях, складывающихся между этими субъектами.

При этом правосудием является «обобщенный образ» любого разбирательства дела органом судебной власти в пределах своей компетенции [13, с. 25]. А судопроизводство, в том числе и уголовное, означает процессуальную деятельность суда по поводу конкретного, единичного правового спора, в ходе которой суд, применяя общую правовую норму к конкретному случаю, установив фактические основания данного спора, обязан найти соответствующую им правовую норму и принять властное правоприменительное решение, имеющее характер индивидуального поднормативного акта [54, с. 96-97; 59, с. 21]. Именно таким образом суд как единственный носитель судебной власти, реализуя свои властные полномочия, через правоприменительную деятельность в форме судопроизводства осуществляет свое главное предназначение – правосудие.

Хотя непосредственно правосудие осуществляется только судом, оно немислимо без деятельности других участников уголовного судопроизводства – следователя, прокурора, обвиняемого, эксперта и др. Но эти субъекты не участвуют в отправлении правосудия, они

содействуют осуществлению правосудия, участвуя в уголовном судопроизводстве. Таким образом, правосудие по уголовным делам – более объемное понятие, чем уголовное судопроизводство. Следует заметить при этом, что оно не сводится лишь к уголовному процессу в судебных стадиях, но и отождествлять его со всем уголовным судопроизводством нельзя. Тем не менее, одни авторы все же полагают, что понятие судопроизводства шире понятия правосудия [31, с. 31; 59, с. 21], другие – что эти понятия тождественны [49, с. 24].

Соотношение, взаимосвязь, взаимодействие, пересечение, взаимопроникновение правосудия и уголовного судопроизводства настолько сложно, что их нельзя соотносить как часть и целое – никоим образом правосудие не растворяется в уголовном судопроизводстве. Соответственно, и уголовное судопроизводство не является частью правосудия, поскольку в досудебном производстве судебная деятельность может вообще не проявиться, а основные процессуальные действия на этом этапе осуществляют и решения принимают другие должностные лица, представители исполнительной власти – следователь, дознаватель, прокурор, деятельность которых, несмотря на их специфическое функциональное предназначение, в целом направлена на ДОС – осуществление правосудия судом, которое без качественного, эффективного досудебного производства может быть крайне затруднено.

Таким образом, правосудие по уголовным делам как особая функция судебной власти, осуществляемая единственным органом – судом, заключается как в рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, так и в решении иных правовых вопросов, требующих разрешения в судебном порядке.

Список литературы и источников:

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник. – М., 1997. – 720 с.
2. Безнасюк А.С., Рустамов Х.У. Судебная власть: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-Дана, Закон и право, 2002. – 455 с.
3. Бойков А.Д. Третья власть. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990-1996 гг. – Курск: ГУИПП Курск, 1999. – 383 с.
4. Бурдина Е.В. Судебная власть в Российской Федерации: учебник. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2006. – 248 с.

5. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. – М., 1998. – 383 с.
6. Воскобитова Л.А. Судебная власть: возникновение, развитие, типология: Учебное пособие. – Ставрополь: Сев. Кав. ГТУ; СКСИ; Ставропольсервисшкола, 2001. – 128 с.
7. Воскобитова Л.А. Сущностные характеристики судебной власти. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. – 160 с.
8. Газетдинов Н.И. Правосудие как основная форма реализации судебной власти // Российский судья. – 2014. – № 6. – С. 20- 23.
9. Государственное право Российской Федерации / Под ред. О.Е. Кутафина: Учебник. – М., 1996. – 584 с.
10. Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. – М.: Бек, 1995. – 320 с.
11. Гуценко К.Ф., Ковалев М.Л. Правоохранительные органы: учебник. – М., 2005. – 421 с.
12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 3. – М., 1994. – 1782 с.
13. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 51 с.
14. Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 48-49.
15. Ершов В.В. Правосудие, правоприменение и правотворчество в условиях глобализации с позиций легизма и «широкого» понимания права // Российское правосудие. – 2011. – № 12. – С. 5-16.
16. История судебной системы в России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [А.А. Демичев и др.]; под ред. Н.А. Колоколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – 472 с.
17. Калинина Н.С. Деятельность судебной системы по вопросам реализации судебной власти // Российский судья. – 2014. – № 4. – С. 11-13.
18. Кладий Е.В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации: Автореф. дис...канд. юрид. наук. – М., 2002. – 24 с.
19. Кобликов А. Судебная власть и процессуальные гарантии // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 8. – С. 26.
20. Кобликов А. Судебная реформа и новые проблемы правосудия // Советская юстиция. – 1990. – № 6. – С. 6.
21. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. – Н.Новгород, 2002. – 332 с.
22. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России : учебник. – М., 1998. – 520 с.
23. Колоколов Н.А. Роль суда в механизме государственного управления. – М.: ИГ «Юрист», 2004. – 344 с.
24. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.
25. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. – Самара: Изд-во Самарский университет, 1999. – 136 с.
26. Лазарева В.А. Судебная власть и уголовное судопроизводство // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 53.
27. Лазарева В.А. Судебная защита в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. – М., 2000. – 52 с.
28. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986. – 159 с.
29. Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: Дис...докт. юрид. наук. – Ярославль, 1991. – 269 с.
30. Монтескье Ш. Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.
31. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.
32. Нерсисянц В.С. Идеи и конструкции правовой государственности: история и современность / Социалистическое правовое государство: концепция и пути развития. – М., 1990. – 320 с.
33. Общая теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1994. – 360 с.
34. Организация деятельности судов: Курс лекций для вузов / Отв. ред. Петухов Н.А. – М., Норма, 2005. – С. 9.

35. Петрухин И.Л. Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. – 2000. – № 7. – С. 15.
36. Петухов Н.А. Социальные и правовые проблемы становления, развития и функционирования системы военных судов России: Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. – М., 2003. – 54 с.
37. Правоохранительные органы Российской Федерации / Под ред. В.П. Божьева. – М., 1996. – 286 с.
38. Правоохранительные органы: учеб. / В. Г. Бессарабов, Л. А. Воскобитова, Т. С. Дворянкина [и др.]; отв. ред. Ю. К. Орлов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 496 с.
39. Правоохранительные органы: учебник / под ред. Н. А. Петухова, Г.И. Загорского. – М., 2005. – 576 с.
40. Правоохранительные органы : учебник / под ред. В.П. Божьева. – М., 2012. – 367 с.
41. Пржиленский В.И. Власть и право: Научные труды кафедры философии. Вып. 2. - СтГТУ. – Ставрополь, 1995. – 140 с.
42. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. – М., 1999. – 832 с.
43. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. – М.: Юристъ, 1998. – 216 с.
44. Рябцева Е.В. Определение правосудия через призму судебной власти // Конституционные чтения. Вып. 2: Понятийно-категориальный аппарат для решения научных задач в конституционно правовой науке (специальность 12.00.02) / Под ред. Т.Д. Зражевской. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – С. 277.
45. Семенцов В.А. Судебная власть: понятие и основные признаки // Актуальные проблемы судебной власти, прокурорского надзора, правоохранительной и адвокатской деятельности / под ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова: сб. науч. ст. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. – С. 5-9.
46. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. - 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.
47. Советский энциклопедический словарь. – М., 1989. – 1632 с.
48. Стариков Ю.Н. Судебная власть в России: модель конституционно-правового регулирования // Российское государство и правовая система: Современное развитие, проблемы, перспективы / Под ред. Ю.Н. Старикова. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1999. – С. 229.
49. Судебная власть / Под ред. И. Л. Петрухина. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 720 с.
50. Судостроительство и правоохранительные органы в Российской Федерации: Учебник / Под ред. В.И. Швецова. – М., 1997. – 376 с.
51. Терехин В.А., Герасимова А.А. Современная реформа в России и развитие функций судебной власти // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 42-45.
52. Тузов Н.А. Выражение функций органов судебной власти в судебных актах // Журнал российского права. – 2008. – № 10. – С. 103-104.
53. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: Юристъ, 2004. – 800 с.
54. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2013. – 1008 с.
55. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под общ. ред. В.М. Лебедева. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2003. – 776 с.
56. Уголовный процесс : учебник / коллектив авторов ; под ред. В.А. Лазаревой. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2015. – 656 с.
57. Уголовный процесс России: Учебное пособие / Под ред. З.Ф. Ковриги, Н.П. Кузнецова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – 453 с.
58. Фокин В.М. Правоохранительные органы Российской Федерации. – М., 1999. – 219 с.
59. Чарыев М.В. К вопросу о понятии и сущности судебной власти как самостоятельного вида государственной деятельности // Российский судья. – 2000. – № 3. – С. 21.
60. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран. – М., 1997. – 568 с.
61. Шамардин А.А., Гуськова А.П. Правоохранительные органы : учеб. пособие. – Оренбург, 2012. – 275 с.

62. Шевцов В.С. Право и судебная власть в Российской Федерации. – М.: ООО «Профобразование», 2003. – 368 с.

63. Шейфер С.А., Яблоков В.А. Понятие судебной власти и ее функции //

Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность. Сборник трудов. – Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1999. – С. 192.

T.K. Ryabinina, Candidate of legal Sciences, Professor, Southwest State University (Kursk) (e-mail: tatyankimovna-r@yandex.ru)

JUDICIAL POWER: THE CONCEPT AND ESSENCE (VIEW OF PROCESSUALIST)

In the article the author pays attention to the nature and legal nature of the judiciary, considers various points of view on the functions and forms of implementation of the judiciary, substantiates his own opinion that justice in criminal cases as a special function of the judiciary, carried out by a single body - the court, is both in the consideration and resolution of the criminal case on the merits, and in solving other legal issues requiring resolution in court.

Key words: *judicial power, functions of judicial power, justice.*

УДК 321.01

М.А. Салихова, канд. юрид. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: mar.salikhova @yandex.ru)

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

В публикации рассматриваются актуальные вопросы теории и практики судебной власти как особой ветви власти, дается авторское определение судебной власти. Автор отмечает, что теоретически судебную власть как вид власти нельзя отождествлять с судами, судебной системой. Но практически судебная власть и суд (судебная система) не могут существовать отдельно друг от друга. Актуальными остаются вопросы относительно определения правовой природы и характера судебной власти, общего понятия судебной власти, установления ее признаков, характера и особенностей взаимоотношения судебной власти с другими ветвями государственной власти, методологические проблемы юридических исследований судебной власти, перспективы формирования относительно самостоятельной области знаний о судебной власти в ее связанности с правом

Ключевые слова: *разделение властей, судебная власть, признаки судебной власти, проблемы теории и практики судебной власти, особая ветвь власти*

Россия провозгласила себя правовым государством. В правовом государстве право и закон должны быть доминантами в регулировании общественных отношений. Значимость изучения теории судебной власти связана с формированием гражданского общества и национального государства. Здесь очень важно заметить в каком обществе и государстве формируются ученые взгляды, положения и направления в данной теории. Как сказал немецкий философ Филипп-Генрих Дильтей (первый профессор Московского университета по юридическому факультету): «Всякому правительству почти всегда соответствует своя судебная власть» [9, с.107]. Мы же считаем, что судебная власть тогда идеальна, если она действительно независима и справедлива.

Прежде всего, нельзя не обратить внимание на библейское происхождение принципа независимости судебной власти. Теоретической предпосылкой независимости судебной власти является библейский тезис о ее божественном происхождении, что явно следует из «Книги Судей» Ветхого Завета. Согласно данному тезису судебная власть была «установлена Богом» ранее власти царской. Известный ученый юрист Боренбойм П. М., один из разработчиков идеи разделения властей и сторонник божественного происхождения судебной власти, в обоснование своей точки зрения приводит следующий реальный эпизод, когда судья Самуил в 1002 г до н.э. из-за непослушания царя Саула воле Бога и стремления к единовластию лишил его сыновей права наследования и помазал на царство Давида [6, с.25]. Ученый юрист М. Даймонт полагает, что

американская конституция скопирована с государства эпохи Судей [цит. по: 6, с.24].

Идея разделения властей и независимости судебной власти будоражила умы ученых и мыслителей еще в античном периоде жизни, поскольку власть была единой и сосредотачивалась она в руках одного лица – главы государства. Власть дробилась, но, по сути, сосредотачивалась в одних руках. Глава государства был законодателем и верховным судьей. Эта тема актуальна и в настоящее время,

Что же изменилось сегодня, как обстоят дела с особой ветвью власти в России в теории и на практике в настоящее время?

Сегодня можно констатировать, что судебная власть – особая ветвь власти. Это не отрицают теоретики и практики. В соответствии с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 118) судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

В СССР судебная власть как самостоятельная ветвь власти была закреплена в Конституции в результате демократизации общества, начавшейся в конце 80-х годов. Принцип самостоятельности судебной власти был закреплён и в первых законах СССР, принятых в этом направлении: “О статусе судей в СССР”, “Об ответственности за неуважение к суду”, “О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан”.

В период первой судебной реформы сразу же после распада СССР разработанной и принятой в 1991 году Концепцией было при-

знана независимость суда как гаранта законности и справедливости, обеспечения верховенства закона.

Данная Концепция подняла эту позицию на новый доктринальный уровень. Она определила функции судебной власти при отправлении правосудия: рассмотрение и разрешение дела по существу; судебный контроль за досудебным производством; судебный надзор за законностью правосудия и судебный контроль за содержанием закона; а также формы судебного контроля: санкционирование следственных действий; последующая проверка законности и обоснованности таких действий и решений органов расследования; разрешение споров между сторонами, участвующими в судебном процессе, и рассмотрение жалоб граждан на органы правосудия.

Конституция РФ, а затем и принятый Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” закрепили особое положение судебной власти как самостоятельной и независимой от законодательной и исполнительной ветвей власти, закрепили функции правосудия, отраженные в Концепции.

Таким образом, в России законодательно закреплена самостоятельность и независимость судебной власти как особой ветви власти; установлено, что судебная власть реализуется судами.

Судебную власть как вид власти теоретически нельзя отождествлять с судами, судебной системой. Однако, судебная власть и суд (судебная система) на практике не могут существовать отдельно друг от друга. С нашей точки зрения теория и практика должны быть неразрывно связаны. Здесь важно отметить, что любая теория, в том числе и теория судебной власти, существует только тогда, когда она проверяется на практике и временем. Полагаем, что судебную власть необходимо рассматривать в двух аспектах: как деятельность судов, как специальных органов государства, наделенных исключительными полномочиями, состоящими в рассмотрении и разрешении в особой процессуальной форме социально-правовых конфликтов, направленными на защиту, восстановление прав и свобод человека и гражданина, и как форму осуществления государственной власти в правовом государстве.

Обобщая признаки судебной власти, можно выделить наиболее существенные из них:

-судебная власть – одна из форм публичной государственной власти;

- судебная власть – самостоятельная ветвь власти;

-судебная власть предназначена разрешать на основе Конституции и законов социальные конфликты, споры между участниками общественных отношений;

-судебная власть осуществляется единственным органом судебной власти – судом как главным субъектом правосудия, полномочным выносить окончательные и обязательные для исполнения решения по конституционным, гражданским, административным делам и приговоры по уголовным делам.

С учетом вышеизложенного, можно дать следующее определение судебной власти: «Судебная власть – это самостоятельная ветвь единой государственной власти, установленная Конституцией, реализуемая от имени государства судами как специально созданными государственными органами, наделенными законом полномочиями по рассмотрению и разрешению правовых споров и дел и выполнению других возложенных на них задач в целях защиты прав, свобод и законных интересов граждан, прав и интересов государства и организаций, действующими в особых процессуальных формах и обладающими правом принимать решения, имеющие обязательный характер на всей территории государства».

В настоящее время в теории судебной власти актуальными остаются вопросы, касающиеся определения правовой природы и характера судебной власти. Нет единства во взглядах на общее понятие судебной власти, установления ее признаков, особенностей и характера взаимоотношения судебной власти с законодательной и исполнительной ветвями государственной власти. Существуют методологические проблемы юридических исследований судебной власти, тенденции формирования относительно самостоятельной области знаний о судебной власти, как науки, в ее связанности с правом.

Целью судебных реформ, проведенных в России, было поднятие статуса суда как гаранта законности, справедливости. Суд должен быть независимым от чьей-либо воли, политических идей. Однако, желаемое до сих пор не достигнуто: в сознании людей суд ассоциируется с карательным органом, используемым государством для защиты своих интересов. Как власть суд еще не сформировался, к сожалению, судебная система не стала, автономной. Фактически произошла деформация принципа независимости судебной власти, несмотря на конституционное установление.

Россия – государство с республиканской формой правления, при которой высшая государственная власть осуществляется выборными органами, избираемыми прямо или косвенно населением на определенный срок.

Конституцией России установлено, что единственным источником власти является многонациональный народ. В ст. 3 Конституции РФ указан исчерпывающий перечень не только субъектов, имеющих право наделять органы государственной власти (в том числе и судебной власти) властными полномочиями, но и способ наделяния их такими полномочиями.

Следует отметить, что на разных этапах развития нашего государства отношение к назначению (избранию) пожизненному бессрочному и срочному (в течение определенного срока) судьи и пребыванию его в должности было неодинаково. Так, например, первоначальная редакция Закона о статусе судей в СССР не предусматривала института пожизненного (бессрочного) пребывания судьи в должности. Должность судьи была выборной, поскольку судьи избирались соответствующими Советами депутатов, начиная с низового звена и заканчивая Верховными советами депутатов. Судьи Верховного Суда СССР избирались Верховным Советом СССР.

Однако законодательство, регулирующее данные отношения, менялось и прошло несколько этапов. Были установлены возраст пребывания в должности для определенных категорий вновь назначенных судей, а также предельный возраст пребывания в должности судьи.

В настоящее время в Российской Федерации Президент страны назначает судью на должность для исполнения им полномочий на профессиональной основе. По нашему мнению, такая функция Президента, когда он без предварительного наделяния таких граждан России мандатом судьи исключительно народом России, нарушает конституционный порядок наделяния властными полномочиями граждан на осуществление правосудия.

Кроме того, особое внимание, по мнению автора, необходимо также обратить на несоответствие, существующее в вопросе привлечения судей, назначенных без ограничения срока полномочий, ушедших в отставку, к осуществлению правосудия в качестве судьи.

Согласно ч.1 ст.7 Федерального закона «О статусе судей» (в ред. от 21.06.1995 N 91-ФЗ) к осуществлению правосудия в качестве судьи, кроме исполнения обязанностей судьи

Конституционного Суда Российской Федерации, может быть привлечен с его согласия судья, находящийся в отставке, на срок до одного года в случаях, указанных данным законом.

Конституционным судом РФ в Постановлении от 16 июля 2009 г. N 14-П по делу о проверке конституционности статьи 7.1 Закона «О статусе судей» в связи с жалобой гражданина В.В. Милехина была сформирована правовая позиция, согласно которой привлечение находящегося в отставке судьи, полномочия которого были прекращены по истечении первоначального срока полномочий, и который не был назначен на ту же должность без ограничения срока полномочий, к осуществлению правосудия в качестве судьи федерального суда, признано не соответствующей Конституции РФ.

23 декабря 2010 г. законодатель внес в ч.1 ст. 7.1 Закона «О статусе судей» изменения в следующей редакции: «К осуществлению правосудия в качестве судьи, кроме исполнения обязанностей судьи Конституционного Суда Российской Федерации, может быть привлечен с его согласия судья, находящийся в отставке, имеющий стаж работы в качестве судьи не менее 10 лет (почетный судья), не состоящий на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств, не имеющий иных заболеваний, препятствующих осуществлению полномочий судьи, на срок до одного года в случае наличия вакантной должности судьи, либо в случае временного значительного увеличения объема работы в суде, либо в случае отсутствия судьи или приостановления его полномочий» [7].

По мнению автора, такие изменения дискриминируют судей, ушедших в отставку до 23.12.2010 г., назначенных без ограничения срока полномочий, но имеющих стаж работы в качестве судьи менее 10 лет. Ранее закон «О статусе судей» (в ред. Федерального закона от 21.06.1995 N 91-ФЗ) давал таким судьям - отставникам право быть привлеченными к отправлению правосудия. Необходимо учитывать, что в данном случае закон обратной силы не имеет, поскольку никто не отменял статус судей, назначенных без ограничения срока полномочий, ушедших в отставку.

Таким образом, законодатель в ч.1 ст. 7.1 Закона «О статусе судей» внес изменения без учета мнения Конституционного Суда РФ, которым признана не соответствующей Конституции РФ данная правовая норма в части,

допускающей привлечение находящегося в отставке судьи, полномочия которого были прекращены по истечении первоначального срока полномочий, и который не был назначен на ту же должность без ограничения срока полномочий, к осуществлению правосудия в качестве судьи федерального суда.

Решения Конституционного Суда обязательны к исполнению федеральными и региональными органами законодательной, исполнительной и судебной власти, гражданами, организациями и общественными объединениями, включая и главу государства. Отсюда напрашивается вывод: законодатель допустил ошибку, исключая возможность привлечения судей, пребывающих в отставке, которые ушли в отставку, будучи назначенными на эту должность без ограничения срока пребывания при стаже менее 10 лет работы в должности судьи. Для того, чтобы устранить существующую проблему авторы предлагают назначать (избирать) судей на должность без ограничения срока пребывания при наличии у них 10-летнего судейского стажа с соблюдением всех остальных критериев, учитываемых при этом.

Очень важную роль в жизни любого демократического государства играет самостоятельная и независимая судебная власть. При этом, в реальности все ветви государственной власти выступают как части одной системы, поскольку они нуждаются друг в друге, и лишь в своей совокупности, они образуют единую государственную власть.

Конечно же, нельзя абсолютизировать принцип независимости судей, поскольку судьи – исполнители воли законодателя. Выполняя функции правосудия, судьи обязаны применять законы, принятые законодательной властью, при этом испытывать на практике все проблемы несовершенства того или иного закона, политическую направленность того или иного закона.

С одной стороны, законодательная власть не может оказывать давление или давать указания суду, поэтому суд, принимая решение, независим от нее. С другой стороны, суд, принимая решение на основе правовых предписаний, ограничен основаниями, рамками и процедурой, установленной законом. Здесь очень важна связь закона и правосознания судьи, рассматривающего конкретное дело, ведь «судья должен правильно отыскать нужную норму закона, оценить в целом закон и квалифицированно его применить» [8]. Как говорит председатель Верховного Суда РФ Лебедев В.М.: «Суд – это всегда высота! Вы-

сота бывает разная. Бывает высота низости, а встречается и совершенства» [12].

«Судья – это вершина юридической пирамиды. Судья априори знает законы, такова презумпция. Судья – есть носитель высшей юридической разумности, ибо таковы предъявляемые к его высокому статусу квалификационные требования. В противном случае судья не смог бы стать судьей» [12].

В идеале независимость судей – «гарантированная возможность принимать ответственные решения при осуществлении правосудия на основании предписаний закона по внутреннему убеждению» без вмешательства, давления, иного воздействия извне [11].

Таким образом, судебная власть – это особая ветвь власти. Ее особенность заключается, прежде всего, в самостоятельности и независимости при осуществлении судами возложенных на них законом полномочий при отправлении правосудия. В настоящее время суд посредством своих решений воздействует на все сферы жизни общества и человека, на все дела в государстве. Поэтому следует отметить особую роль суда в обеспечении гарантий реальности прав и свобод человека и гражданина, с одной стороны, и в обеспечении законодательной и исполнительной власти в рамках правового пространства Конституции, с другой стороны.

Для того, чтобы обладать правоприменительными полномочиями и осуществлять их в силу закона в правовой сфере жизни общества в целях обеспечения законности и правопорядка в стране, охраны от любых посягательств конституционного строя, политической и экономической системы, прав и законных интересов граждан, государственных органов и других организаций, судебная власть при отправлении правосудия должна быть независимой и самостоятельной не только в теории, но и в реальности.

Список литературы и источников:

1. Конституция РФ //Официальный интернет-портал правовой информации //http: www.pravo.gov.ru. 08.04.2013.
- 2.Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации” (в ред. от 05.02. 2014 г. //Официальный интернет-портал правовой информации //http: www.pravo.gov.ru. 06.02.2014.
- 3.Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 года N 11-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изменениями на 28 декабря 2016 года)

//Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>, 29.12.2016, N 0001201612290018

4. Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 05.12.2017) "О статусе судей в Российской Федерации" //Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>, 06.12.2017.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. N 14-П по делу о проверке конституционности статьи 7.1 Закона «О статусе судей» (введена Федеральным законом от 21.06.1995 N 91-ФЗ), части первой статьи 1, части 3 статьи 8 и статьи 297 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В.В. Милехина // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru>, 17.07.2009 г.

6. Баренбойм П.М. Божественная природа судебной власти // Российская юстиция. –1996. –№ 1. – С. 21-23.

7. Безруков А.В. Реформирование судебной власти в условиях разделения властей

и обеспечения единства судебной системы России. //Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 2. – С.45-48.

8. Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы. Учебник. –М.: КроРус, 2014 г. – 368 с.

9. Дильтей Ф.-Г. Исследование юридическое о принадлежащем для суда месте, о судебной власти, о должности судейской, о челобитной и доказательстве судебном. /Правообладатель: Библиотечный фонд. Дата выхода на ЛитРес: 27 марта 2018 Дата написания: 1779 Общий размер: 28 МВ.– 220 с.

10. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен: дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.01.– Владимир, 2006. – 438 с.

11. Конституционное право. Энциклопедический словарь /отв.ред. Авакьян С.А. – М.: Норма, 2001.– 378 с.

12. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. – СПб., 2001. – 384 с.

M.A. Salikhova, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: olesja.dmitrieva11@yandex.ru)

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF THE JUDICIARY

The publication deals with topical issues of the theory and practice of the judiciary as a special branch of power, the author's definition of the judiciary. The author notes that theoretically the judicial power as a kind of power cannot be identified with the courts, the judicial system. But in practice, the judiciary and the court (judicial system) cannot exist separately from each other. Questions concerning the definition of the legal nature and nature of the judiciary, the General concept of the judiciary, the establishment of its features, the nature and characteristics of the relationship of the judiciary with other branches of government, methodological problems of legal research of the judiciary, the prospects for the formation of a relatively independent area of knowledge about the judiciary in its.

Keywords: *separation of powers, judicial power, signs of judicial power, problems of theory and practice of judicial power, special branch of power.*

УДК 343.98

М.А. Салихова, канд. юрид. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: olesja.dmitrieva11@yandex.ru)

Н.И. Снегирева, канд. юрид. наук, полковник юстиции, руководитель отдела кадров следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Курской области (Курск) (e-mail: daryasnegireva@mail.ru)

Д.Е. Снегирева, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: daryasnegireva@mail.ru)

П.Е. Снегирева, студентка ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск) (e-mail: polinasnegireva2906@mail.ru)

О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

В статье на основе анализа существующих в науке точек зрения исследуются вопросы о природе и сущности судебной власти, ее месте в обществе и государстве. Обосновывается вывод о социальной сущности судебной власти. Акцентируется внимание на необходимости принятия мер по обеспечению надлежащего функционирования государственной судебной власти и совершенствованию ее деятельности, направленной на эффективную реализацию ее социальной миссии.

Ключевые слова: судебная власть, государственная власть, сущность судебной власти, социальная миссия

Согласно статье 10 Конституции Российской Федерации [1] государственная власть в нашей стране осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную, причем органы названных ветвей власти являются самостоятельными. Это положение играет одну из важнейших ролей в современной государственно-правовой системе и системе социальной регуляции общества.

В настоящее время наиглавнейшая функция судебной власти в концепции разделения властей заключается в предотвращении отступлений от «буквы закона» со стороны законодательных и исполнительных органов государственной власти. Вместе с тем, следует учитывать, что разделение властей друг от друга вовсе не означает, что судебная власть «изолирована» от общественности. Суд, безусловно, является частью социума в той же мере, что элементом государства. В связи с этим спорным представляется высказывание Н.А. Колоколова о том, что «суда без государства не бывает – это аксиома» [6, с.167]. Действительно, мы можем говорить, что судебная власть является разновидностью государственной власти, но это – не вся правда [11, с. 24]. А правда в том, что природа и сущность судебной власти имеют социальную первооснову.

Очевидно, что судебная власть – это социально-государственный феномен, но первопричина ее возникновения исходит из соци-

альной сферы, а не из государства. Еще Гегель указывал, что сущность суда внегосударственная. И не случайно в «Философии права» он рассматривал правосудие не в части, посвященной государству, а в разделе «Гражданское общество» [4, с. 246]. Отсюда можно сделать вывод о том, что Гегель определял правосудие, в первую очередь, как элемент гражданского общества, а уже затем как компонент государственной власти. По его мнению, правосудие следует расценивать не только как обязанность, но как право государственной власти, которое вовсе не связано с желанием индивидов передавать эти полномочия специальной государственной власти [4, с. 247].

А.И. Хорошильцев также отмечал, что судебная власть старше государства и старше государственной власти [11, с. 24]. Г.В. Мальцев подчеркивал, что судебная власть имела место и до государства [9]. Кроме того, по мнению Ф. Энгельса, судебная власть, которая существовала в догосударственный период, послужила «зачатком государственной власти» [10, с. 184].

Какие бы исторические изменения не происходили в обществе и государстве, у суда всегда была и будет социальная сущность и предназначение.

Акцентируя внимание на социальной сущности судебной власти, в первую очередь следует отметить, что она обусловлена необходимостью общества в урегулировании возникающих разногласий, когда обнаруживают-

ся коллизии между различными, порой диаметрально противоположными интересами представителей социума. Суд призван «погасить» конфликты, которые возникают между различными субъектами. Причем следует помнить, что сначала обычно возникает конфликт социальный, а уже затем следует судебный спор, т.е. причина такого спора имеет в основном общественное начало.

Суд можно считать институтом, который «рожден» обществом для решения внутренних разногласий, недоразумений и снижения накала в социальной среде, вызванного столкновением интересов различных субъектов. И сущность судебной власти в основном состоит именно в разрешении конфликтов в обществе. Все социальные институты основаны на необходимости удовлетворения потребностей и интересов. Любой социальный союз стремится к наилучшему удовлетворению его нужд, наиболее полезных для него в конкретное время. Поскольку конфликты присущи любому обществу, отсюда возникает и общественная потребность в их разрешении. Соответственно, «социальная сущность суда и предопределяется наличием данной потребности» [7].

Благодаря судебной власти осуществляется компетентное разбирательство в сути спора между сторонами и обеспечивается верное, разумное понимание спорящими субъектами предмета их конфликта, что является необходимой предпосылкой для выработки компромисса либо же окончания судебного спора в случае, когда стороны неверно воспринимали складывавшиеся между ними отношения. Грамотное, профессиональное, взвешенное определение служителем Фемиды (представителем судебной власти) предмета возникшего противоречия позволяет эффективно разрешить спор. Этому конечному результату деятельности суда способствуют гласность, устность, непосредственность разбирательства дела, наделение участвующих в судопроизводстве лиц совокупностью прав и многие другие условия, обеспечивающие справедливое, с точки зрения общества, правосудие.

Суд, реализуя социальное назначение данной ему власти, ослабляет противостояние в обществе, наказывает виновных, уменьшает остроту противоречий и разрешает конфликты между членами социума. Таким образом, судебная власть демонстрирует и реализует свою примиряющую или карающую (в необходимых случаях) силу, обеспечивает кон-

структивное регулирование важнейших участков социальной жизни общества.

Итак, можно сделать вывод, что данная социальная функция судебной власти не является новой для современного общества, она существовала еще до возникновения государств, так как изначально являлась необходимым элементом существования общества и средством мирного разрешения его разногласий и конфликтов.

В настоящее время правосудная деятельность претерпела существенные изменения. Функция суда по разрешению дел имеет сегодня юрисдикционный характер, ведь при решении социально-правовых споров судья строго следует закону. Если судебная власть устанавливает нарушение права, то она закономерно начинает правозащитную деятельность, тем самым суд обеспечивает праву выполнимость его важнейшей задачи, а именно: регулирования общественных отношений в целях защиты прав и интересов граждан и государства. Осуществляя правосудие, судья в определенной процессуальной форме применяет право к конкретной ситуации. При этом сущность судебной власти заключается в том, что суд, руководствуясь определенными процедурными правилами, разрешает с помощью законоположений правовой спор и в зависимости от выводов, к которым он приходит при рассмотрении дела, определяет правовые последствия для сторон судопроизводства. При этом между решением суда и общественным правосознанием не должно быть расхождений [12, с. 54].

Как было отмечено выше, решения судебной власти должны основываться на справедливости, без которой невозможно эффективное разрешение любого социально-правового конфликта и спора о праве, а значит невозможно и обеспечение социальной миссии судебной власти.

Согласно статьи 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Доступность правосудной деятельности распространяется на все без исключения виды ее осуществления. Сказанное означает, что государством должны быть созданы организационные, правовые и другие условия, которые обеспечивают людям действенный механизм не просто для обращения к судебной власти, но также и для профессионального разрешения дела по существу, для восстановления прав, которые были нарушены. Сказанное означает, что доступность правосудия подразумевает исключение каких-либо помех для использования гражданином

права на судебную защиту в органах судебной власти сообразно ее социальной сущности.

В настоящее время судебную власть постоянно проверяют на прочность различные угрозы социальной стабильности. В связи с этим на представителей судейского сообщества ложится важная задача по приведению общества в спокойствие. Так как общественные отношения постоянно развиваются, правовая система и законодательные положения стремятся к урегулированию новых феноменов социума, к сожалению, не всегда системно. Указанное обстоятельство создает достаточно много угроз. Судебная власть, как отметил Президент России В.В. Путин в своем выступлении на IX Всероссийском съезде судей 6 декабря 2016 года, способна повлиять на эту ситуацию, притом, что сама стабильность и предсказуемость законов – гарантия качества национальной юрисдикции. Профессия судьи, как отметил Президент, – это «миссия, которая... необходима обществу, конкретным людям, стране в целом» [2]. И это, бесспорно, в полной мере соответствует современным реалиям, ведь судебная власть обеспечивает реализацию закрепленных Конституцией и принятыми в соответствии с ней законами важнейших социальных ценностей в обществе и интересов государства.

Деятельность по отправлению правосудия сегодня подчиняется государственному устройству, суд чтит его интересы, и с одной стороны это представляется верным, данное обстоятельство создает упорядоченность регулирования отношений. С другой же стороны, включение суда в государственную систему уменьшает качество его независимости, так как стороны судопроизводства рассматривают суд прежде всего как орган, стоящий на страже государственных интересов. Это отчетливо прослеживается в конфликтах, где одной стороной является человек (интерес частного порядка), а другой государство (интерес государственный). В подобной ситуации социальная сущность и назначение судебной власти в некоторой степени нивелируется, так как суд имеет своей целью не только рационально решить конфликтную ситуацию, но также учесть условия государственного развития, государственно-правовой политики. На этот счет Н.В. Крыленко высказался следующим образом: «Суд – одно из самых уточненных, наиболее совершенных и в то же время наиболее замаскированных, завуалированных средств «охраны данного порядка» [8, с.9].

При существующем положении суда в системе государства и общества судебная

власть (даже с присущими ей издержками) необходима людям. Современное общество не способно существовать без государственного суда, который обладает публичным авторитетом, силой государственного принуждения, необходимой для претворения в жизнь судебных решений. Так, Н.А. Колоколов формулирует дефиницию деятельности судебных органов следующим образом: «судебная власть – это особые общественные отношения, возникновение и существование которых обусловлено способностью социума при необходимости генерировать механизм разрешения конфликтов на основе норм права, обеспечиваемый мощью государства» [6, с. 141].

Помимо сказанного не следует забывать, что суд государственный имеет обязанность решать и публичные вопросы. Тем самым, судебная власть дает толчок развитию общества, примиряя интересы социума и публичной власти.

Признавая, что основная и наиболее действенная форма реализации судебной власти – государственная, не следует забывать о том, что она не является единственной. Судебная власть имела и по сей день имеет не только государственную форму выражения. Так, в структуре РПЦ есть церковный суд [13, с. 508 - 521]. В СССР, как известно, действовали товарищеские суды. В настоящее время существуют и различные международные суды. Все они разновидности судов, каждый из которых обладает присущей ему властью [11, с.24].

Сказанное означает, что судебную власть нельзя сводить исключительно к государственной власти. Она многолика, но ее сущность, как было отмечено выше, скрывается не в государстве, а в глубочайших слоях истории и объективной социальной реальности. Она намного шире и разностороннее государственной судебной власти и представляет собой одну из важнейших составляющих всей системы социальной власти.

Однако в современных реалиях наибольший интерес все же представляет социальная сущность именно государственной формы судебной власти, так как она на сегодняшний день имеет, безусловно, доминирующее значение в жизни общества.

То глобальное значение, которое имеет государственная судебная власть в регулировании жизни общества, и главенствующая роль суда в осуществлении правоприменительной деятельности, разрешении социально-правовых конфликтов, в защите прав граждан и интересов общества и государства, неизбежно

но обуславливают потребность в тщательной регламентации на законодательном уровне построения судебной системы, нормативного закрепления правового статуса судей, регулирования всех вопросов деятельности органов судебной власти. Это требует от государства принятия всех необходимых мер по обеспечению надлежащего функционирования судебной власти и повышению эффективности ее деятельности, направленной на реализацию ее социальной миссии.

Решать эту задачу следует на всех уровнях государственно-общественной системы. Безусловно, судебная власть, являясь частью этой системы, закономерно впитывает в себя все то негативное, что в ней есть, как и другие органы государства, как и различные общественные институты. И нет причин считать, что судебная власть непродуктивна, неконструктивна и недействительна более чем другие составляющие элементы нашего общества и государства. В этой связи, прежде всего, необходима общая для всех установка на устранение уязвимых мест (в том числе в сфере правосудия), которые стали неминуемы для Российской Федерации и требуют кардинальных позитивных изменений во всех областях государственно-общественной системы.

Апеллируя к философскому изречению М. Ганди о том, что каждый должен сам изменить в себе то, что хочет увидеть в изменившемся мире [5], отметим, что сама судебная власть призвана быть главным рычагом реформ, поскольку от ее состояния непосредственно зависит отношение граждан к современной судебной системе, уровень доверия ко всей государственной власти со стороны общества.

Как отметил Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, «судебная власть в состоянии выполнять свою общественную миссию только при условии сохранения в обществе очень высокой степени доверия как к суду в целом, так и к судьям в частности» [3].

В ходе судебной реформы необходимо решение кардинальных проблем, связанных с эффективностью судебной системы, что является первоочередной задачей всех властей и судебного корпуса. Проведение судебной реформы, нацеленной, в том числе, на повышение эффективности реализации судебной властью ее социальной миссии, должно осуществляться при активном участии как самого судейского корпуса и, конечно, законодательной и исполнительной власти, так и представителей юридической общественности, обще-

ственных организаций и объединений граждан.

Список литературы и источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 [с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ] // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 14.05.2018 г.).

2. Всероссийский съезд судей. Владимир Путин принял участие в работе IX Всероссийского съезда судей 6 декабря 2016 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53419> (дата обращения: 11.05.2018 г.).

3. Выступление Председателя КС РФ В.Д. Зорькина на 6-м Всероссийском съезде судей 1 апреля 2004 г. [Электронный ресурс]. – Сайт Конституционного суда. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=14> (дата обращения: 11.05.2018 г.).

4. Гегель Г. Философия права / Пер. с нем.; Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсеянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

5. Жизненные принципы Махатмы Ганди [Электронный ресурс]. – URL: https://nowimir.ru/DATA/040026_3.htm. (дата обращения: 11.05.2018 г.).

6. Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. – М.: Юрист, 2010. – 400 с.

7. Комаров А.А. Социальная сущность суда // Вестник Арбитражного суда города Москвы. – 2009. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.05.2018 г.).

8. Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. – М., 1923. – 416 с.

9. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: Монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2011. – 800 с.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. – М., 1961. – Т. 20. – 827 с.

11. Хорошильцев А.И. О понятии и сущности судебной власти // Мировая судья. – 2018. – № 5. – С. 22 - 28.

12. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. – Новосибирск, 1998. – 612 с.

13. Цыпин В.А. Курс церковного права. – Клин: Христианская жизнь, 2004. – 700 с.

M.A. Salikhova, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: olesja.dmitrieva11@yandex.ru)

N.I. Snegireva, Candidate of Sciences, Colonel of Justice, Investigative Committee of the Russian Federation for the Kursk Region (Kursk) (e-mail: daryasnegireva@mail.ru)

D.E. Snegireva, graduate student, Southwest State University (Kursk) (e-mail: daryasnegireva@mail.ru)

P.E. Snegireva, student, Southwest State University (Kursk) (e-mail: polinasnegireva2906@mail.ru)

ON THE SOCIAL ESSENCE OF JUDICIAL POWER

The article examines the nature and essence of the judiciary, its place in society and the state based on the analysis of the existing points of view in science. The conclusion on the social essence of the judiciary is substantiated. The attention is focused on the need to take measures to ensure the proper functioning of the state judicial power and to improve its activities aimed at the effective implementation of its social mission.

Keywords: *judicial authority, state authority, essence of judicial authority, social mission*

УДК 340.1

О.П. Сауляк, д-р юрид. наук, доцент, Московская коллегия адвокатов «Юристы-профессионалы» (Москва) (e-mail: Olegs69@mail.ru)

Ш.А. Зейналов, зам. директора, Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» (Брянск) (e-mail: bryansk@rea.ru)

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются понятие и сущностные характеристики судебной власти, ее функции и роль в процессе совершенствования правопорядка в современной России. Особое внимание уделено барьерам, которые влияют на эффективность деятельности судебных органов, вносятся научно-обоснованные рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: *правопорядок, государственная власть, судебная власть, правосудие, судебная практика, независимость судей, институты гражданского общества.*

Давно уже известно, что хаотические состояния в социальных системах, как правило, деструктивны. Вполне закономерно, что проблемы обеспечения порядка в общественной жизни находятся в центре внимания разных наук. Юриспруденция в данном случае не является исключением. Объектом ее научного интереса выступают юридические характеристики социального порядка, которые принято рассматривать в рамках доктрины правопорядка.

Правопорядок – сложноорганизованное и полифункциональное явление, имеющее множество аспектов и граней познания. Так, в рамках системы правового регулирования он выступает, с одной стороны, как цель, а с другой стороны, как результат юридической регламентации. Соотношение этих двух величин (поставленной цели и достигнутого результата) позволяет судить об эффективности использования государственными и общественными институтами юридического инструментария для обеспечения режима законности, юридической справедливости, стабильности и гармоничности в правовой сфере жизни современных государственно-организованных обществ.

Сегодня юридическая наука исходит из того, что эффективный правопорядок может быть выстроен только совместными усилиями институтов государства и гражданского общества. Обоснованность этого постулата не вызывает сомнений. Однако верным является и другое утверждение: главным субъектом обеспечения правопорядка по-прежнему остается государство, действующее в лице своих органов и должностных лиц, поскольку именно оно определяет пределы и степень

вмешательства иных участников социального взаимодействия в процессы правового регулирования, осуществляя повседневный контроль и надзор за законностью их действий. Особая роль в механизме обеспечения правопорядка отводится судам, которые олицетворяют третью ветвь государственной власти – власть судебную.

Тональность некоторых выступлений, прозвучавших на сегодняшнем форуме, сводилась к тому, что судебная власть – явление для постсоветской России относительно новое, к тому же малоизученное, в том числе в части возлагаемых на нее функций. Едва ли для подобных утверждений есть какие-либо серьезные основания, даже если принимать во внимание тот факт, что принцип разделения властей получил конституционное закрепление в нашей стране лишь в конце XX века. Анализ научной, в том числе юридической, литературы свидетельствует, что государственная власть в целом, и судебная власть в частности, были предметом весьма обстоятельных и скрупулезных доктринальных исследований.

Общественными науками сегодня накоплен достаточный багаж знаний, позволяющий четко определить ключевые признаки государственной власти, отличающих ее от иных видов и форм властвования. К числу таких ключевых признаков государственной власти, по поводу которых среди правоведов (во всяком случае, среди специалистов в области теории государства и права) практически нет разногласий, относятся:

- ее публичный характер, который находит свое воплощение в наличии у

государства особого аппарата – аппарата управления и принуждения;

- рациональная организация деятельности субъектов государственной власти, в основу которой положены территориальный принцип организации процессов управления и деятельности государственных органов, четкое определение предметов их ведения и компетенции, финансирование которых осуществляется за счет средств государственной казны;

- суверенный характер государственной власти, предполагающий ее верховенство и независимость: внутри страны – от каких-либо иных политических институтов, входящих в политическую систему общества; вовне – от органов государственной власти других государств, международных организаций, иных субъектов международного права;

- опосредованность правом, нормы которого определяют не только компетенцию органов государственной власти и их должностных лиц, но и регламентируют процедурный порядок их деятельности;

- наконец, только государственная власть обладает легальной монополией на принуждение.

Приведенный выше список признаков, характеризующих государственную власть, безусловно, не носит исчерпывающий характер, при желании он может быть продолжен и расширен. Однако очевидно и другое, что все иные признаки государственной власти будут носить производный характер от тех, что приведены выше. Эти ключевые признаки, так или иначе, присущи и власти судебной, но, преломляясь в практическую плоскость деятельности судов и представителей судейского корпуса, эти признаки приобретают определенную специфику. Например, деятельность судов по разрешению правовых споров, выстраиваемая по территориальному принципу с четким определением правил подведомственности и подсудности, жестко регламентируется требованиями законодательства, но не процедурного, а процессуального характера.

В тоже время ряд правоведов считает возможным выделять признаки, характеризующие сущность судебной власти и отличающие ее от других ветвей государственной власти. Например, Е.В. Завражнов к таким сущностным характеристикам судебной власти относит самостоятельность, исключительность, подзаконный характер, полноту. При этом:

- самостоятельность судебной власти

«выражается в том, что она осуществляется судами автономно от других государственных органов, реализуется в присущих именно судебной власти организационных и процессуальных формах; самостоятельность судебной власти исключает подчиненность судов какому-либо внешнему руководству;

- исключительность судебной власти проявляется в том, что никакой иной орган государства, никакое должностное лицо не вправе принимать на себя функции и полномочия судов;

- подзаконность судебной власти находит свое выражение не только в том, что суды и судьи действуют на основе закона, подчиняются только Конституции РФ и федеральным законам, но и в том, что ее носители не вправе отступать в своей деятельности от требований закона;

- полнота судебной власти определяется содержанием компетенции ее органов, окончательностью решений, принимаемых судебной властью, их обязательностью для государственных органов и должностных лиц, иных субъектов права на всей территории России» [4, с. 8-9].

По мнению Н.А. Колоколова, судебная власть также «обладает рядом сущностных характеристик: она реальна, обладает всеми видовыми, родовыми признаками и чертами, свойственными любой иной власти; как любое иное социальное явление существует только в динамике; в пределах своей компетенции сильнее любой организации или индивида, обладающих той же компетенцией на территории конкретного государства; одновременно носит частноправовой и публично-правовой характер; проявляется в правоприменительной, правотолковательной и правотворческой сфере; не существует вне нормативного регулирования; опосредуется в правосудии (процессах), его результатах (судебных актах); является животворящим источником права. Для нее, в частности, характерны особые способы формирования процедурных норм (судебный прецедент) и их трансформации (судебная практика)» [8, с. 15].

Несмотря на некоторое различие в словесном обрамлении относительно сущностных характеристик судебной власти, приведенные выше точки зрения, носят не исключающий, а взаимодополняющий характер. Поэтому они вполне могут быть взяты за основу суждений относительно специфики судебной власти как особой ветви власти государственной, практическая реализация которой является фактором,

существенно влияющим на развитие всех элементов национальной правовой системы, включая правопорядок.

Нет, например, никаких сомнений в том, что именно при отправлении правосудия чаще всего выявляются погрешности и дефекты действующего нормативно-правового массива, связанные с существованием юридических коллизий, пробелов в праве и даже правового вакуума. В этом ракурсе судебная практика является действенным стимулом, подстегивающим непрерывное развитие и совершенствование законодательства, всего правотворческого процесса, в ходе которого формируется нормативная основа правопорядка.

В ходе судебного правоприменения осуществляется индивидуальное правовое регулирование, благодаря чему устраняются препятствия и барьеры, на которые «натываются» субъекты права в процессе самостоятельной реализации юридических норм, в силу чего у участников социального взаимодействия возникают вполне определенные субъективные права и юридические обязанности. Судебная практика в этой связи выступает как детерминанта, поддерживающая регулятивный потенциал права в общественной жизни. Впрочем, на этом регулятивные функции принятых судебных актов не исчерпываются.

Каждый акт, вынесенный судом, обладает особым информационным и даже идеологическим «зарядом», который воздействует на поведение не только лиц, непосредственно участвующих в деле. Разрешая конкретную спорную ситуацию на текущий момент, суд, вместе с тем обращается и в будущее. Он информирует, предупреждает всех иных субъектов права: если кто-либо когда-нибудь сделает то, что определено в настоящем судебном решении, то для него наступят указанные в этом решении последствия [1, с. 123].

Такой взгляд на судебную практику позволяет сделать вывод о том, что грань между нормативным и индивидуальным правовым регулированием хотя и существует, но не является настолько жесткой. Любой акт правосудия содержит некие ориентиры той правоприменительной политики, которых на сегодняшний день придерживаются судебные органы государства. Эти ориентиры наряду с юридическими нормами непосредственно влияют на мотивацию и правовые установки всех других участников социальной игры, которым стало известно о существовании соответствующего судебного решения. В таком понимании судебная практика оказыва-

ется сопряженной с определенными индивидуальными, групповыми и общественными ожиданиями, которые воздействуют и на развитие правового сознания различных участников общественных отношений, и на выбор ими моделей своего поведения в правовой сфере.

Отдельно следует сказать о контрольных полномочиях судебных органов. Наличие подобных функций у судов позволяет исправлять ошибочные решения индивидуального и даже нормативного характера, которые были приняты другими органами государственной власти, местного самоуправления, общественными объединениями. Контрольная деятельность судов в идеале должна способствовать защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, социальных групп, государства и общества в целом, формированию в социуме уважительного отношения к праву, закону и суду.

Оценивая потенциал судебной системы, необходимо также учитывать специфическую миссию судьи, который получает возможность «говорить» не только от имени государства, но и от имени права. Судье, как утверждает известный французский правовед Жан-Луи Бержель, делегированы особые полномочия: во-первых, право ставить точку в деле (*jurisdictio*); во-вторых, право распоряжаться (*imperium*), которое состоит в издании предписаний, обеспечивающих исполнение судебных решений [2, с. 534]. В конечном итоге именно правосудие делает законность и правопорядок такими, какими желает их видеть государство.

Однако было бы большой ошибкой завышать возможности институтов судебной власти в решении проблем обеспечения законности и правопорядка. В процессе своей деятельности судебные органы сталкиваются с весьма серьезными проблемами. Сами судьи и другие практические работники, как правило, акцентируют внимание лишь на трудностях организационно-технического характера, связанных с перегруженностью делами, слабой материально-технической базой и непригодностью зданий судов, недостатком новейшей оргтехники и т.п. Нет никакой необходимости отрицать значимость своевременного, оперативного и грамотного решения вопросов, касающихся нормальной организации деятельности судов. Вместе с тем такой взгляд на существующие проблемы судебной системы отчасти страдает формализмом, ибо за его пределами остаются социальные, правовые, нравственные и психологические аспекты

обеспечения эффективности судопроизводства. В действительности существуют определенные «барьеры» (объективного и субъективного плана), которые снижают правозащитный потенциал правосудия. Остановимся на этом вопросе более подробно.

Барьер первый – проблема «внешнего запуска». Механизм судебной защиты и контроля не запускается автоматически. Даже в условиях совершения правонарушения необходимо «внешнее» усилие, которое приведет этот механизм в действие. Его «внешний запуск» обеспечивается обращением в суд субъектов, полагающих, что соответствующие права и законные интересы были нарушены конкретными неправомерными действиями. В противном случае бессмысленно уповать, что судебная система любого уровня начнет свою работу. Даже Конституционный Суд РФ, являясь центральным звеном механизма конституционного контроля, обладая серьезными полномочиями в этой сфере, на протяжении трех лет был вынужден молча наблюдать за тем, как действует антиконституционный Указ Президента России от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности», который вопреки конституционным нормам допускал возможность продления срока содержания под стражей без предъявления обвинений до 30 суток. В конечном итоге, этот акт прекратил свое действие, но не по Постановлению Конституционного Суда страны, а по инициативе самого Главы государства, который 14 июня 1997 г. издал новый Указ о прекращении действия первого Указа.

Решение проблемы внешнего запуска связано с совершенствованием законодательства, которое должно максимально полно защищать интересы личности, общества и государства. Именно с учетом этих интересов следует заново пересмотреть функции Конституционного Суда РФ по проверке конституционности положений федеральных и региональных нормативных правовых актов. Кроме того, существенное значение для преодоления этого барьера имеет воспитание «правовой чувствительности» населения к любым нарушениям закона и, прежде всего, уголовного. Как подчеркивал выдающийся правовед Р. Иеринг, «борьба за право есть обязанность правомочного перед самим собою... защита права есть обязанность перед обществом» [5, с. 33].

Барьер второй – проблема доступности правосудия, которая имеет несколько аспек-

тов. Аспект первый. Он связан с организацией работы как самих судей, так в еще большей степени аппаратов судов. Тот факт, что работа в этом направлении организована ненадлежащим образом, признают и сами судьи. Для того чтобы подать исковое заявление, гражданину порой приходится неделями обивать пороги суда и примерно столько же, чтобы получить решение после того, как оно вынесено. «Человек, попавший в канцелярию суда, – по словам известного российского правоведа В.А. Туманова, судьи Конституционного Суда РФ в отставке, – сразу же превращается из участника процесса в просителя. Бесцеремонность обращения, доходящая до грубости, встречается и у судей. Я сам однажды в одном из межмуниципальных судов Москвы был изгнан из зала заседаний за то, что по ходу процесса делал пометки в блокноте и, несмотря на требование судьи, не прекратил это занятие (правда, позже судья извинилась, ссылаясь на усталость)» [9]. Пример не требует комментариев.

Аспект второй – сложность процедуры. От человека или организации, которые решили воспользоваться механизмом судебной защиты, требуется не только уверенность в справедливости своих притязаний. Они должны подкрепить свою позицию знанием закона и необходимыми доказательствами. В условиях, когда законодательство столь подвижно и изменчиво, когда в нем сплошь и рядом имеют место случаи конкуренции юридических норм, пробелы в праве, выстроить логически безупречную линию судебной защиты не просто даже для юриста. Сбор доказательств, который, как правило, возлагается на истца (заявителя), сопряжен с определенными трудностями: сложностью рассматриваемого дела, потерей доказательств, страхом свидетелей перед слишком известными, могущественными оппонентами и т.д. Наконец, если прибавить сюда необходимость знания процессуальных и процедурных норм, с которыми сопряжено рассмотрение дела, то понятно, почему многие испытывают чувство полнейшей неуверенности при необходимости обратиться в судебный орган.

Наконец, третий аспект проблемы доступности правосудия – стоимость. Несмотря на то, что финансирование судебной системы осуществляется за счет средств государства, судебный процесс, как правило, не становится бесплатным для его участников. Судебные издержки по оплате услуг адвокатов и представителей, государственной пошлины, экспертизы и др. в совокупности нередко выгля-

дят весьма внушительно. Стоимость судебных затрат в мелких спорах вообще может превышать размер оспариваемой суммы.

В условиях, когда значительная часть населения страны вынуждены сводить концы с концами, латая «дыры» в семейном бюджете, далеко не все могут позволить себе дополнительные расходы для восстановления социальной справедливости и правопорядка. Тем более, что, даже имея на руках судебное решение, вступившее в законную силу, и исполнительный лист, победившему в судебной тяжбе далеко не всегда удастся получить по этим документам реальное исполнение. Отсюда в общественной жизни так много правонарушений, которые остаются безнаказанными для их авторов.

Барьер третий – проблема оперативности правосудия. Правосудие для того, чтобы быть эффективным, должно осуществляться в разумные сроки. Не случайно п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет положение о том, что «каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона» □

Процессуальные кодексы, принятые в нашей стране, довольно жестко регламентируют сроки рассмотрения и разрешения дел. Однако проблема соблюдения этих процессуальных сроков российскими судами давно уже стала притчей во языцех. Наибольшие нарекания вызывает работа судов общей юрисдикции, в которых реальные сроки рассмотрения, например, гражданских дел порой в несколько раз превышают временные нормативы, установленные ГПК РФ. Конечно, существуют объективные причины, ведущие к увеличению сроков рассмотрения дел. Потребность в полном расследовании дела и необходимость представления доказательств неизбежно ведут к совершению многочисленных актов, на которые уходит определенное время. Последнее порой трудно сократить. Катастрофически не хватает судей и работников аппарата судов. Судьи давно уже работают в режиме перегрузки, при этом число обращений граждан в суды год от года растет.

Однако, как неоднократно отмечал Пленум Верховного Суда РФ, основными причинами нарушения процессуальных сроков являются недостатки и упущения в деятельности судов, связанные, прежде всего с неудо-

влетворительной организацией судебного процесса, снижением исполнительской дисциплины, недостаточным контролем со стороны председателей соответствующих судов. Имеет место в деятельности судов и бюрократизм, и факты грубой волокиты, которые не обусловлены никакими объективными причинами.

Медлительное правосудие не только порождает пассивность граждан и иных социальных субъектов, провоцируя их психологическое дистанцирование от судебной системы, но и приводит к тому, что многие акты суда лишаются своей практической эффективности. Когда судебное решение обесценивается временем, то правовая санкция утрачивает свое значение, а право, законность и правопорядок, растворяясь в бесконечности, становятся неестественными, фальшивыми, иллюзорными [12, с. 300].

Барьер четвертый – беспристрастность (объективность) и независимость судей. Идеальная модель правосудия покоится на том, что судья, разрешающий спор, действует беспристрастно и объективно. Это предполагает, что судья не имеет личной заинтересованности в результатах процесса, что содержание судебного решения в конечном итоге будет определяться не его симпатиями или антипатиями к участникам спора, а строгим и неуклонным соблюдением действующего закона.

Отсутствие каких-либо субъективных предпочтений у судьи, разрешающего спор, один из ключевых принципов судебного процесса, без которого общественное доверие к судебной власти становится эфемерным. Не случайно древнегреческая богиня правосудия – Фемида изображалась с повязкой на глазах, с мечом и весами в руках, олицетворяя соединение силы и права и внушая мысль о том, что охраняемый богиней правопорядок в равной мере обязателен для всех [10, с. 8]. Правда, российская сестра Фемиды, украшающая здание Верховного Суда РФ, что на Поварской улице в Москве, имеет иной облик. В правой руке она держит щит вместо меча, нет у нее и повязки на глазах. Замена меча на щит вполне оправданна, если иметь в виду ту правозащитную функцию, выполнение которой возлагается на судебную власть. «Меч, – писал И.А. Ильин, – отнюдь не выражает сущность государственной власти; он есть лишь крайнее и болезненное ее средство; он составляет ее последнее слово и слабейшую из ее опор. Бывают положения и периоды, когда власть без меча есть негодная и гибельная власть; но это периоды исключительные и ненормальные.

Нормально сила власти не в мече, а в авторитетном влиянии ее волевого императива» [6, с. 132]. Но что случилось с повязкой, которая всегда и была символом беспристрастности и объективности?! Нужна ли она российскому правосудию?!

Беспристрастность и объективность судьи – вопрос, который представляется особенно деликатным, поскольку речь идет о реальности, которую достаточно сложно установить и измерить. Здесь следует учитывать влияние как психологических, так и социологических моментов. Исследования в области социальной психологии свидетельствуют о том, что участники судебного процесса, в том числе и судьи, обычно изо всех сил стараются, чтобы все шло правильно, по закону, но неизбежно оказываются под влиянием факторов, отличных от объективности и беспристрастного поиска истины. Среди последствий этого влияния – пристрастные суждения, основанные на стереотипах и предубеждениях.

Результаты социологических исследований, проведенных американскими учеными, свидетельствуют, что в большинстве случаев, независимо от характера преступления, физическая привлекательность, принадлежность к женскому полу и высокий социально-экономический статус, как правило, являются преимуществами для преступника. Специалисты собрали данные о денежных суммах, которые были назначены сорока судьями для оплаты залогов и штрафов более чем в 1500 судебных делах, касающихся мелких преступлений. Привлекательность каждого подсудимого оценивалась полицейскими офицерами, которые не участвовали в аресте и которые ничего не знали о целях эксперимента. Результаты ясно показали, что чем более привлекательным был подсудимый, тем ниже была сумма залога или штрафа, установленная судьей. Серьезность преступления также влияла на сумму залога и штрафа (чем серьезнее, тем выше сумма), но влияние привлекательности было очевидно при любом уровне серьезности [3, 454-455].

Влияют на строгость приговора и расовая принадлежность подсудимого. Как полагают психологи, расизм, который находит свое проявление на подсознательном уровне, является объяснением того, что подсудимые афроамериканцы с большей вероятностью, чем белые осуждались за убийство и наказывались смертной казнью. Именно расизм, по мнению ученых, является наиболее вероятным объяснением и другого феномена: преступники независимо от расовой принадлежности, со-

вершившие убийство белого человека, приговаривались к смертной казни в 11,1 % случаев, но лишь 4,5 % тех, кто убил темнокожего, наказывались смертью [3, с. 456].

Приведенные примеры свидетельствуют, что абсолютную судебскую объективность и беспристрастность в рамках судебного процесса обеспечить невозможно. Судья при всем желании не может отрешиться от своих личных пристрастий и предубеждений. Реальная задача, которую общество должно ставить перед судьей, заключается в том, чтобы найти необходимый баланс между объективностью и субъективностью. В процессе решения этой задачи от судьи требуются самокритика, самоограничения, интеллектуальные усилия в поиске объективного.

Сегодня много говорят о необходимости обеспечения независимости судебной власти, прежде всего, от иных государственных и политических институтов, поскольку без независимой, самостоятельной судебной власти не может быть и правового демократического государства. В прошлом судебная система нашей страны даже не могла претендовать на подобный статус, исходя из ее места и роли, которая отводилась ей в государственном механизме. Первые годы судебной реформы ознаменовались проведением широкомасштабной деполитизации судебной системы с тем, чтобы предотвратить любые попытки превращения суда в орудие политической борьбы. Но решает ли деполитизация проблему политической независимости судей?

Вопрос, надо полагать, риторический. Право во всех проявлениях всегда выступало по отношению к политике в качестве обслуживающей системы. Даже правоведение никогда не чувствовало себя свободным от политических пристрастий. Чего же мы хотим от судов, которые по своей природе являются государственными органами? Чего мы ждем от судебной системы, которая участвует в реализации правовой политики государства?

Политику иногда сравнивают с «дикой лошадью», от которой любой, кто ценит свою жизнь, должен держаться подальше [1, с. 190]. Но судья не имеет такой возможности, он не вправе отказаться рассматривать спор, в котором сталкиваются политические интересы различных социальных субъектов, лишь потому, что его решение будет неоднозначно воспринято в обществе. Каждый судья после его назначения, фигурально выражаясь, садится на «дикую лошадь» и не имеет иного выхода, как скакать на ней, пока выполняет свои функции.

Известный зарубежный правовед А. Барак, отмечая это обстоятельство, считал бессмысленным спор о том, является ли судья политической фигурой?! Иного просто не может быть. Вопрос, по мнению А. Барака, состоит только в том, кто кого ведет при достижении результата – «дикая лошадь» судью или судья вел лошадь [1, с. 190]. Общество вправе ожидать от судьи, судов и судебной системы в целом, что при осуществлении правосудия идеи законности и правопорядка не будут ими принесены в жертву политической целесообразности. К сожалению, общественным ожиданиям далеко не всегда суждено сбыться, есть все основания констатировать тот факт, что некоторые судебные постановления выносятся под реальным политическим давлением.

В свое время у многих отечественных правоведов и практических работников обоснованные нарекания вызывала правоприменительная практика Конституционного Суда РФ, связанная с тем, что некоторые акты или их отдельные положения, признанные противоречащими Конституции РФ, продолжали действовать еще какое-то время. Предоставление отсрочки и продление сроков «жизни» подобных юридических норм, по мнению представителей юридического сообщества, противоречит положениям ч.6 ст. 125 Конституции РФ, согласно которой «акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению». Буквальное толкование этих конституционных положений дает основание для однозначного вывода: акт, признанный неконституционным, должен немедленно утрачивать свою силу.

Но события иногда разворачиваются по-другому сценарию. Наиболее «показательной» в этом плане является налоговая сфера. Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 30 января 2001 г. № 2-П были признаны не соответствующими Конституции РФ положения частей 1-4 пункта 3 ст. 20 Закона РФ «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 31 июля 1998 г.), а также основанные на них и воспроизводящие их положения налоговые законы нескольких субъектов РФ (Чувашской Республики, Кировской и Челябинской областей), как не обеспечивающие необходимую полноту и определенность регулирования налога с продаж, что порождает возможность его произвольного истолкования законодате-

лями субъектов Российской Федерации и правоприменительной практикой. Согласно указанному Постановлению положения налоговых законов, признанные неконституционными, должны были быть приведены в соответствие с Конституцией РФ и, во всяком случае, утрачивают силу не позднее 1 января 2002 г.

Парадокс ситуации заключается в следующем: несмотря на то, что Конституционный Суд РФ признал положения указанных выше законов, неконституционными 30 января 2001 г., он фактически продлил срок их действия еще на одиннадцать месяцев(!). В одном из своих интервью М.В. Баглай (в тот момент Председатель Конституционного Суда РФ) дал недвусмысленный ответ, что такая практика является вполне оправданной. Более того, она продиктована соображениями социальной политики государства и его заботой об интересах граждан. «Допустим, мы установили неконституционность какого-либо сбора или налога, – рассуждает М.В. Баглай, – но федеральный бюджет уже сверстан, и соответствующие средства уже заложены в доходную часть бюджета, обеспечивая реализацию тех или иных социальных прав. Иными словами, признать, что взимание того или иного налога неконституционно, и немедленно прекратить эту практику порой значит поставить под угрозу выполнение государством своих социальных обязательств перед гражданами. Поэтому, чтобы дать властям возможность «подготовиться» к новому правовому регулированию, мы ненадолго отсрочиваем вступление своего решения в силу – обычно не более чем на полгода, а часто и меньше» [7, с. 7].

Вне всякого сомнения, выполнения государством принятых на себя обязательств в области социальной политики крайне важно: во-первых, это повышает кредит доверия к власти со стороны общества; во-вторых, многие граждане, прежде всего, слабо защищенные слои населения, сегодня остро нуждаются в государственной поддержке. Однако это не означает, что казна государства должна пополняться, а реализация социальных программ обеспечиваться за счет сбора на протяжении еще почти одиннадцати месяцев налогов, антиконституционный характер которых установлен уже сегодня. Достижение социально значимых и благородных целей должно, видимо, осуществляться только законными методами.

Анализ судебных решений, принятых, в том числе и высшими судебными инстанциями, дает основания для вывода, что

в ряде случаев ставится под сомнения исторически оправдавшая себя формула правосудия – «Pereat Roma et fiat lex» (пусть погибнет Рим, но восторжествует закон). При этом считают, что «Рим» – это есть то политическое, чему нельзя дать погибнуть, а закон – явление иного порядка, которое может быть принесено в жертву. Однако на деле эта формула несет совершенно иную нагрузку. Политическим феноменом является и сам закон, который представляет собой юридическую формулировку политики.

Противопоставление «Рима» и закона – это не противопоставление политического и неполитического, а столкновение двух политических линий – кажущейся актуальной политической целесообразности и той политической целесообразности, которая выступает как устойчивая тенденция, получившая выражение в законодательной формуле, рассчитанной на многократное применение. «Рим» не погибнет, если восторжествует закон. Сиюминутная целесообразность, не будучи реализованной, не нарушит тенденцию и общественного спокойствия. Но отступление от тенденции, которая определяет вектор устойчивого развития общества, в конце концов, неизбежно сказывается и на судьбе того направления, выбор которого был продиктован казавшейся актуальной целесообразностью. Рано или поздно, но наступит момент, когда кто-то посчитает и это направление ошибочным, не отвечающим в полной мере потребностям и интересам нового дня. И тогда вчерашняя целесообразность будет принесена в жертву целесообразности сегодняшней. В конечном итоге, такая чехарда приведет к тому, что «правила игры» в «Риме» будут определяться не законом, а лишь пониманием политического момента теми, кто облечен властью, в том числе властью творить правосудие.

Судья – безусловно, фигура политическая, хотя бы лишь потому, что он реализует на практике политическую формулу, какой является закон. И только закон он должен реализовать, но не то, что помимо закона и вне закона. Отступая от закона во имя актуальной политической или экономической целесообразности, судья перестает быть представителем права, его слугой. Но в этом качестве он

утрачивает тот социально-ценностный смысл, который изначально определяет его высокую миссию. Он с позиции права в этом случае вообще перестает быть Судьей – хранителем правовой справедливости.

Приведенные выше суждения, безусловно, не претендуют на полномасштабный анализ проблем, с которыми сталкиваются сегодня суды и судейское сообщество. Они, скорее, акцентируют внимание на том, что совершенствование судебной системы предполагает разработку четкой научно-обоснованной стратегии, реализация которой будет способствовать становлению эффективного правопорядка в российском социуме.

Список литературы и источников:

1. Барак А. Судейское усмотрение / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Кикоть, Б. А. Страшун. – М.: Норма, 1999. – 364 с.
2. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Пер. с франц. Г.В. Чуршуква. Под общ. ред. В.И. Даниленко. – М.: Nota bene, 2000. – 575 с.
3. Бэрн Р., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
4. Завражнов Е.В. Судебная власть в Российской Федерации: общетеоретические вопросы и проблемы реализации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006.
5. Иеринг Р. Борьба за право. – М.: Феникс, 1991. – 64 с.
6. Ильин И.А. О сущности правосознания. – М.: Рарог, 1993. – 235 с.
7. Интервью с М.В. Баглаем, Председателем Конституционного Суда РФ // Законодательство. – 2003. – № 3.
8. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007.
9. Кому – условная тюрьма, кому – амнистия // Российская газета. – 2004. – 26 ноября.
10. Нерсесянц В.С. Идеи и конструкции правовой государственности: история и современность // Социалистическое правовое государство: концепции и пути развития. – М.: Юрид. лит., 1990. – С. 6-26.
11. Сандеуар П. Введение в право / Пер. с франц. – М.: Интрагэк-Р, 1994. – 324 с.

O.P. Saulyak, Dr. of Law, Associate Professor, Moscow Bar "Lawyers - professionals" (Moscow) (Olegs69@mail.ru)

Sh.A. Zeynalov, Bryansk branch FGBOU REU of G.V. Plekhanov (Bryansk) (e-mail: bryansk@rea.ru)

JUDICIAL AUTHORITY AND PROBLEMS OF PROVIDING LAW AND ORDER IN MODERN RUSSIA

In article the concept and intrinsic characteristics of judicial authority, her function and a role in the course of improvement of law and order in modern Russia are considered. Special attention is paid to barriers which influence efficiency of activity of judicial authorities, scientifically based recommendations about their overcoming are made.

Keywords: *law and order, government, judicial authority, justice, jurisprudence, independence of judges, institutes of civil society.*

УДК 340.1

В.М. Сырых, д-р юрид. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Москва) (e-mail: 2707xyz@mail.ru)

ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА – ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ И ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ПРАВОСУДИЯ

В статье предпринимается попытка показать несостоятельность концепции, обосновывающей возможность замены принципа материальной истины судебных решений принципом формальной истины, влекущей за собой упрощенный порядок рассмотрения уголовных дел и, соответственно, усиление обвинительного уклона в карательной политике судов Российской Федерации.

Ключевые слова: объективная истина, формальная истина, принцип состязательности, обвинительный уклон.

Высшая цель и смысл правосудия состоит в том, чтобы восстанавливать право на уровне конкретных отношений, справедливо карать правонарушителей и защищать права обиженных. При этом высокая миссия правосудия необходимо предполагает уяснение истины по делу. Принцип, согласно которому достоверное знание реально сущих событий, фактов представляет собой необходимое условие вынесения справедливого и правомерного решения, было осознан и четко сформулирован еще на начальных этапах истории права и государства. Так, во II тысячелетии до н.э. Хаммурапи в своих законах, в числе свершенных им благодеяний, указал: «Я вложил в уста страны истину и справедливость и ублажил плоть людей». В Ветхом завете также предписывается не решать тяжбы по большинству, отступая от правды: удаляться от неправды и не умертвлять невинного. Российское правосудие также с первых своих шагов следовало курсу служения правде и праву. В частности, Владимир Мономах, подводя итоги своей государственной деятельности, с гордостью говорил, что он не обижал слабых и следовал правде.

Под предлогом борьбы с идеологизированным советским правом современными российскими правоведами была поставлена под сомнение необходимость принципа судебной истины, якобы, как источника и основы инквизиционного процесса, породившего обвинительный уклон в советской судебной практике. Взамен предлагалось перейти на принципы американского правосудия, идея которого «заключается не в том, чтобы отыскать «истину», а установить какое *сообщенное восприятие* события является наиболее *правдоподобным изложением* этого события». Мол, система, открывающая свободный путь

для конкуренции различных восприятий события в ходе всего судебного разбирательства наиболее точно отражает существующую действительность [2, с.220-221].

Ратуя за американскую судебную систему, С.А. Пашин ее основные достоинства видит в том, что ««юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом ... с помощью доказательств не устанавливается истина, а обосновываются определенные выводы... а поиск истины – это работа тех, кто отвечает за результат. В отличие от всех прочих судья отвечает за результат лишь в том смысле, что он должен сказать: «Да, виновен», если это доказано, или: «Нет, невиновен», если это не доказано, и больше ничего» [5, с. 312-322].

Аналогичной позиции придерживается Е. Б. Мизулина. По ее мнению, в уголовном процессе « можно и нужно говорить об истинности способа осуществления уголовно-процессуальной деятельности, но не ее результата. В этом смысле уголовно-процессуальный закон должен быть ориентирован не на конечный результат уголовно-процессуальной деятельности (или не только и не столько на него), а на способ ее практического осуществления следователем (судьей), который сам по себе обеспечивает организацию их мышления по определенному принципу (презумпции невинности)» [4].

С подобных теоретических позиций процессуалистами приветствуется законодательно закрепленный порядок замены объективной истины истиной, которая в юридической литературе называется по-разному (формальной, конвенциональной, договорной, юридической и др.) и лежит в основе приговоров по делам, рассматриваемым судами в

упрощенной порядке. Согласно ст. 226.5 УПК РФ дознаватель обязан производить только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления и иных доказательств. Соответственно, ему разрешается не проверять доказательства, которые не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. В соответствии со ст. 316 УПК РФ суду разрешается по ходатайству подсудимого, согласного с предъявленным обвинением, проводить судебное разбирательство в упрощенном порядке, не проводить в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. Одновременно, суд освобождается от обязанности давать в приговоре оценку доказательств, положенных в основу приговора. В упрощенном порядке УПК РФ разрешает также ставить приговоры в отношении подсудимых, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. При этом суду предписывается уделять главное внимание не оценке доказательств по делу, а результатам выполнения всех обязательств, предусмотренных заключенных с обвиняемым досудебным соглашением о сотрудничестве.

Однако ни судебная практика, ни действующее законодательство, не свидетельствуют и не могут свидетельствовать в пользу конструкции обосновывающей замену объективной истины истиной формальной, конвенциональной и тому подобной, как это обосновано показывается в работах М.К. Свиридова, С.А. Шейфера и др. российских процессуалистов, признающих принцип объективной истины в качестве ведущего принципа уголовного процесса. Догматический анализ норм УПК РФ, проведенный С.А. Шейфером, свидетельствует о том, что «хотя в некоторых случаях законодатель считает возможным ограничиться установлением формальной истины, стремление управомоченных органов государства установить обстоятельства исследуемого события такими, какими они были в действительности, сохраняет свое значение как ведущая тенденция доказывания, т.е. его цель. И уж вовсе бесспорно, что обвинительный приговор, который не может быть основан на предположениях (ч. 4 ст. 302 УПК РФ), выносится судом только при условии установления объективной истины» [8].

Подобный подход к объективной истине в уголовном процессе разделяет М.К. Свиридов, отмечая, что в соответствии со ст. 296-298 УПК РФ ответственность за приговор

возлагается на суд. Поэтому «суд, поскольку он отвечает за приговор, обязан адекватно отразить то, что произошло в действительности, то есть установить объективную истину» [7, с. 104].

Попытка заменить в уголовном процессе объективную истину на формальную, ограничить деятельность суда в процессе к простому наблюдателю, по нашему мнению, не выдерживает элементарной критики. Конструкция вступает в противоречие с основополагающими принципами теории познания, смешивая такие разные явления, как объективная истина как принцип уголовного процесса, суверенные возможности суда в познании исследуемых событий и принимаемые решения при отсутствии необходимых доказательств по делу.

Гносеология, понимая истину как соответствие мысли отражаемому предмету, ни формальной, ни конвенциональной, равно как и договорной истины не знает. Термины порождены фантазией юристов, желающих придать своим несообразным юридическим конструкциям видимость соответствия философским законами и категориями. Столь же абсурдно сводить истину к тому или иному способу судебной деятельности. Утверждая примат истинности способа осуществления уголовно-процессуальной деятельности перед ее результатом, Е.Б. Мизулина дезавуирует известное высказывание Г.Гегеля о том, что в познании должны быть истинными как путь познания, так и его конечные результаты.

Вера Е.Б. Мизулиной в способность способа деятельности обеспечить истину в уголовном процессе, к сожалению, ничем не обосновывается. Непосредственный научный и практический опыт постоянно и бесспорно являет прямо противоположные результаты. Истинный способ познания – это не более чем совокупность принципов, правил, ориентирующих познающего индивида, как ему следует поступать, чтобы получить достоверные и научно обоснованные знания, и не более того. Однако далеко не всякий субъект познания, учитывающий и реализующий эти принципы, способен получить объективно-истинный результат. Советские ученые, например, прекрасно знали совокупность принципов диалектики, искренне стремились их применять в своей научной деятельности, но результаты научного познания дальше позитивистской доктрины права и государства не поднимались.

Истинный способ выступает лишь средством, облегчающим поиск истины, но не

гарантирует ее. Истинные знания представляю собой кумулятивный результат одновременно действия многих и самых различных факторов: мировоззрения, системы профессиональных навыков и умений, уровня правовой культуры, морально-этических установок, материальных условий деятельности, способностей к творческой познавательной деятельности и др. Кроме того, в познании особое значение имеют такие психологические (иррациональные) феномены как интуиция и озарение, благодаря которым всякий новый акт познания представляет собой не простое формально-логическое (индуктивное или дедуктивное) развитие знаний, а скачок, отрыв нового знания от наличного, известного. Истинный метод приводит к истинным знаниям лишь при том непременном условии, что все используемые в познании средства, были использованы и творчески, и правильно, сообразно их сути и назначению.

Аналогичным образом «способ практического осуществления» проявляет себя в судебной деятельности. Будучи едиными для всех действующих субъектов, данные способы приводят к самым различным результатам, по одним делам удастся раскрыть объективную истину, по другим - полученных достоверных знаний недостаточно для доказательства вины подсудимого, а по третьим – нет ничего, кроме следственных версий. Следовательно, суд, принимая решение по делу, не может успокаивать себя тем, что все действия предусмотренные УПК РФ были выполнены законодательно закрепленными способами, и он имеет право довольствоваться тем, что ему в процессе судебного состязания представили обвинитель и защита. Вынося обвинительный приговор, он должен быть уверен в том, что истина по делу достигнута и осужденный действительно совершил инкриминируемые ему деяния.

Поэтому, как правомерно подчеркивает М.К. Свиридов, «истина в уголовном процессе необходима, без ее установления приговор лишается качества правосудности. И необходима только объективная (материальная) истина, как адекватно и полно отражающая имевшие в реальности действия подсудимого, за совершение которых он несет ответственность» [7, с. 102]. Чтобы надлежащим образом обеспечивать задачи правосудия, защищать права и свободы граждан и справедливо карать правонарушителей, суд должен обладать правомочием восполнять доказательственную базу независимо от позиции обвинения и защиты, их способности представить свои доказательства в судебном заседании. Низведение суда до роли стороннего созерцателя в судебном процессе по тем мотивам, что по-

добная мера препятствует проявлению обвинительного уклона в его деятельности, не соответствует целям правосудия, а ее мотив является надуманным.

Принимая необходимые меры по обеспечению доказательств, необходимых для установления истины по делу, суд действует в своем праве, обусловленном задачами надлежащего осуществления правосудия, безотносительно интересов подсудимого и ничьих прав нарушать не может. Стремление к установлению истины по делу никак не свидетельствует о намерении суда, во что бы то стало, вынести обвинительный приговор. Таковой выносится постольку, поскольку подсудимый действительно совершил инкриминируемое ему деяние, а не потому, что суд по своей инициативе принял меры по установлению дополнительных доказательств. Однако, состязательный процесс, исключая возможность суда принимать непосредственное участие в судебном следствии, создает заметные преимущества подсудимого перед потерпевшим.

Суд при отсутствии достаточных доказательств вины подсудимого, вынужден прекращать дело. Подобный исход дела вполне устраивает подсудимого, но вряд ли с ним согласен потерпевший. Между тем суд обязан защитить права потерпевшего не в меньшей мере, чем и права подсудимого. Это требует конституционный принцип равноправия граждан и конституционная обязанность государства защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 19, 2 Конституции РФ).

Следовательно, состязательный судебный процесс обеспечивает дополнительные гарантии защиты прав обвиняемого по формальным мотивам и тем самым тем самым возводит дополнительные препятствия на пути реализации прав потерпевших. Суд, вынесший оправдательный приговор, по мотивам недостаточности доказательств вины подсудимого, не столько дает негативную оценку профессиональным качествам обвинителя, сколько оставляет без защиты права потерпевшего и какой-либо надежды на их восстановление за счет виновного лица. Следует полностью согласиться с А.Д. Александровым в том, что «неуважение к истине, безразличие к ней выражает неуважение, безразличие к людям; надо совершенно презирать людей, чтобы с апломбом вещать им, не заботясь об истине» [1, с. 32].

Упрощенное судопроизводство негативно влияет на законность в сфере правосудия, вынесение справедливых и обоснованных приговоров, поскольку создает реальные условия, во-первых, для осуждения невиновных лиц и, во-вторых, для

усиления обвинительного уклона в деятельности судебных органов.

Институты соглашений о признании вины и сотрудничестве со следствием позволяют суду ставить приговор, опираясь по преимуществу на показания обвиняемого и освобождают его от обязанности полного и всестороннего изучения обстоятельств дела, заслушивания показаний свидетелей, экспертов, изучения вещественных и иных доказательств. Более того, суд освобождается от анализа доказательств по делу. В результате, имеет место случаи вынесения обвинительных приговоров лицам, не совершавшим никаких преступлений под давлением следственных или оперативных органов.

По свидетельствам Г.М. Резника, среди тех, кто идет на сделку с правосудием, есть невинные обвиняемые, которые сами себя оговаривают. Без суда присяжных институт сделки недоработан и сопровождается повышенными издержками. В год примерно 100 тыс. обвиняемых полностью не признают себя в суде виновными. Меньше 1 % из них оправдывают. Если мы возьмем суды присяжных, где действует презумпция невинности, то эта цифра беру среднюю за последние годы увеличится до 15 %. Получается, что ежегодно около 15 тыс. наших сограждан осуждаются без надежных доказательств их вины [6, с. 15-16].

Неуклонно культивируется упрощенное производство по уголовным делам. По 744 000 (77,6%) уголовных дел были вынесены обвинительные приговоры, из них 66 % (более 638 000) были рассмотрены в упрощенном порядке. Оправдательные приговоры были вынесены лишь по 2900 (0,3%) уголовным делам. Иным предстает число оправдательных приговоров по уголовным делам, рассмотренным судом присяжных. Всего в целом по стране судом присяжных были осуждены 446 человек и 50 человек (или 10%) оправданы. Однако в апелляционной инстанции приговоры в отношении 18 оправданных (35%) были отменены [3]. Тем не менее, процент оправ-

данных судом присяжных в 25 раз превышает процент оправданных остальными судами Российской Федерации, что косвенно свидетельствует о наличии устойчивой совокупности обвинительных приговоров в отношении лиц, не совершавших преступлений.

Изложенное таким образом, свидетельствует о необходимости легального оправдания и восстановления принципа истинности в уголовном процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Список литературы и источников:

1. Александров А.Д. Истина как моральная ценность // Наука и ценности. – Новосибирск: издательство «Наука», 1987. – 240 с.
2. Бернам У. Правовая система США. – М.: РИО «Новая юстиция», 2006. – 1216 с.
3. Ефименко Е. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2017 год. [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/200608/> (дата обращения: 31.05. 2018 г.).
4. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства [Электронный ресурс]. – URL: http://www.yabloko.ru/Persons/Mizul/Miz_book1.htm (дата обращения: 31.05. 2018 г.).
5. Пашин С.А. Проблемы доказательственного права//Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. – М., 1995. – 504 с.
6. Резник Г.М. Истина и справедливость в правосудии. Вып. 174.– СПб.: Изд-во СПбГУП, 2016. – 20 с.
7. Свиридов М.К. Задача установления истины и средства её достижения в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. Право. –2013. –№2. –С. 101-106.
8. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования [Электронный ресурс]. – URL:// artshamardin.narod.ru/files/students/acts2/monogr/sheifer.pdf. (дата обращения: 31.05. 2018 г.).

V.M. Syrych, Dr. of Law, Professor, Russian State University of Justice (Moscow) (e-mail: 2707xyz@mail.ru)

OBJECTIVE TRUTH - FUNDAMENTAL AND OBLIGATORY PRINCIPLE OF JUSTICE

An attempt to show insolvency of conception, grounding possibility of substitution of principle of material truth of court decisions principle of formal truth, entailing the simplified order of consideration of criminal cases and, accordingly, strengthening of accusatory slope in punitive politics of courts of Russian Federation, is undertaken in the article.

Keywords: *objective truth, formal truth, principle of contentionsness, accusatory slope.*

УДК 347.9

Э.Э. Хащина, ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск) (e-mail: elinka1408@mail.ru)

РОЛЬ ДЬЯЧЕСТВА В РАЗВИТИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье проводится анализ изменений системы административно-судебных органов, включая как центральные органы власти, так и органы, осуществляющие судебные полномочия на местах. Формулируется вывод о том, что развитие приказной системы управления способствует увеличению бюрократического контроля за осуществлением судопроизводства местными судьями. Автор полагает, что представители служилой бюрократии – дьяки, в условиях отсутствия университетов стали тем классом, который сохранял и развивал юридические знания. Деятельность служилой бюрократии значительно способствовала унификации делопроизводства, в том числе, на уровне местных судов.

Ключевые слова: судебная власть, Московское государство, дьяк, приказ, розыскной судебный процесс, служилая бюрократия.

Важной предпосылкой для развития судебного процесса в период формирования централизованного государства является бюрократизация государственного аппарата, в рамках которой происходит создание на местах органов публичной власти, подотчетных центру. В период XV – XVI вв. из единой судопроизводственной процедуры выделяется особая форма процесса – сыск. Формализованная процедура сыска, основанная, во многом, на исследовании письменных доказательств, контроле над местными судебными органами, нуждалась в лицах, обладающими необходимыми знаниями и навыками для ее воплощения в жизнь. Что касается Московского государства, то здесь, начиная с 30-х годов XVI в., обязанности по расследованию дел в форме «сыска» - особой розыскной формы процесса – возлагались на выборных представителей местного населения – губных старост и губных целовальников. В связи с отсутствием каких-либо юридических школ, и тем более университетов, к ним предъявлялись лишь общие требования грамотности – умение читать и писать. В отличие от Западной Европы, где к XVI в. профессия юриста была повсеместно распространена, в России в тот же период юристы не были выделены как класс [6, с. 78]. Позднее, обязанность расследования дел в форме сыска была возложена на воевод – представителей служилого, военного сословия, также не обладавших специальными юридическими познаниями.

Отсутствие профессиональных юристов, приводящее к пополнению судейских кадров из представителей военного сословия и боярского сословия, на первый взгляд, должно

было служить серьезным препятствием на пути к унификации процедуры судопроизводства и созданию единого порядка отправления правосудия во всех частях огромной страны. Однако анализ судебных дел XVI – XVII вв. демонстрирует наличие сложившейся системы судебного делопроизводства, при этом лица, выносившие приговоры, определенно обладали правовыми знаниями. Достаточно высокий уровень правовой и судебной культуры Московского государства, в условиях непрофессионализма судей, является заслугой служилой бюрократии – дьячества.

Как Судебник 1497 г., так и Судебник 1550 г. упоминает в числе лиц, входящих в центральную судебную систему, представителей служилой бюрократии – дьяков и подьячих [9, с. 97]. Центральная власть контролировала процесс отправления судопроизводства на местах посредством направления из Москвы в помощь непрофессиональным судьям дьяков, обучавших подьячих и руководивших их деятельностью. Обширная компетенция дьячества напрямую определялась развитием приказной системы управления. Принцип неразделимости суда и администрации привел к тому, что практически каждый Приказ был наделен судебными функциями и, в конечном итоге, царская бюрократия, существовавшая в виде приказной системы, стала крупнейшим (и, фактически единственным) институтом, хранившим юридические знания.

Дьячество как класс, не было однородным. Так можно выделить думных дьяков, которые могли руководить деятельностью приказов, в случае, если над ними не стоял боярин, а также заседать в Боярской Думе. На

более низкой ступени находились дьяки, а большинство бумажной работы выполняли подьячие. Система предоставляла возможности для карьерного роста, однако, весьма скромные. Н.Ф. Демидова отмечает, что думного чина в начале XVII в. достигали два-три человека, в конце столетия это число увеличилось до одиннадцати [4, с. 39]. Большинство подьячих и дьяков всю жизнь служили в одном приказе, приобретая там необходимую для решения подведомственных дел компетенцию.

Основной функцией дьяков, как утверждают источники, было «письмоводство» [7, с. 92-94], однако есть основания понимать их функции шире. Исследователи признают, что именно приказные дьяки были обладателями специальных знаний и навыков, необходимых для организации судебного рассмотрения дел [4, с. 39]. Благодаря деятельности дьяков усиливается письменный характер процесса – черта, присущая розыску, поскольку в рамках обвинительных форм судопроизводства основным способом ведения дела является судоговорение. Как писал В.Г. Стефановский о судопроизводстве в Древней Руси «суд был публичный – потому что не было зданий, гласный – потому что не было письменности, независимый – потому что не было прочной правительственной власти» [8, с. 264]. В связи с широким внедрением в практику судопроизводства письменности техника отправления правосудия неизбежно должна была измениться, и как следствие – изменениям подвергалась форма судопроизводства.

Помимо приказных дьяков в местных губных избах проходили службу губные дьяки, избираемые всеми жителями губы: «губным дьяком у губных дел быт по выбором всяких людей» [2, с. 57]. Анализ источников показывает, что губные дьяки, в отличие от дьяков, находившихся при воеводах, должны были избираться из местного населения – «гулящих людей», а гарантией добросовестной службы выступала присяга – крестное целование.

Огромный объем полномочий и ответственности, связанный с губным делопроизводством, не предполагал никаких материальных стимулов. Не удивительно, что желающих занять данную должность было не много. В одном из источников мы встречаем отписку Мценского воеводы в Москву, в которой он сообщает о том, что местные жители избрали в губные дьячки подьячего съезжей избы Родиона Оловенникова. Оловенников, как сообщал воевода, на протяжении пятнадцати лет служил в съезжей избе «без

денежного и хлебного жалования» и при этом бескорыстно выполнял огромный объем работы: «и всякие твои государевы дела ему отписаны... а дел твоих государевых много: присылают указные грамоты из Розряду, и челобитчиковы, и те всякие твои государевы дела без твоего Родьки станут... и в съзжей избе будет мовчание». В ответной государственной грамоте было велено оставить подьячего в съезжей избе, а губных дьячков выбирать из свободных, «гулящих» людей, а не «от мест», т.е. служащих [1, с. 5].

Данное дело наглядно демонстрирует, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, мы можем наблюдать ту колоссальную роль которую играла служивая бюрократия на местах, фактически обеспечивая проведение политики центральной власти в уездах, в том числе, связанную с судопроизводственными процедурами. Во-вторых, столь полная передача населению полномочий, связанных с организацией следственных органов, как нам видится, демонстрирует гибкую политику московских государей, которые с одной стороны вводили в практику розыскные методы расследования преступлений, но с другой перелагали ответственность за проводимые меры на местное население.

Значение дьяков и подьячих в формировании единой модели судопроизводства Московского государства трудно переоценить. В условиях отсутствия университетов, получивших развитие в средневековой Европе, профессиональных судей и юристов, именно дьячество стало тем классом, который сохранял и развивал юридические знания. На протяжении всей жизни находясь на службе в приказах они обучались на практических примерах, непосредственно разрешая дела, отнесенные к ведению приказов и это, по всей видимости, позволяло овладеть правовыми знаниями в отсутствие специальных учебных заведений.

Дьяки и подьячие рассылались в города, назначались на службу в губные, приказные и воеводские избы, обеспечивая единообразный характер делопроизводства в огромном по своим масштабам государстве. В источниках можно встретить такие описания: «писали к нам из Нового города с Невли воеводы наши князь Андрей Васильевич Тулупов со товарищи...» [5, с. 131]. Н. Коллманн характеризует деятельность дьячества на местах не иначе как «регулирование деятельности судей» [6, с. 85].

Действительно, оставаясь в тени, эти «делопроизводители» оказывали колоссальное влияние на отправление правосудия на местах,

проводя политику центральной власти намного эффективнее, чем это можно было бы сделать насильственными методами, в связи с чем, на наш взгляд, технически именно благодаря дьякам происходило постепенное ограничение обвинительных начал процесса и внедрение розыскных форм. Контроль за расследованием столь значимой категорией дел, коей являлись губные дела, требовало ведения постоянной переписки с Москвой, осуществление которой ложилось на плечи дьяков, направленных на периферию из московских приказов. Судебные дела XVII в. свидетельствуют о необходимости рассмотрения дел коллегиально, причем в состав данной коллегии неизменно входил дьяк или подьячий [3, с. 2]. Такая практика также обеспечивала необходимый контроль за деятельностью судебных органов на местах.

Помимо этого, благодаря дьякам сформировался необходимый для установления единообразной формы судопроизводства юридический язык. В.А. Томсинов, характеризуя московский «приказной» язык, указывает, что он кардинально отличался от языка, используемого в летописях и повествовательных произведениях, и именно на его основе «сформировался новый юридический понятийный и терминологический аппарат, составивший одну из главных отличительных черт юриспруденции Московского государства» [10, с. 75]. В этом языке отсутствовали какие-либо литературные приемы, зато в избытке имелись различные устойчивые сочетания и специфические термины. Анализ документов, созданных в разных концах государства в первой половине XVII в. показывает, что один и тот же язык и стиль написания использовался во всех уездах Московского государства. Столь высокий уровень бюрократической централизации однозначно является заслугой дьячества.

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем сделать следующие выводы. На протяжении XVI в. в судебной практике Московского государства можно наблюдать возрастающее внимание центральной власти к осуществлению правосудия на местах и устранению из суда чересчур широкого усмотрения сторон, свойственного судопроизводству обвинительного типа. Во второй половине XVI в. коренным изменениям подвергается система административно-судебных органов, включая как центральные органы власти, так и органы, осуществляющие судебные полномочия на местах. Развитие приказной системы управления способствует

увеличению бюрократического контроля за осуществлением судопроизводства местными судьями, кроме того в приказах постепенно формируется прослойка профессиональных чиновников – дьяков, которые в условиях отсутствия университетов стали тем классом, который сохранял и развивал юридические знания. Деятельность служилой бюрократии значительно способствовала унификации делопроизводства, в том числе, на уровне местных судов.

Список литературы и источников:

1. Акты Московского государства. Т. II. – М.: Типография Императорской академии наук, 1890. – 819 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1-3. – Киев: Оглоблин, 1899 - 1908. – 598 с.
3. Дело об ограблении казачка Конст. Оверкаева. – РГАДА. – Ф. 1107. – №. 113. – Л. 15.; Судное дело об ограблении и избиении Анны Тимофеевой. – РГАДА. – Ф. 1107. – №. 480. – Л. 2 и др.
4. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия России XVII в. – М.: Наука, 1987. – 719 с.
5. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1. – СПб.: Тип-я Г.Э. Праца, 1846. – 446 с.
6. Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего нового времени. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 616 с.
7. Новохатко О.В. Стиль работы и техника делопроизводства в разрядном приказе (1676/77 г.) // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 314. – С. 92-94.
8. Стефановский К.Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права. – М., Журнал Министерства народного просвещения, 1873. – С. 238-611.
9. Российское законодательство X-XX веков: [тексты и коммент.] в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства (XIV—XVI вв.) / отв. ред. А.Д. Горский. – М.: Юридическая литература, 1985. – 519 с.
10. Томсинов В.А. Развитие юриспруденции в Московском государстве (XIV-XVI вв.). Статья вторая. // Законодательство. – 2005. – № 5. – С. 75-80.

E.E. Khashchina, Assistant, Kursk State University (Kursk) (e-mail: elinka1408@mail.ru)

THE ROLE OF DACOSTA IN THE DEVELOPMENT OF THE JUDICIARY OF THE MOSCOW STATE

The article analyzes the changes in the central and local courts. The conclusion is drawn that the development of an orderly management system contributes to an increase in bureaucratic control over the implementation of judicial proceedings by local judges. The author believes that the clerks are a class that has preserved and developed legal knowledge. The activities of the clerks helped to ensure uniformity of records management, including at the level of local courts.

Keywords: *judicial power, The Moscow State, government official, chancery, investigative process, service bureaucrats.*

УДК 340.1

А.И. Хорошильцев, канд. юрид. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск) (e-mail: hor46@bk.ru)

ОБ ИСТОЧНИКАХ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

В статье излагаются некоторые сомнения относительно того, что у судебной власти в современном демократическом государстве только один источник. Высказывается предположение, что у нее, как минимум, три основных источника: народ, государство и судьи.

Ключевые слова: государственная власть, судебная власть, источники судебной власти.

Тема источника судебной власти – одна из наиболее важных в проблематике юрико-кратологических знаний. Это обусловлено, прежде всего, потребностью в знаниях о судебной власти, понять которую без изучения ее корней, истоков трудно, если не сказать, невозможно. Постигание сущности, природы, функций, элементов и структуры судебной власти лежит через познание ее источника.

У судебной власти современного демократического государства, как правило, выделяется единственный источник, в качестве которого называется народ. Такой вывод, на первый взгляд, вытекает из п.1 ст. 3 Конституции РФ, где говорится, что «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Приведенная формула основ конституционного строя РФ, как бы, позволяет рассматривать народ единственным источником всей государственной власти, в том числе и судебной ее ветви. Умозаключение здесь формируется следующим образом: если народ – единственный источник власти, то он служит единственным источником и для такой ее разновидности как судебная власть, которую в отечественной науке обычно рассматривают только как одну из ветвей государственной власти. В современной отечественной юридической доктрине обоим суждениям, лежащим в основании данного умозаключения (и суждению о народе как единственном источнике власти, и трактовке судебной власти только как разновидности государственной власти) отводится, как правило, роль аксиом, не требующих доказательств их соответствия объективной реальности.

Однако, такой подход позволяет обнаруживать только формально-юридический источник судебной власти, т.е. того субъекта, который официально провозглашается таковым. При этом субъект, фактически производящий власть, оказывается или, как мини-

мум, может оказаться скрытым. Ведь текст Конституции провозглашает народ формально-юридическим источником власти, но не дает ответа на вопрос о ее фактическом источнике.

Иными словами, формально-юридическое признание того или иного фактора не отменяет потребности в доктринальных знаниях о нем. Как известно, формально-юридические положения, даже закрепленные в Основном законе страны, могут не только не соответствовать объективным закономерностям развития общества, но и противоречить им и данным науки, нацеленной на их познание.

Установки позитивного права, к сожалению, далеко не всегда, основываются на выводах науки и, как правило, формулируют юридически значимые конструкции и положения без доктринальных исследований, руководствуясь практическими соображениями. В этом плане фундаментальная юридическая наука и правотворческая практика порой оказываются по разные стороны «баррикады». Практика опирается на субъективную волю творца права, будь то народ, монарх или орган государства, а наука ищет объективные закономерности и отталкивается от них. Позитивно-правовые акты для фундаментальной юридической теории не являются и не могут являться источниками искомой ею истины. В лучшем случае, эти акты верно отражают объективно существующие закономерности и служат производными, вторичными объектами исследований с точки зрения их соответствия или несоответствия базовым факторам бытия, которые первичны для научного познания.

Как только наука без оглядки на естественные закономерности погружается в область одних только формальных предписаний, она вольно или невольно оказывается в услужении идеологии и политики. При этом ее социальное предназначение уходит на второй

план. Положения писаной конституции об источнике власти не являются исключением. Они, как и все иные положения основ конституционного строя нуждаются в доктринальном обосновании и опоре на объективную реальность больше, чем формулировки иных юридических актов.

При отсутствии такого обоснования формально-правовое признание того или иного источника власти в лучшем случае оказывается только результатом ценностного выбора общества, уверованного в это, но не результатом доктринального отражения объективной реальности и не констатацией истины, добытой научными поисками. Соответственно, в таком признании будут присутствовать политический, идеологический и юридико-практический смыслы, но в нем не будет доктринальной составляющей или она будет сведена к минимуму. И данное конституционное положение, обращенное к общественному сознанию названными смыслами, не будет отвечать на вопрос о соответствии объективной реальности выводу об источнике власти в целом и источнике судебной власти, в частности. Наполнить познавательным смыслом конституционное положение об источнике власти без научных исследований невозможно.

В связи с этими суждениями возникает еще один вопрос. А именно, вопрос о соотношении сущего и должного в праве в целом и в конституции, в частности. В рассматриваемом контексте это соотношение видится следующим образом. Конституция, как и право в целом, конечно, ориентирует общество на его будущее, т.е. на должное. Но это такое должное, в основании которого лежит сущее. Положения конституции и любого позитивно-правового акта не должны отрываться от реальной действительности. Они призваны указывать на должное посредством опережающего отражения сущего.

И большие перспективы для такого отражения и для познания источников судебной власти открываются не с позиций догматической методологии, а в иной логике, где аксиомы выполняют свою миссию до тех пор, пока соответствуют другим научным знаниям и практике. По мере того как изменяется объект доктринального познания и накапливается новая информация о нем наука периодически возвращается к аксиомам для того, что бы подтвердить, опровергнуть или уточнить их. Такой момент, думается, настал и для осознания фактических источников власти в целом, и судебной власти, в том числе. И один из основных вопросов на этом пути познания – это

вопрос о народе как единственном источнике власти.

История, анализ практики, доктринальные исследования власти последних десятилетий и толкование на их основе положений Конституции РФ заставляют усомниться в том, что народ в современном демократическом обществе фактически является и в принципе может являться единственным источником власти в целом и судебной власти, в частности. При этом увязанность темы о судебной власти с властью в целом обусловлена не только положениями Конституции, но и методологией познания. Методологически верным следует признать подход к доктринальному исследованию любой разновидности государственной власти на основе знаний о власти вообще. М.Н. Марченко справедливо заметил по этому поводу, что исходным в процессе познания государственной власти «на различных этапах развития российского общества и самого государства является общее понятие власти, сформированное на основе общих признаков и черт, свойственных не только государственной власти как таковой, но и другим видам или разновидностям социальных властей» [8, с. 3].

Задача настоящей публикации заключается в формулировании и изложении некоторых сомнений относительно того, что **народ фактически является и объективно может являться единственным источником судебной власти**. Причем ключевыми здесь являются понятия «фактически» и «единственным». Это значит, что постановка данной проблемы не исключает того, что народ, провозглашенный формально-юридическим источником власти, является вместе с тем и ее фактическим источником. В том числе фактическим источником судебной ветви государственной власти. Сомнения кроются в ином. А именно, в том, что народ **единственный фактический** источник этой ветви власти в государстве.

Но прежде чем перейти к имеющимся сомнениям, уточню понятия судебной власти и ее источника.

Под источниками чего-либо обычно понимается то, что дает начало чему-либо, то, что лежит в его основании [12, с. 691]. Так, И.В. Михайловский понимал под источниками права «факторы, творящие право» [9, с. 43].

Общую картину различных аспектов источников судебной власти можно представить по аналогии с более разработанными в юридической науке классификациями источников права, которые некоторые авторы обоснованно разграничивают с его формами. Так, В.Н. Карташов называет материальные и

идеальные (духовные), исторические и фактические, институциональные и формальные (формально-юридические), первоначальные и производные (вторичные), главные и подчиненные, текстуальные и нетекстуальные, традиционные и нетрадиционные, внутренние для данной правовой системы и внешние по отношению к ней источники права [5].

В настоящей публикации речь идет только о субъектном аспекте источников судебной власти, под которыми понимаются субъекты, творящие, формирующие эту власть.

Что касается уточнения по поводу судебной власти, то его суть в том, что судебная ветвь, сформированная в результате разделения государственной власти по действующему российскому законодательству, не в полной мере совпадает с исторически сложившейся фактической судебной властью в государстве. Иными словами, формально определенная судебная ветвь государственной власти и фактически функционирующая судебная власть государства не идентичны. Это стало возможным потому, что в процессе разделения государственной власти не были в достаточной мере учтены фактические и объективно существующие границы между разными видами власти в государстве. Вероятнее всего, эти границы были сознательно проигнорированы и законодательно устанавливались исходя из опыта других государств и политических соображений. Сработали не только элементы механизма разделения государственной власти, но и элементы механизма ее распределения. Первые исходят из объективных закономерностей организации и функционирования государственной власти, практически, исключая возможность ее субъективного перераспределения. Вторые же исходят из субъективных устремлений и лишь ориентированы на объективный механизм разделения этой власти. Механизм распределения государственной власти отдан на откуп политикам и подвержен конъюнктурным влияниям.

Наиболее яркий пример несовпадения разделения и распределения государственной власти в том, что не выделена фактически существующая контрольная ветвь власти. Кроме того, ни в одну из трех продекларированных Конституцией РФ ветвей государственной власти «не вписан» ряд структур государства, о чем многократно и обоснованно утверждалось многими авторами. Что касается судебной власти, то ее веками и естественным образом сложившаяся целостная и живая ткань была искусственно надорвана. Полномочия ее правотворческой составляющей были оставлены судебной ветви, а судебно-исполнительные

полномочия были переданы исполнительной ветви государственной власти, ее органам и должностным лицам. При этом фактически судебная власть, хотя и надорвана, остается целостной. Она естественным образом объединяет в себе и судебно-правотворческую и судебно-исполнительную власти, искусственное отчуждение которых друг от друга носит внешний характер и снижает, как мне представляется, эффективность функционирования судебной сферы разрешения социальных конфликтов.

В тоже время осуществленные ограничения судебной ветви и расширение за счет этого полномочий исполнительной ветви государственной власти не могли не отразиться на терминологии юридической кротологии. Понятие судебной ветви государственной власти оказалось уже понятием государственной судебной власти. Первое отражает объем власти, который оказался в пределах формально-определенных полномочий судов и судей, а второе фиксирует фактическую судебную власть в государстве, которая включает в себя, как минимум, правотворческую и исполнительную составляющие. Вместе с этим понятие исполнительной ветви государственной власти охватывает более широкий круг объективной реальности, чем понятие государственной исполнительной власти. Последнее отражает только исполнительную власть в государстве, а понятие исполнительной ветви государственной власти кроме этого включает в себя, как минимум, еще и судебно-исполнительную власть. «Как минимум» потому, что есть основания считать разновидностью судебной власти и власть, осуществляемую в ходе предварительного расследования преступлений, и судебную охранительную власть, которую осуществляют судебные приставы. Первая из них по своей природе и назначению является предварительной судебной властью и фактически неотчуждаема от нее. По действующему законодательству предварительная судебная власть так же оказалась в исполнительной ветви государственной власти. В этой же ветви и судебная охранительная власть.

В настоящей работе речь идет об источниках судебной правотворческой власти, т.е. той части фактической судебной власти, которая конституционно и законодательно включена в судебную ветвь государственной власти. Такое ограничение объекта предпринимается, прежде всего, для его упрощения, а так же с учетом традиционного для юридиче-

ской науки подхода к пониманию судебной власти.

Теперь относительно сомнений по поводу того, что у судебной ветви государственной власти единственный источник.

Сомнения начинаются с буквального толкования п.1 ст. 3 Конституции РФ. Такое толкование заставляет полагать, что в этом пункте имеется в виду источник любой власти, на что указывает, прежде всего, прилагательное «единственным» и обобщенное понятие «власти». Но возможен ли единый источник власти в обществе, где сама власть неоднородна, где сталкиваются и общие интересы многих разных общностей людей, и индивидуальные интересы множества физических лиц? Скорее нет, чем да, и, прежде всего, потому, что власть сложна и разнообразна.

Еще древние римляне выделяли два принципиально разных типа власти. Первая (*potestas*) вытекала из должности, из занимаемого положения, а вторая (*auctoritas*) – из личного авторитета субъекта, из его «харизмы». Источником первой власти является соответствующий коллектив, организация, а источником второй – индивид, личность.

Схожим образом разграничивал власть Г.В. Мальцев. Он выделял естественную и организационную власти. Ученый именуется естественную власть органической и полагает, что в истории человечества известны два типа власти: органическая власть естественного происхождения и организационная власть как «...социокультурный феномен, возникновение которого приходится на поздние стадии социогенеза, а расцвет связан с цивилизацией» [7, с. 18]. Власть естественного происхождения, по его мнению, «...носит первичный и базовый характер». В качестве примеров органической власти Г.В. Мальцев приводит власть старших над младшими, родителей над детьми, жрецов над непосвященными, пророков над последователями, учителя над учеником, мастера над подмастерьем. Органическая власть «...имманентна взаимодействиям и обменным связям между людьми, приводится в движение внутренними стимулами, интересами, влечениями, эмоциями, заставляющими участников отношений сотрудничать. Эта власть носит первичный и базовый характер...» [7, с.18]. Как правило, это власть одного субъекта над другим в силу присущих ему природных или приобретенных качеств, обеспечивающих превосходство над партнером. Иная основа у организационной власти, которая, по мнению Г.В. Мальцева, возникает как функция достаточно развитых социальных организаций, «...пытающихся, исходя из

сознательно поставленных целей, из рационально сконструированных программ, активно воздействовать на общественные отношения, выстраивать и перестраивать их, придавать им нужное направление. Сложные социальные организации, из которых самой крупной является государство, управляют людьми и отношениями между людьми из какого-либо центра или центров для достижения известных каждому члену организации целей. Власть организаций вторична, поскольку она существует в формах управления (администрирования) общественными процессами, включая первичные базовые властеотношения... Социальные организации, порождающие особый тип власти, могут возникать из политической (государство, партии, общественно-политические объединения), конфессиональной (церковь, религиозные объединения), экономической (цехи, гильдии, концерны, корпорации, промышленные и финансовые союзы) и т.п. основы. Все они по отношению к членам общества, постоянно находящимся в экономическом, правовом, духовном и др. общении, выступают как внешний авторитет, оказывающий целенаправленное воздействие на первичные отношения власти с тем, чтобы придать им регулируемый характер. Среди различных видов организационной власти наибольший интерес для нас представляет государственная власть...» [7, с. 18].

Для настоящего исследования важно не только выделение естественной и организационной власти, но и их соотношение. Первичный, базовый характер естественной власти и вторичность организационной власти по терминологии Г.В. Мальцева заключается, в частности, в том, что первая без второй существовала и существует (прежде всего, власть человека над самим собой, своим поведением), а вторая и, в частности, государственная власть, без первой – не существовала, не существует и существовать не может. Организационная власть (еще раз скажу, что это терминология Г.В. Мальцева) опирается на естественную власть, опосредуется ею и ее субъектами. При этом следует иметь в виду, что единственным источником власти может быть только субъект своей непосредственной власти. В нашем случае, это народ как субъект своей непосредственной судебной власти. Что касается судебной правотворческой власти в государстве, то она носит опосредованный характер и устроена иерархично. Поэтому она не может быть ограничена ее единственным источником, т.к. всякое опосредование предполагает «включение» дополнительных источников власти. Непосредственная, естественная власть «вмонтирована» в организационную и

является ее неотъемлемой частью. При этом организационная власть проявляет себя только через власть естественную. Так, например, для государственной власти ее частью является естественная власть, которую проявляют государственные служащие при осуществлении своих должностных обязанностей и полномочий. Без их собственной власти над собой и над своим поведением государственная власть не может быть реализована.

Наличие разных типов, видов и уровней социальной власти подтверждается и многими другими современными исследованиями. Это же признается авторами целого ряда учебников, где, как правило, отражаются уже устоявшиеся в науке знания. Так, в учебной литературе по теории государства и права принято выделять три основных уровня социальной власти: индивидуальный, отдельных социальных общностей и всего человечества [10, с. 68]. И власть на каждом из этих уровней не может функционировать без своего собственного источника. Для индивидуального уровня власти – это индивид, для власти отдельных социальных общностей – это соответствующие коллективы, а для власти всего мирового сообщества – все человечество.

Причем, судебную власть нельзя отнести только к одному из этих уровней. Она присуща каждому из них, пронизывает все уровни упорядочения в обществе и этим дает дополнительный повод для сомнений относительно единственного ее источника в субъектном аспекте.

В ином плане власть в науке разграничивают на публичную и частную, каждая из которых так же неоднородна. В частности, у вертикальной структуры публичной власти современного общества обоснованно выделяются несколько ее уровней. Один из исследователей справедливо замечает, что «Многие авторы, исследующие содержание теории разделения властей, констатируют, что дифференциация власти имеет место не только по горизонтали, но и по вертикали (Бардаков А.И. Вертикаль власти в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Философия права. 2002. № 1; Глигич-Золотарёва М.В. Разграничение предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти: зарубежный опыт // Журнал российского права. 2003. № 4; Шевцов В.С. Разделение властей в Российской Федерации. Часть вторая. Разделение властей по «вертикали». М., 2004; Васильев В.И. «Вертикаль» и «горизонталь». Правовые вопросы организации власти. Сб. статей. М.: Юрист, 2006. 363 с.; Казанцев В.Г. Новая вертикаль власти – гарант стабильности общественного развития

// Государственное и муниципальное управление. 2001. № 2; Смирнов Я.Ю. Правовые проблемы вертикального разделения властей в Российской Федерации // Вестник института права Самарской экономической академии. 2002. № 3). Проведённые в этом направлении исследования, – утверждает далее, – дают основания говорить о том, что действующая Конституция РФ (системный блок статей: 3, 5, 10, 11, 13, 15, 71, 72, 73, 76, 77 и другие статьи) и действующее российское законодательство дифференцируют публичную власть по вертикали на 5 уровней: 1) международно-правовой (надгосударственный); 2) федеральный; 3) региональный; 4) муниципальный и 5) локальный» [13, с. 8] Соответственно с этим у каждого уровня власти есть, как минимум, один свой источник. Для международно-правового (надгосударственного) – это межгосударственные объединения, для федерального – это федеративные государства, для регионального – это регионы или субъекты федерации, для муниципального – это муниципалитеты, для локального – это отдельные организации.

Вместе с тем, наличие названных уровней публичной власти и их источников предполагает и их взаимосвязанность. В интересующем нас плане это означает, что каждый вышестоящий уровень в той или иной степени выполняет системообразующую функцию по отношению к нижестоящим уровням и потому оказывается в числе источников их власти.

«Подливает масло в огонь» сомнений и текст Конституции. Утверждая народ единственным источником власти, он вместе с тем провозглашает права и свободы человека и гражданина (гл.2), что фактически означает признание собственной индивидуальной власти каждого. Кроме того, Основной закон, закладывая основы организации власти государства, власти субъектов федерации, выделяя федеральные и региональные органы власти, по сути, наряду с властью народа, признает и их власть, а значит и относительную самостоятельность их источников.

Кроме того, есть сомнения относительно того, что социальная власть в целом и каждая ее разновидность в отдельности, в принципе могут исходить от единственного источника. Социальная власть – это власть, которая функционирует в обществе между отдельными индивидами и их коллективами. Она лежит в основании отношений между субъектами и соответственно с этим предполагает не менее двух источников. Один из них обладает потенциалами воздействия, а другой – способен воспринимать, отражать их проявления. Обычно в этом смысле выделяют такие

качества как господство и подчинение. Отсутствие хотя бы одного из них исключает наличие социальной власти. Можно констатировать, что в своих истоках социальная власть и ее разновидности всегда дуалистичны.

К этому следует добавить, что в современных условиях отношение господства и подчинения выстраиваются не только на основе субъектно-объектных, но и на основе субъектно-субъектных зависимостей, что предполагает и прямые, и обратные связи между взаимодействующими лицами. В таких условиях субъект, воздействуя на других участников общественных отношений, испытывает их обратные влияния. Сила и устойчивость последних в конечном итоге приводит к тому, что изначальная власть, потенциалы господства которой сосредоточены у одного субъекта постепенно преобразуется во власть, потенциалы которой опосредуются многими лицами. Целостность исходной, непосредственной власти расщепляется. В ее цепочке появляются источники, носители, проводники, исполнители. И у каждого из них, в свою очередь, со временем выстраиваются свои цепочки связей и зависимостей. Оказывается, что власть одна, а ее субъектов может быть множество. Рождается иерархия власти с ее структурными и функциональными зависимостями, с распределением ролей между субъектами.

Таким образом, буквальное толкование п.1 ст.3 Конституции и современные знания о социальной и государственной власти заставляют усомниться в том, что народ **единственный** источник любой, в том числе и судебной, власти в современном демократическом обществе.

Эти сомнения усиливаются тем, что второе основание умозаключения о народе как единственном источнике судебной власти, т.е. суждение о ней исключительно как о виде (ветви) государственной власти, не соответствует ни истории, ни современности, ни элементарной логике.

Известно, что в современном обществе функционируют и довольно широко представлены не только государственные суды, но и третейские. Они, несмотря на то, что действуют на основании законов государства [2, 3], не входят в его судебную систему и по своей природе не являются его органами. Однако, признается, что третейские суды тоже осуществляют правосудие, хотя и имеющего свои особенности. Так, «по выводам Конституционного суда РФ "согласно современной доктрине справедливого правосудия" проявление его фундаментальных принципов имеет свои особенности в

третейском разбирательстве, "которые обусловлены частной, негосударственной природой третейского суда" (См. постановление КС РФ от 18.11.2014г. № 30-П)».

Есть также церковные суды. Известны суды офицерской чести, товарищеские суды и т.д. Все они обладают судебной властью, у которой не могут не быть свои источники.

Более того, судебная власть, видимо, может исходить и исходит не только от судов как социальных учреждений, но и от конкретных индивидов, социальных коллективов. Всякое осуждение, которое проявляется обществом, коллективом или отдельным человеком предполагает наличие судебной власти, лежащей в его (осуждения) основании.

Судебная власть как ветвь государственной власти современного демократического общества «лежит на поверхности» социальной реальности и представляет собой вершину того массива этой власти, на который данная ветвь опирается и из которого она «выросла» в ходе своего исторического развития. Суды, судебная власть и вся сфера разрешения конфликтов не придуманы государством. Они заимствованы им у прежних институтов социального упорядочения. В науке есть обоснованное мнение о том, что и суд, и судебная власть, и вся сфера разрешения социальных конфликтов сформировались в обществе до появления государства. Так, Г.В. Мальцев отмечал, что «Повсюду на ранних стадиях развития социальной организации в примирении участвовали все взрослые члены рода, тот или иной спор рассматривался на *общем собрании, с которого собственно, и начинается история судебных учреждений...* На наиболее древнем этапе ... преобладали *суды первичной формации* – родовые сходки, племенные собрания под руководством старейшин и вождей, имеющих, как правило, посреднический опыт. Этот «народный суд» древнего общества всеми мерами добивается примирения сторон, широко применяет согласительные процедуры, он вообще может рассматриваться как орган, воплощающий в себе как посреднические, так и судебные функции» [6, с. 601].

Значит, судебная власть присуща не только государству. А из этого в свою очередь следует, что обозначенный выше тезис, лежащий в основе бытующей трактовки народа как единственного ее источника, неверен и не соответствует объективной реальности.

Вывод и выдвижение гипотезы.

В нынешних условиях народ по объективным причинам не может быть и фактически не является единственным источником судебной власти, как в масштабах общества, так и в государстве.

Есть основания полагать, что у судебной власти в современном демократическом государстве, как минимум, три основных источника, каждый из которых формирует «свой» компонент власти и проявляет «свой» вектор активности. Один из этих источников – народ. Вторым ее источником является государство, а третьим – судьи. От народа исходит общесоциальный компонент судебной власти. Судьи вносят в нее естественный, а государство организующий компоненты.

Такой подход к источникам судебной власти позволяет приблизиться к пониманию ее общеправового и мировоззренческого значения, вытекающего из того, что она как социальное явление исторически не только предшествовала государственной власти, но и лежала в ее основании. Судебную власть в качестве истока власти государственной рассматривали такие разные мыслители как Ф. Энгельс и П. Кропоткин. Разделял этот взгляд и Г.В. Мальцев [6].

Государственная власть, а значит, и государство, сформировались в результате развития судебной власти как социального явления, которая сыграла роль фактора бифуркации, переходного звена социальной власти в ее динамике от одного качества к другому, от ее целостности к разделению на государственную и негосударственную.

Список литературы и источников:

1. Конституция РФ.
2. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102 ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации».

3. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. №382 ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации».

4. Кардозо Б.Н. Природа судейской деятельности / Пер. с англ. – М.: Статут, 2017. – 112 с.

5. Карташов В.Н. Традиционные и современные подходы к пониманию источников права // Источники права: проблемы теории и практики / материалы конференции. – М.: РАП, 2008. – С.55-62.

6. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: монография / Г.В. Мальцев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 800 с.

7. Мальцев Г.В. Право и политика в контексте теории власти // Право и политика современной России. –М., 1996.

8. Марченко М.Н. Государственная власть в советский и постсоветский периоды развития российского общества: общеродовые признаки и особенности // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. –2016. – № 6. – С. 3-18.

9. Михайловский И.В. Очерки философии права. Т.1. Томск, 1914. С. 237. Цит. по работе: Марченко М.Н. Источники права: учеб.пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

10.Морозова Л.А. Теория государства и права. –М.: Юрист. 2005. – 414 с.

11.Серков П.П. Полифункциональность правосудия: реальность или интерпретация правовой действительности // Журнал российского права. – 2016. – №12. – С. 162-174.

12.Словарь русского языка. Т.1. –М., 1961.

13.Югов А.А. Единство и дифференциация публичной власти: система разделения властей // Российская юстиция. –2017. – № 9. – С.5-8.

A.I. Khoroshiltsev, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: hor46@bk.ru)

ON THE SOURCES OF THE JUDICIARY

Article outlines some doubts that the judiciary in a modern democratic State, only one source. It is suggested that she has at least three main sources: the people, the State and the judge.

Keywords: State power, judicial power, judiciary sources.

СОБЫТИЯ

ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА АССОЦИАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ В РОСИ (Курск, РОСИ, 1 июня 2018 г.)

1 июня в Региональном открытом социальном институте произошло важное событие – наш вуз стал базой для проведения заседания Президиума Ассоциации юридических вузов. Ассоциация юридических вузов – влиятельная организация, на сегодняшний день объединяющая 196 юридических вузов в России и за рубежом. Ее главными целями являются, во-первых, объединение усилий юридических вузов в реализации задач повышения качества высшего юридического образования в России, а во-вторых, формирование и проведение скоординированной образовательной политики. РОСИ длительное время является одним из активных членов Ассоциации, а его ректор – В.Н. Петров – членом Президиума, так что решение провести очередную встречу в Курске было не случайным.

Заседание собрало представителей ряда авторитетных вузов: Российского государственного университета правосудия, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургской юридической академии, Дипломатической академии МИД России, Московского гуманитарного университета, Московского университета имени С.Ю. Витте, Гуманитарного института имени П.А. Столыпина, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Пермского государственного национального исследовательского университета.

Члены Президиума обсудили план работы Ассоциации на 2018-2019 годы, обсудили актуальные вопросы аккредитации образовательных программ, а также условия приёма в Ассоциацию юридических вузов новых членов. Президент Ассоциации – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор С.Н. Бабурин – отметил высокий уровень организации мероприятия и гостеприимство хозяев.

Администрация РОСИ благодарит сотрудников института, вошедших в состав оргкомитета мероприятия и приложивших силы для его качественного проведения!

С.А. Кравченко,
канд. пед. наук, начальник научно-исследовательского отдела
ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ТЕОРИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»
(Курск, РОСИ, 1-2 июня 2018 г.)**

1-2 июня в стенах нашего вуза прошла Всероссийская научная конференция «Теория судебной власти: проблемы и пути их решения». Основной целью мероприятия стало обсуждение фундаментальных вопросов судебной власти и актуальных проблем становления ее теории в юридической науке. В ходе конференции рассматривались такие вопросы как научная специфика теоретических исследований судебной власти, современное состояние теоретических знаний о судебной власти, методология юридического познания судебной власти, судебная власть как фактор объективной реальности, развитие сферы разрешения социальных конфликтов и место в ней судебной власти, социальная миссия судебной власти, судебная власть как источник индивидуального права и ряд других.

Совпав хронологически с проведением в РОСИ другого важного мероприятия – заседания Президиума Ассоциации юридических вузов – конференция собрала более чем солидный состав. Модерировали заседание ректор РОСИ В.Н. Петров и Президент Ассоциации юридических вузов С.Н. Бабурин. С докладами выступили представители Российского государственного университета правосудия, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургской юридической академии, Дипломатической академии МИД России, Московского гуманитарного университета, Московского университета имени С.Ю. Витте, Гуманитарного института имени П.А. Столыпина, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Пермского государственного национального исследовательского университета, Юго-Западного государственного университета, Курского государственного университета и, конечно, Регионального открытого социального института. Кстати, именно в нашем институте заявленная в качестве темы конференции проблематика активно исследуется: участники мероприятия отметили значительный вклад кандидата юридических наук, доцента РОСИ А.И. Хорошильцева в расширение научных горизонтов проблемы. Кроме его доклада, серьезные дискуссии вызвали выступления д-ра юр. наук, зав. кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина Л.А. Воскобитовой, а также именитых представителей Российского государственного университета

правосудия: д-ра юр. наук, профессора, заведующего отделом теории права, государства и судебной власти В.М. Сырых, д-ра юр. наук, профессора кафедры теории государства и права Л.А. Морозовой, д-ра юр. наук, профессора кафедры конституционного права В.Н. Сафонова и ряда других известных специалистов.

Участники мероприятия отметили высокий теоретический уровень конференции и содержательность докладов, что привело их к мысли не ограничиваться изданием сборника материалов конференции, но и попробовать подготовить коллективную монографию по заявленной проблематике. Кроме того, гостей не оставили равнодушными качественная организация мероприятия, а также насыщенная культурная программа: кроме участия в аудиторных дискуссиях участники конференции получили возможность познакомиться с достопримечательностями Курска, посетить знаменитую Коренную Пустынь, а также усадьбу А.Фета.

Президент Ассоциации юридических вузов, заслуженный деятель науки Российской Федерации С.Н. Бабурин резюмировал свои впечатления от мероприятия так: «содержательно, интересно, гостеприимно».

А.В. Апанасенок,
д-р ист. наук, проректор по науке и международным связям
ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»

**ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНЫХ ПРОЕКТОВ ЧОУ ВО «РОСИ»
НА VII СРЕДНЕРУССКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФОРУМЕ
(Курск, 8 июня 2018 г.)**

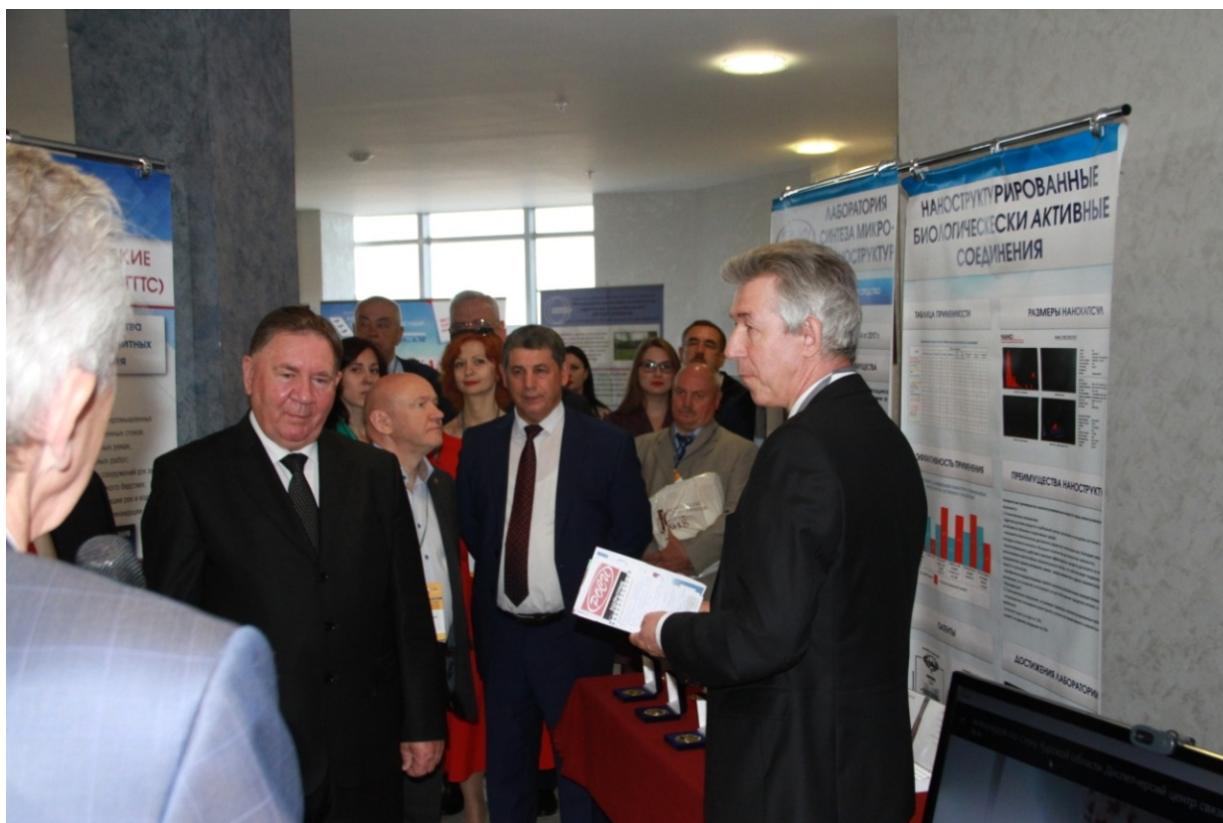
С 2012 года Курск является местом проведения Среднерусского экономического форума. За свою недолгую историю это событие стало знаковым в экономической и политической жизни регионов средней полосы России. На форуме поднимаются самые актуальные вопросы развития Центра страны и формируются основные направления будущей экономической политики.

8 июня 2018 года прошел очередной уже VII Среднерусский экономический форум, тема которого «На пути к экономике знаний» стала продолжением дискуссий прошедших форумов, посвященных человеческому капиталу, сохранению наследия для будущих поколений, прорывным технологиям, экономической и продовольственной безопасности.

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ – это экономика, в развитии которой знания и инновации играют доминирующую роль. Возникновение экономики знаний характеризуется возрастающей ролью знаний в качестве фактора производства и их существенным влиянием на квалификацию, обучение, организацию и инновации.

Региональный открытый социальный институт был представлен тремя проектами.

Лаборатория «Синтез микро- и наноструктур» (зав. лабораторией докт. хим. наук, профессор Кролевец А.А.) представила свои разработки в области нанокапсулирования биологически активных веществ.

Ректор РОСИ В.Н. Петров проводит презентацию проектов экспертной комиссии во главе с губернатором Курской области А.Н. Михайловым

Областями применения наноструктурированных ингредиентов являются:

- пищевая промышленность;
- медицина;
- фармацевтика;
- косметология;
- ветеринария;
- агропромышленный комплекс.

Основными преимуществами нанокapsулированных веществ являются:

- Доставка нанокapsулой действующего вещества без потерь в агрессивной кислотной среде желудка в необходимый отдел кишечника, что позволяет снизить дозировку препарата в 5-20 раз и сократить нагрузку на организм;
- Прямое, благодаря наноразмеру, всасывание действующего вещества через стенки кишечника в кровоток, что позволяет осуществить адресную доставку препарата к определенным органам или целенаправленное их воздействие на патогенную флору;
- «Растворимость» водонерастворимых веществ в нанокapsулированном виде позволяет осуществлять прием в виде водного раствора, не имеющего запаха, вкуса и цвета;
- Кратное увеличение сроков хранения препаратов без создания специальных условий;
- Отсутствие приспособляемости патогенной флоры к нанокapsулированным препаратам благодаря *disgase*-эффекту нанокapsулы.

В своей деятельности лаборатория сотрудничает с ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» (г. Курск), АО «Конти-Рус» (г. Курск), ОАО «Восла» (г. Курск), Курской халвичной фабрикой, ОАО «Курскхлеб», Белгородским холдингом «Белая птица», ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского» (г. Москва), ФГАНУ «Научно-исследовательский институт хлебопекарной промышленности» (г. Москва), ФГБОУ ВО «Московский государственный университет пищевых производств» (г. Москва).

При лаборатории работает бесплатная инженеринговая школа для школьников 5-11 классов города Курска. Преподаватели ВУЗа с учащимися инженеринговой школы занимаются разработкой индивидуальных программ по нанохимии, физике, пищевой химии. Школьники представляют свои работы и изобретения на научных молодежных конференциях и выставках, публикуют разработки в научных журналах.

Лабораторией «Мобильные гибкие гидротехнические системы» (МГГТС) (зав. лабораторией канд. техн. наук, доцент Новиков С.Г.) был представлен проект «Применение защитных гибких мобильных быстровозводимых гидротехнических сооружений многоразового использования для снижения ущерба от вредного действия водной стихии».

Гидротехнические мобильные системы (оболочки) используются в качестве:

- водооградительных дамб для защиты населенных пунктов, промышленных и военных объектов от затопления при паводках и наводнениях, водоемов от попадания в них загрязненных стоков;
- водонаполняемых дамб для решения проблемы лимитирующих глубин на судоходных реках;
- временных гидротехнических сооружений при ведении строительных и монтажных работ;
- промежуточных дамб при ликвидации ЧС на период устройства основных защитных сооружений для заделки проранов, что позволяет выиграть время для эвакуации людей и животных из зоны стихийного бедствия;
- геотекстильных контейнеров из фильтровального материала при технической мелиорации рек и водоемов;
- поливных трубопроводных систем для орошения сельскохозяйственных культур и ликвидации пожаров.

Гибкие гидротехнические системы производятся в Германии, Японии, США. Аналоги производства в России отсутствуют. По сравнению с импортными изделиями МГТС отличаются большим разнообразием функций, повышенной прочностью, многократностью использования, возможностью масштабирования, меньшей стоимостью.

Разработанные гибкие конструкции и технологии их производства защищены 20 авторскими свидетельствами и патентами РФ на изобретения и внедрены во многих сферах промышленности и сельского хозяйства.

Проекты представляли: Петров В.Н., Кролевец А.А., Новиков С.Г., Куценко В.Н., Глотова С.Г., Левченко О.В.

Инновационность, патентозащищенность и многофункциональность проектов подтверждает их перспективность.

В.Н. Петров,

канд. ист. наук, ректор

ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»

С.Г. Новиков,

канд. техн. наук, зав. кафедрой

технологии пищевых продуктов и товароведения

ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»

**ПО-ПРЕЖНЕМУ СРЕДИ ЛИДЕРОВ:
НОВАЯ ПОБЕДА РОСИ В КОНКУРСЕ ERASMUS+
(август 2018 г.)**

Накануне нового учебного года были подведены итоги конкурсов масштабной европейской программы ERASMUS+. Среди победителей по престижному направлению «Жан Моне» вновь оказался Региональный открытый социальный институт.

Приятно отметить, что победы нашего института в грантовых конкурсах ERASMUS+ стали регулярными. В 2015 г. РОСИ получил грант ERASMUS+ на разработку учебного курса по основам предпринимательской культуры, в 2016 г. – на организацию стажировок сотрудников и студентов в Высшей Банковской школе г. Риги, в 2017 г. эксперты Программы поддержали проект РОСИ, направленный на изучение проблем экстремизма в сфере межрелигиозных отношений. Очередной же грант должен быть выделен на реализацию проекта, посвященного развитию информационной культуры студентов. Нужно сказать, что на уровне отбора он выдержал более чем серьезную конкуренцию: российскими вузами по направлению «Жан Моне» было подано несколько сотен заявок, поддержано же оказалось только 23. РОСИ оказался единственным негосударственным вузом в компании с крупными вузами, относящимися к числу лидеров в области международных связей и интернационализации образования.

Полное название проекта – «Развитие информационной культуры студентов: внедрение европейского опыта в российскую практику» - «Developing Information Culture of Students: Integration of European Experience into Russian Reality» (координатор проекта – доц. Т.В. Ежова). Данный проект был запущен 1 сентября 2018 г. и рассчитан на три года. Он предполагает проведение нового учебного курса «Информационная культура общества: опыт ЕС», организацию исследовательской работы студентов по данной проблематике, а также проведение ряда научно-практических мероприятий по тематике новых информационных технологий. Обстоятельно с проектом можно познакомиться на его сайте по адресу <http://www.infcul-rosi.ru>

Коллектив РОСИ уверен, что проект «Развитие информационной культуры студентов: внедрение европейского опыта в российскую практику» в эпоху тотального внедрения цифровых технологий окажется интересен и полезен студентам. Кроме того, к участию в нем приглашаются аспиранты, работники сферы образования и, конечно, практики, создающие информационную среду нашего общества.

***А.В. Апанасенко,**
д-р ист. наук, проректор по науке и международным связям
ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»*

«РАСТЕМ! ОТКРЫВАЕМ! СОВЕРШЕНСТВУЕМСЯ! ИЗОБРЕТАЕМ!»: УЧАСТИЕ РОСИ В VIII ВСЕРОССИЙСКОМ ФЕСТИВАЛЕ НАУКИ (Курск, 12 октября 2018 г.)

12 октября 2018 года Региональный открытый социальный институт принял участие в региональной площадке VIII Всероссийского Фестиваля науки, который проходил на базе Юго-Западного государственного университета при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Комитета образования и науки Курской области.

Фестиваль науки – это живая, динамичная презентация чудес науки и фундаментальных знаний. Уникальное сочетание неформальных научных мероприятий, шоу, лекций ведущих ученых и интерактивных выставок для всех возрастов и профессий, а также возможность обменяться знаниями, опытом и осуществить поиск новых путей взаимодействия науки и практики.

На выставочной площадке РОСИ были представлены материалы, которые дали возможность познакомиться с научными, техническими и образовательными достижениями института, а так же направлениями подготовки студентов. Вниманию посетителей были предложены разработки действующих лабораторий мобильных гибких гидротехнических систем и синтеза микро- и наноструктур. Кроме того, на стендах была отражена информация о реализации международных научно-образовательных проектов «Противодействие религиозному экстремизму и гармонизация межконфессиональных отношений: опыт ЕС» и «Развитие информационной культуры студентов: внедрение европейского опыта в российскую практику»

Экспозицию вуза «*Растем! Открываем! Совершенствуемся! Изобретаем!*» посетило большое количество школьников и учащихся профессиональных учебных заведений. Особый интерес вызвала подготовленная студентами и преподавателями кафедры технологии продовольственных продуктов выставка изделий функционального, специализированного, и лечебно-профилактического питания, основанного на инновационных разработках с использованием нанотехнологий.

Кроме того, в рамках мероприятия был организован мастер-класс «*В каждой плошке науки немножко*», на котором преподаватели кафедры технологии продовольственных продуктов познакомили посетителей не только с интересной, но и вкусной, полезной наукой, показали возможности применения наноструктурированных ингредиентов в производственных и бытовых условиях. Все желающие могли попробовать на вкус пироги, мармелад и даже йогурт, приготовленные по представленным технологиям, а также получить рецепт изготовления полезных кулинарных изделий у себя дома. Не оставили равнодушными научные достижения в области косметологии и гигиены.

Девушки с удовольствием тестировали образцы косметических средств, изготовленные с использованием нанокасул.

Региональный открытый социальный институт активно работает в направлении формирования и развития у детей интереса к научным познаниям, популяризации в детской среде научных достижений. С этой целью к работе выставки были привлечены слушатели инжиниринговой школы, действующей при кафедре технологий продовольственных продуктов и товароведения (учащиеся МБОУ СОШ № 42 Уколова Анастасия и МБОУ СОШ № 61 Пустовой Лев). Их сообщения стали ярким свидетельством возможности увлечения наукой уже с детства, а знание английского языка даже позволило Льву выступить в качестве переводчика в общении с иностранными гостями выставки.

Администрация института благодарит студентов и преподавателей кафедры технологии продовольственных продуктов и товароведения за активное участие в подготовке и проведении выставки и желает дальнейших успехов в научных и творческих начинаниях!

С.А. Кравченко,
канд. пед. наук, начальник научно-исследовательского отдела
ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в «Провинциальных научных записках» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи, как правило, составляет от 6 до 10 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- печатный вариант статьи, подготовленной в соответствии с настоящими правилами оформления,

- ее электронную версию;

- сведения об авторе (авторах) (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- по запросу редколлегии – разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Институту прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полуужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается краткая аннотация курсивом, отражающая краткое содержание статьи.

Например:

УДК 093.9

И.П. Кузнецов, канд. техн. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт (Курск) (e-mail: kuznetcov@gmail.com)

ФЕНОМЕН ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются различные подходы к анализу специфики постиндустриального общества. Автор рассматривает три основные концепции, представленные в отечественной гуманитарной науке и призванные объяснить феномен постиндустриальной цивилизации.

Ключевые слова: *парадигма, постиндустриальное общество, социальные отношения, информация.*

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. При наборе формул и переменных следует учитывать, что полоса набора – 75 мм. Если формула имеет большой размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!

Все русские и греческие буквы (Ω , η , β , μ , ω , ν и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций (\sin , \cos , \tg и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

10. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

11. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 *dpi* и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Другие технологии вставки и обтекания не допускаются.

12. Список литературы к статье обязателен и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы. Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305009, г. Курск, ул. Маяковского, 85. РОСИ, научно-исследовательский отдел.

Тел.(4712) 34-38-48 (доб. 254), тел/факс (4712) 34-38-48

E-mail: nio@rosi-edu.ru